

ISSN 1813-6230

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**2020
№ 3(61)**

**LENINGRAD
LEGAL JOURNAL**

**2020
No 3(61)**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2020 № 3(61)

Журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается
с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия

С. Г. Еремеев	доктор экономических наук, профессор
(главный редактор)
И. С. Кокорин	кандидат юридических наук, доцент
(зам. главного редактора)
О. В. Виноградов	кандидат юридических наук, доцент
(ответственный секретарь)
Н. В. Бугель	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Емельянов	доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
М. Ю. Павлик	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. Г. Павлов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Петров	кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С. А. Рогов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
М. В. Рыбкина	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Е. В. Силина	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
О. Э. Старовойтова	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С. Б. Глушаченко	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Егоров	кандидат юридических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь)
В. П. Очеретько	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И. Ф. Покровский	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. Ф. Попондопуло	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
М. Прохазка	PhD (г. Ческе-Будеёвице, Чехия)
Р. А. Ромашов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. М. Сырых	доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Б. Шубников	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Тел. +7(812) 470-56-74
<http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

**LENINGRAD
LEGAL
JOURNAL**

**2020
No 3(61)**

**The journal is included into
The List of reviewed academic journals and periodicals
recommended for publishing
in corresponding series basic research thesis results
for a PhD Candidate or Doctorate Degree**

The certificate
of the mass media registration
ПМ № ФС77-69774 от May 18, 2017

**The journal is issued
since 2004
Quarterly, 4 issues per year**

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board

S. G. Eremeev	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief editor
I. S. Kokorin	Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Chief editor
O. V. Vinogradov	Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Executive editor
N. V. Bugel'	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
A. S. Emelyanov	Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)
M. Yu. Pavlik	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. G. Pavlov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
K. V. Petrov	Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)
S. A. Roganov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
M. V. Rybkina	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
E. V. Silina	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
O. E. Starovoitova	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
S. B. Glushachenko	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
A. V. Egorov	Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)
V. P. Ochered'ko	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
I. F. Pokrovskii	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. F. Popondopulo	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
M. Prokhazka	PhD (České Budějovice, Czech Republic)
R. A. Romashov	Dr. Sci. (Ped.), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. M. Syrykh	Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)
Yu. B. Shubnikov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 470-56-74
<http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Юридический язык Морского устава 1720 г.....	6
<i>М. О. Акишин</i>	
Правительственный конституционализм и Особое совещание 5–7 декабря 1905 года: борьба вокруг избирательного закона по выборам Первой Государственной думы	24
<i>А. В. Гоголевский</i>	
Государственно-правовые системы современности	34
<i>Р. А. Ромашов</i>	
Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть I. Начала отделения судов от администрации в дореформенной России (до судебной реформы 1864 года)	47
<i>В. П. Очередько</i>	
Нормативный правовой акт и акт с нормативным содержанием как формы закрепления социальных притязаний	61
<i>М. Г. Смирнова</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах.....	69
<i>Б. А. Левитанус, С. В. Стрельников</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Права на интеллектуальную собственность как основной объект инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники	80
<i>А. Н. Рудяков, А. В. Майоров, Е. Н. Минченков</i>	
Особенности осуществления родительских прав несовершеннолетними родителями	96
<i>Н. В. Бобракова, Л. А. Сухомлинова, О. Ю. Тхаровская</i>	

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Новые подходы в понимании внешней трудовой миграции: необходимость и значимость	109
<i>В. П. Очередько, Е. А. Малышев</i>	
Правовые аспекты охраны труда в современных условиях	121
<i>Л. А. Чернышева</i>	

Contents

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- Legal language on the Maritime Charter of 1720. 6
Mikhail O. Akishin
- Government constitutionalism and the Special Meeting
on 5–7 December 1905: the struggle over the electoral law
for the election of the First State Duma 24
Aleksandr V. Gogolevskii
- State legal systems of our time 34
Roman A. Romashov
- Separation of judicial power from Executive power:
historical vicissitudes of the Russian model.
Part I. The beginning of the separation of courts from administration
in pre-reform Russia (before the judicial reform of 1864) 47
Viktor P. Ocheredko
- Normative legal act and an act with normative content
as a form of securing social claims 61
Marina G. Smirnova

CRIMINAL LAW

- Legal regulation of «ecocide» in Russia and foreign countries 69
Boris A. Levitanus, Sergey V. Strelnikov

CIVIL LAW

- Intellectual property rights as the main object of investment activity
in the field of artificial intelligence and robotics 80
Aleksandr N. Rudiakov, Arsenii V. Maiyurov, Egor N. Minchenkov
- Features of the exercise of parental rights by minor parents 96
*Natal'ya V. Bobrakova, Lyudmila A. Sukhomlinova,
Ol'ga Yu. Tkharovskaya*

LABOUR LAW

- New approaches to understanding external labor migration:
the need and importance 109
Viktor P. Ocheredko, Evgenii A. Malyshev
- Legal aspects of labour protection in the current context 121
Liudemila A. Chernysheva

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Статья / Article

УДК / UDC 347.79 (47) «1720»

Юридический язык Морского устава 1720 г.*

М. О. Акишин

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье анализируется проблема соотношения в Морском уставе 1720 г. рецепции военно-морского права стран Европы и учета накопленного опыта правового регулирования организации и деятельности флота России в годы Северной войны, получившего выражение в терминосистеме русского военно-морского языка.

Наблюдения над терминологией Морского устава позволяют утверждать, что он не внес каких-либо новых терминов в язык военно-морского флота. Можно говорить только о конкретизации уже существовавших терминов и формулировании легальных дефиниций некоторых из них.

Основой формирования военно-морского языка России в конце XVII в. – 1720 гг. стала терминология, заимствованная из голландского языка. В процессе рецепции военно-морского права стран Европы в России сумели не только заимствовать лучшее, но и сформировать собственные традиции, получившие отражение в терминосистеме военно-морского языка России XVIII в.

Ключевые слова: военно-морской флот, Морской устав 1720 г., право, рецепция, юридический язык.

Для цитирования: Акишин М.О. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 6–23.

Legal language on the Maritime Charter of 1720*

Mikhail O. Akishin

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

* Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. ГРАНТ № 20-09-42011.

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Grant number 20-09-42011

© Акишин М. О., 2020

The article analyzes the problem of correlation in the Naval Charter of 1720 of the reception of naval law in Europe and the accumulated experience of legal regulation of the organization and activities of the Russian Navy during the Northern war, which was expressed in the term system of the Russian naval language. Observations on the terminology of The naval Charter suggest that it did not introduce any new terms into the language of the Navy. We can only talk about the specification of existing terms and the formulation of legal definitions of some of them. The basis for the formation of the Russian naval language at the end of the XVII century – 1720 was the terminology borrowed from the Dutch language. In the process of reception of the naval law of European countries, Russia managed not only to borrow the best, but also to form its own traditions, which were reflected in the term system of the Russian naval language of the XVIII century.

Key words: Navy, naval Charter of 1720, law, reception, legal language.

For citation: Akishin, M.O. (2020) Yuridicheskij yazyk Morskogo ustava 1720 goda [Legal language of the Maritime Charter 1720]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3(61). pp. 6–23. (In Russian).

Постановка вопроса

Отмечая в настоящем году 300-летие принятия и публикации Морского устава Петра Великого¹, приходится отметить, что целый ряд проблем, связанных с его разработкой и юридической техникой поныне остается дискуссионными. В частности, научную дискуссию вызвал вопрос о соотношении в Морском уставе рецепции европейского права и накопленного Россией в конце XVII – начала XVIII вв. опыта создания, управления и применения военно-морского флота.

Общепризнанно, что при создании военно-морского флота России и разработке его нормативно-правовой системы Петр Великий использовал опыт морских держав Европы. Как писал классический исследователь истории флота Ф.Ф. Веселаго в 70-х гг. XIX в., «при начале своего существования русский флот пользовался законоположениями тех старейших иностранных флотов, по образцу которых он создавался и представители которых занимали у нас высшие морские должности» [2, с. 537].

Но сама констатация этого факта и порождает дискуссию. По мнению шведского ученого К. Петерсона, метод разработки Морского устава заключался в «сравнении иностранных правовых актов, избранных в качестве источников, и затем извлечении из этих актов тех частей, которые

¹ Книга Устав морской, о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. Напечатана постановлением царского величества в Санкт-Петербургской типографии. Лета Господня 1720, апреля в 13 день; Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Тип. II отд. собст. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. VI. № 3485.

наилучшим образом согласовывались с намерениями русских законодателей». Он доказывал, что за основу Морского устава взяты французские морские установления [14, р. 405–407; 16, с. 189]. Концепцию К. Петерсона поддержал голландский историк А.Х. Хуссен [13, с. 326–340]. Согласно второму подходу (С.И. Елагин, Ф.Ф. Веселаго, Г.Я. Сальман, Е.Т. Волков, П.А. Кротов и др.), проект Морского устава был составлен во взаимовлиянии процессов рецепции европейского права и опыта действий русского флота в первые десятилетия царствования Петра Великого [2, с. 537–578; 3, с. 113–116; 6, с. 1–53; 7, с. 287–294; 10, с. 21–25; 11, с. 310–322].

Думается, важным аргументом в этой дискуссии является изучение вопроса о преемственности юридического языка Морского устава 1720 г. с предшествующим процессом формирования терминосистемы военно-морского флота России. Оговорюсь, что в отличие от лексемы, термин – это номинативный знак, созданный для обозначения предметов, явлений, отношений той или иной профессиональной деятельности. При анализе этой проблемы важную роль играют труды лингвистов по истории формирования военно-морской лексики.

В трудах лингвистов установлено, что становление в России терминосистемы военно-морского языка приходится на эпоху Петра Великого. Лексический состав военно-морского языка является предметом специальных исследований лингвистов с 1960-х гг.¹ В 2008 г. была защищена диссертация Л.В. Горбань по истории военно-морской лексики в русском языке². Важную роль для изучения лексики военно-морского права XVIII в. играют как специальные военные словари³, так и словари русского языка XI–XVII вв. и XVIII в.⁴

Целью настоящей статьи является изучение влияния иноязычных заимствований на формирование терминосистемы военно-морского флота России, а также проблема преемственности и новаций в языке флота, к которым привела разработка и принятие Морского устава 1720 г.

¹ Богородский Б.Л. Русская судоходная терминология в историческом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1964. 32 с.

² Горбань Л.В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2008.

³ Военно-морской словарь. М.: Воен. изд-во, 1990. 511 с.; Русский военно-исторический словарь / сост. В.Г. Краснов, В.О. Дайнес. М.: Олма-Пресс, 2001. 656 с.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2015. Вып. 1–30. Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984–2013. Вып. 1–20.

Становление языка военно-морского флота России

Лексический состав языка морского флота начал формироваться в Древней Руси. Первые лексемы морского языка обнаруживаются в памятниках письменности X–XII вв.: «корабль», «судно» и наименования деталей корабля и его оснастки – «палуба», «парус», «корма», «весло», «якорь» и др. Часть из них была заимствована из греческого языка («парус», «якорь», возможно, «корабль») [4]. Однако, как доказывает Л.В. Горбань, «специальная военно-морская лексика как специфическая терминология, обозначающая предметы и понятия из области военно-морского дела, в древнерусскую эпоху отсутствовала»¹. После монголо-татарского нашествия развитие морского флота в России было приостановлено на столетия.

Становление и развитие терминосистемы военного права в русском языке происходит под влиянием экстралингвистических факторов – появления огнестрельного оружия и создания полков «нового строя» в XVII в. Первые попытки создания военно-морского флота России были предприняты в 1660-х годах, что отразилось в заимствовании русским языком ряда терминов голландского происхождения. Однако, во время строительства Азовского флота в конце XVII в., по наблюдениям С. Елагина, морская терминология еще не сформировалась. «Назначенные» Петром I «временные» моряки в это время еще плохо понимали и использовали морские термины [5, с. 32–33].

Нормализация использования военно-морской лексики началось после «Великого посольства» Петра I и массового найма иностранных моряков, преимущественно голландцев. Именно в начале XVIII в. под влиянием экстралингвистических факторов – расширение международных отношений с морскими державами Европы, формирования регулярного флота (парусного и гребного), становления профессионального статуса военных моряков, их правового регулирования – в России возникает военно-морская лексика как терминологическая подсистема русского языка².

¹ Горбань Л.В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2008. С. 14.

² Горбань Л.В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2008. С. 14.; Уланов А.В. Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII–XVIII веков (на материале столичной и региональной деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2008. С. 15.

Важную роль в становлении терминосистемы военно-морского флота сыграли первые акты военно-морского законодательства России – «Артикулы» К.И. Крюйса 1698 г., «Инструкции и Артикулы военные российского флота» 1710 г., источником составления которых стал голландский дисциплинарный устав 1662 г. [9, с. 665] Становление терминосистемы языка военно-морского флота происходило преимущественно под влиянием голландского языка. Несколько меньшим было влияние английского языка и еще менее значительным – французского, польского, немецкого, итальянского языков.

Первые уставные акты военно-морского флота содержали значительные пробелы, что привело Петра I к необходимости приступить в 1715 г. к разработке Морского устава [1]. В преамбуле к Морскому уставу 1720 г. указывались источники его составления: «...выбрано из пяти морских регламентов, и к тому довольную часть прибавили, что потребно». При разработке Морского устава 1720 г. были переведены на русский язык и изданы голландская «Книга ордера или во флоте морских прав», французский «Устав о войсках морских и их арсеналах, Людовика XIV», «Инструкция о артикулах морских и кригсрехтах или воинских правах Фридриха IV, короля датского». В 1717 г. под руководством шаутбенахта Дж. Паддона переводился английский морской устав.

Влияние каждого из этих нормативно-правовых актов морских держав Европы на составление Морского устава 1720 г. еще слабо исследовано и вызывает дискуссии в науке. Выше уже отмечалось, что К. Петерсон доказывал, что за основу Морского устава взяты французские морские установления [14, р. 405–407]. П.А. Кротов проведя текстологическое сравнение «Инструкции о артикулах морских и кригсрехтах или воинских правах Фридриха IV, короля датского» и Морского устава 1720 г. доказал, что при разработке Морского устава учитывалось датское военно-морское законодательство [8].

При всей продуктивности таких исследований, следует помнить о том, что Петр Великий при составлении Морского устава не собирался перечеркивать тех традиций, которые уже сложились на военно-морском флоте России. Напомню, что в преамбуле к Морскому уставу прямо указывалось, что «...из пяти морских регламентов» европейских морских держав выбрали лучшее и «... довольную часть прибавили, что потребно», т.е. царь стремился сохранить сложившийся правопорядок на флоте. Думается, важным аргументом в исследовании преемственного развития военно-морского права России является анализ истории становления и развития терминосистемы военно-морского языка.

Терминосистема Морского устава 1720 г.: общая характеристика

К моменту начала работы над составлением Морского устава терминосистема уже сложилась на военно-морском флоте России и стала общепринятой. В конце XVII – начале XVIII вв. в России появился обобщающий термин «флот», который использовался в Морском уставе. Термин «флот» является производным либо от французского *flotte*, либо от голландского *vloot*. В части 1 Морского устава этому термину давалось следующее определение: «Флот слово есть французское. Сим словом разумеется множество судов водных вместе идущих, или стоящих, как воинских, так и купецких»¹. По типу кораблей флот делился на «флот корабельной» (парусный) и «флот галерной». В начале XVIII в. в языке морского флота появляется термин «навигация» (от лат. *navigation*), означавший, во-первых, мореплавание, судоходство; во-вторых, науку о мореплавании.

Наряду с обобщающим термином «флот» появились термины для обозначения его подразделений («авангард», «арьергард», «кор-де-баталия», «дивизия», «флотилия», «эшквадра»). Термины «авангард» и «арьергард» в значении одной из трех эскадр, составляющих боевой порядок флота, были заимствованы в начале XVIII в. из голландского (*гол.* *avant (avand-) garde(gvarde); arriergarde (-garde)*), но в голландском языке появился из французского «*avant-garde*» и *arriere-garde*. Для обозначения средней части флота, располагавшегося между авангардом и арьергардом, в начале XVIII в. стал использоваться термин «кор-де-баталия» («кордебаталия»), являвшийся производным от французского *corps de bataille*.

Термин «эскадра», «эшквадра» в значении оперативное объединение в военно-морском флоте для решения боевых задач на морских и океанских театрах военных действий происходит от французского *escadre*. Термин «дивизия» в значении «партикулярной» части эскадры в военно-морском флоте России начала XVIII в. был производным, видимо, от голландского *divisie* (хотя схожие термины есть во *фр.* – *division* и *пол.* – *dywisya*).

Терминосистема языка Морского устава включала юридические, технико-правовые и иные термины. Юридические термины входили преимущественно в состав следующих тематических групп: наименования

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

органов командования и управления флотом; лиц по воинскому званию и воинской должности; термины, связанные с наименованиями военных документов; термины, связанные с установлением составов правонарушений и наказаний за них; термины для обозначения атрибутики военного флота. Техничко-правовые и иные термины – наименования типов кораблей, их конструктивных элементов и их оснастки; наименования вооружения; термины, связанные с воинским бытом и др.

Юридические термины Морского устава 1720 г.

Первой тематической группой юридических терминов Морского устава являются термины, обозначающие наименования органов командования и управления флотом; лиц по воинскому званию и воинской должности. Эти термины относятся к военно-административной терминологии.

Термин «Адмиралтейство», «Адмиралтейская коллегия» был заимствован в начале XVIII в. русским языком из голландского (*голл. admiraaliteyt*) в значении органа власти, ведающего делами флота и заведовавшего верфями, портами, складами и т.п. Должность «генерал-адмирал» или «аншеф-командующий» в значении командующий флотом или его самостоятельной частью были заимствованы в начале XVIII в. Термин «аншеф-командующий» является производным либо от голландского *Commanderende Chef*, либо от английского *Commander in Cheif*. В арт. 3 гл. I кн. I Морского устава эта должность определялась следующим образом: «Генерал-адмирал, или аншеф командующий презентует персону своего Государя ... Единым словом, высший командир как душа в теле человека, без которой ни какой уд двинутися не может»¹.

Обсуждение военных и иных государственных вопросов происходило в начале XVIII в. в «консилии» («консилиуме»). Этот термин происходит от латинского *consilium* и заимствован при Петре I через голландский термин *concilie* или французский *conseil*. В арт. 2 гл. I кн. II определялось: «В воинской консилии надлежит быть флагманам и генерал-кригс-коммиссару, или обер-кригс-коммиссару, ежели будут во флоте, и интенданту... и капитанам-командорам. А когда нужное случится дело и за благо разсудят, тогда призываются и капитаны»².

Для обозначения воинских чинов с начала XVIII в. использовался термин «ранг» (от *нем. Rang, фр. rang, англ. range*). Согласно арт. 1 гл. I кн. II,

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

² Там же.

«флагманы, капитаны и прочие офицеры морские и комиссары одного чина, должны иметь ранг между собою, по первенству в получении чинов своих»¹.

Воинское звание адмирал в русском языке появилось не позднее 1575 г. В значении первого офицера военно-морского флота было заимствовано Петром I, видимо, в Голландии (*голл.* *admiraaliteyt*), хотя в немецком языке также существовала лексема «*Admiralitat*». Звание «вице-адмирал» создавалось путем прибавления приставки, образованной на основе латинской лексемы «*vice*» (замещающий, наместник), известной во всех европейских языках.

Термин «шаутбейнахт» (от *голл.* *schout-bij-nacht* – «в ночь смотрящий») в военно-морском флоте Петра I означал адмиральский чин, соответствующий контр-адмиралу. Кроме того, во флоте существовала должность командора – командира отряда судов, не имеющего адмиральского чина. Термин «командор» является производным либо от голландского *commandeur*, либо от английского *commander*.

Лексема «капитан» известна в русском языке не позднее начала XVI в. В языке военно-морского права России термин «капитан» означал командира судна и звание офицера военного флота. Наряду с термином «капитан» в военно-морском языке начала XVIII в. появляются термин «капитан-лейтенант» в значении звания офицера военного флота. Согласно арт. 1 гл. III кн. III, капитан-лейтенант – «второй командир по капитане, место его во время бою, у больших пушек».

В начале XVIII в. появляется термин «лейтенант» (*нем.* *leutnant*). Согласно гл. IV кн. III, «лейтенант, третий командир на корабле и чинит все по приказу капитанскому». Следующим термином для обозначения офицерского ранга во флоте был «ундер-лейтенант» (от *нем.* *Unterleutnant* – подлейтенант). Согласно гл. VI кн. III, «унтер-лейтенант четвертой командир по капитане, и должен чинить все по приказу вышних своих офицеров»². Низшим морским офицерским званием являлся мичман (*анг.* *midshipman*). Согласно гл. XIV кн. III, мичманы «управляют дело свое по приказу офицерскому помогать шхиперу в укладке вещей в корабль, держать журналы»³.

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

² Там же.

³ Там же.

Для обозначения офицера артиллерии на флоте использовался термин «цейгмейстер» (от нем. *Zeugmeister*). Согласно арт. 1 гл. IV кн. 1, цейгмейстер в мирное время руководил магазинами при Адмиралтейств-коллегии, а в случае выхода всего флота в море должен был быть во флоте. Согласно арт. 2, цейгмейстер, находясь на флоте, «по регламенту... определял артиллерных капитанов при адмиралах, а лейтенантов при вице-адмиралах, унтер-лейтенантов при шаутбейнахтах; а на прочие корабли обер-констапелей или констапелей»¹.

Для обозначения должности офицера, ведавшего артиллерийскими припасами на корабле, использовался термин «констапель», появившийся в русском военном языке в начале XVIII в. в результате заимствования голландского *konstapel* или немецкого *Konstabel*, *Konstabeler*. Согласно арт. 1–15 гл. VII кн. III, констапель «принимает все артиллерийские вещи на корабль, ... а по возвращении в порт отдает все остаточное в магазине», «должен перемерять ядры... и расположить их на корабле по своим местам», осматривать порох при приеме, «гранаты повинен сам наряжать и пробовать», определять людей к пушкам и т.д. Согласно арт. 16 гл. VII кн. III, подконстапель «послушен констапелю, и управляет в его небытность»².

Термин «интендант» в значении лица, ведающего военно-морским хозяйством и снабжением, а также соответствующий чин, звание на флоте, появляется в русском языке в начале XVIII в. и является производным от французского или немецкого «*intendant*». В Морском уставе правовое положение интенданта урегулировано в арт. 1–7 гл. III кн. 1³.

Термин «комиссар» («комисар», «коммисар») появился в русском языке не позднее начала XVII в. и происходит от латинского *commissaries* и был заимствован, видимо, из немецкого языка. Согласно гл. VIII кн. III, комиссар корабельный «повинен из магазина на определенной ему корабль принять, когда корабль готовится к походу, на всех людей, на всю кампанию, или на сколько от Адмиралтейской коллегии определено будет, при присудствии корабельного секретаря, денежное жалованье, запасной мундир, провиант»⁴.

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Первая часть сложных заимствованных слов «кригс-» (от *нем.* Krieg – война) использовалась в начале XVIII в. для обозначения военных должностей и учреждений. Отсюда, например, происходят термины «кригс-комиссар», «обер-кригс-комиссар», «генерал-кригс-комиссар». В арт. 2 гл. II кн. 1 определялись обязанности генерал-кригс-комиссара во флоте и обер-кригс-комиссара в эскадре, включая сбор от корабельных секретарей рапортов о больных с целью перевозки их на госпитальные корабли, контроля за тем, чтобы они получали питание, питье и помощь лекарей¹.

Для тайных наблюдений за государственной администрацией Петром I была учреждена должность «фискала» (от *лат.* *fiscalis* – казенный, *пол.* *Fiskał* – юрист, прокурор). В гл. VIII кн. 1 определялось: «Должны быть во всякой эскадре по одному фискалу, во флоте один обер-фискал. Их должность есть смотреть во всех должностях за всеми офицерами. Ежели кто какой своей должности не исправит по учиненному уставу: и о том доносить фискалам от эскадр своему обер-фискалу, а ему аншеф командующему. А ежели аншеф командующий что неправо будет делать, то доносить в Адмиралтейской коллегии»².

Термин «штюрман» («штурман») появилось в русском морском языке в начале XVIII в. для обозначения лица, руководившего ходом корабля, и происходит либо от голландского *stuurman* (от *голл.* *Stuur* – руль и *англ.* *man* – человек). Согласно гл. XII кн. III, штурман обязан иметь книги карт морских и инструменты, «осматривать рур прежде похода», проверять компас и «хранить ... от железа», вести судовой журнал и т.д. В арт. 12 гл. XII кн. III упоминается подштурман, который «послушен штурману и управляет его дела»³.

Термин «шкипер», «шхипор» (от *голл.* *schipper*) появился в русском морском языке в начале XVIII в. для обозначения держателя корабельного имущества и материального снабжения военного корабля. Согласно арт. 1–8 гл. XI кн. III, шкипер «должен корабль, на котором он определен, всегда осматривать... присутствовать у его чищенья и починки», принимать припасы на корабль, надзирать за матросами во время уборки корабля и т.д. Согласно арт. 10, подшкипер должен «вспомогать шкиперу и управлять в небытность его»⁴.

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Термин «боцман» в значении морского унтер-офицера был заимствован в начале XVIII в. и является производным от голландского *bootsman*. Согласно гл. XIII кн. III, боцман хранит якоря и канаты, надсматривает над канатами, галсами и штоками и над прочею такелажею корабельною, чтоб «все было исправно»¹. В арт. 2 гл. XIII кн. III упоминается «шхиман»² (от голл. *Schieman* – «корабельный человек»), подчиненный боцмана.

Термин «квартирмейстер» в значении младшего морского унтер-офицера является производным от голландского «*quartier*». Согласно гл. XV кн. III, квартирмейстер надзирает за чистотой на корабле, едой команды корабля, ведает боты и шлюпки, «целости платья матросского»³ и т.д. Термин «баталер», «бателер», «унтер-бателер» был заимствован в начале XVIII в. в значении морской помощник комиссара, ведающий снабжением экипажа провизией и амуницией, происходит от голландского *bottelier*. Согласно гл. VIII кн. III, баталер – подчиненный корабельного комиссара⁴.

Термин «профос» (от *лат.* *praepositus* – начальник) появился в русском военном языке не позднее середины XVII в. Согласно арт. 1–3 гл. XXI кн. III, «профосы должны смотреть чистоты в корабле..., а особливо, дабы люди для телеснаго испражнения ходили в указное место»⁵, имеет инструменты, надлежащие к наказанию, и чинит наказание и казнь по указу и др.

Рядовой состав флота с начала XVIII в. имел воинский ранг «матроз». Этот термин является производным от голландского «*matroos*» – корабельный служитель. Термин «канонир» в значении рядовой корабельный артиллерист является производным либо от французского *canonniere*, либо от немецкого *Kanonier*.

Термин «гардемарин» в значении кадета старшего класса морского кадетского корпуса был введен в русском флоте в 1716 г. и является производным либо от голландского *guardemarine*, либо от французского *garde-marine*. В Морском уставе правовое положение гардемарин во время обучения на военном корабле регулируется в арт. 1, 2 и 3 гл. XX

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

кн. III. Согласно арт. 56 гл. I кн. III, «капитан должен прилежание иметь, дабы гардемарины обучались наукам»¹.

К военно-административной терминологии относились также термины, связанные с наименованиями дипломатических документов («трактат», «союзный договор» и др.); документов, регулирующих военную службу («артикул», «инструкция», «регламент»); правоприменительных документов («ордер», «патент», «рапорт» и др.).

Термин «артикул» появился в русском языке не позднее XVI в. и был заимствован либо из немецкого (*Artikel*), либо из французского (*article*) языков, использовался в значениях, во-первых, параграфа, раздела, статьи документа; во-вторых, устава, свода правил. Термин «инструкция» в русском языке появился не позднее середины XVII в. в значении наказ, наставление и является производным либо от латинского *institution*, либо от французского и немецкого *instruction*. Термин «регламент» (*фр. reglement*, от *regie* – правило) появился в русском языке в начале XVIII в. в значении инструкция, устав, распоряжение.

Термин «ордер» появился в русском языке в начале XVIII в. в значении приказа, распоряжения и происходит от голландского *order*, хотя был известен и в французском (*фр. ordre*), и в немецком (*нем. Ordre*) языках. Термин «патент» появился в начале XVIII в. в значении официального документа, в т.ч. о присвоении чина, звания. Этот термин происходит от голландского *patent*, хотя термин существовали в это время во французском (*фр. patent*) и немецком (*нем. Patent*) языках. Термин «рапорт» в значении донесения, официального устного или письменного доклада от нижестоящего к вышестоящему, был введен Петром I, взявшим его из польского языка, в котором оно было заимствовано из французского, где *rapport* обозначает донесение.

Термины, связанные с установлением составов правонарушений и наказаний за них, относились к терминам уголовного права. Как и в предшествующих актах военно-морского законодательства, в Морском уставе 1720 г. для их обозначения использовался термин «преступление». В начале XVIII в. в русском юридическом языке появился термин «рецидив» (от *лат. recidivus* – возвращающийся, возобновляющийся; *нем. Rezidiv*) в значении повторения того же преступления, за которое было осуждение.

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

Новации терминологии Морского устава 1720 г. в отношении установления составов преступлений и наказаний за них заключались в конкретизации составов и некоторой гуманизации наказаний. Одним из составов воинских преступлений было дезертирство. Так, термин «дезертир» появляется в русском военном языке в начале XVIII в. и является производным от латинского *desertor* (в *фр.* – *deserteur*, в *нем.* – *Deserteur*, в *пол.* – *desertor*). Гл. VIII кн. V Морского устава называется «О дезертирах и беглецах» и конкретизирует состав и санкции за это преступление.

В Морском уставе 1720 г. появляется термин, соответствующий современному термину клевета, – «пасквиль» (от *итал.* *pasquillo*, через *нем.* *Pasquill*, *пол.* *paszkwil*). В толковании к арт. 103 гл. XIV кн. V сказано: «Пасквиль есть сие: когда кто письма напишет, или напечатает, и в том, кого в каком деле обвинит, и оное явно прибьет или прибить велит, а имени своего и прозвища во оном не изобразит»¹.

К терминам, связанным с установлением составов правонарушений и наказаний за них, примыкает ряд терминов процессуального права, хотя в Морском уставе 1720 г. оно специально не регулировалось. Термином, обозначавшим в начале XVIII в. военный суд, являлся «кригсрехт» (от *нем.* *Kriegsrecht*). К процессуальным терминам можно отнести термин «арест», известный в русском языке не позднее 1651 г. и заимствованный из польского языка (*areszt*).

Термины для обозначения атрибутики военного флота играли в XVIII в. важную роль в регулировании международно-правовых отношений. Дело в том, что в XVIII в. Англия продолжала придерживаться доктрины закрытого моря и отстаивала так называемое «право салюта», т. е. право требовать отдачи иностранными судами почестей своему флагу в «Британских морях». Петр I отставил равенство салютов при заходе российских кораблей в иностранные порты и при встрече их в открытом море, что впервые было провозглашено в именном указе от 2 апреля 1714 г.²

Отсюда, при становлении военно-морского флота России большое внимание уделялось его атрибутике. Термин «вымпел» был заимствован в начале XVIII в. из голландского языка (*гол.* *wimpel*) в значении длинный узкий разрезной флаг, поднимаемый на военном судне. Термин «корнет» («карнет») был заимствован в начале XVIII в. из французского языка

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485.

² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Тип. II отд. собст. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. V. № 2790.

(*фр.* *cornette*) для обозначения морского флага с хвостами на двое. Термин «сигнал» (от *лат.* *signum* – знак, сигнал) появился в русском языке не позднее 1699 г. в значении условный знак для передачи каких-либо сведений, распоряжений и т.п.

Технико-правовые и иные термины Морского устава 1720 г.

К технико-правовым и иным терминам, сформировавшимся при становлении военно-морского флота России в начале XVIII в. и вошедших в Морской устав 1720 г., относились, прежде всего, наименования типов кораблей, их конструктивных элементов и оснастки.

В начале XVIII в. возникли обобщенные названия кораблей: «воинские» и «ластовые» (грузовые) суда. Термин «галера» в значении большое многovesельное парусное судно появился в русском языке не позднее начала XVII в. и является производным от голландского *galyas*. Термин «галиот» в значении небольшого военного или грузового судна заимствован русским языком не позднее 1653 г. и является производным либо от голландского *galioot*, либо от французского *galiotte*. Термин «фрегат» (*гол.* *fregat*, *фр.* *fregate*, *итал.* *fregata*) появился в русском языке в начале XVIII в. для обозначения трехмачтового парусного военного судна с артиллерийским вооружением до 60 пушек. Термин «яхта» в значении легкого, быстроходного судна для перевозки отдельных персон был заимствован русским языком из голландского (*голл.* *jacht*, от *jagen* – гнать, преследовать).

Значительное число терминов для обозначения конструктивных элементов и оснастки корабля были заимствованы в конце XVII – начале XVIII вв. из голландского языка и вошли в Морской устав 1720 г. Из голландского языка были заимствованы в начале XVIII в. термины «крюи-стенга» (от *гол.* *kruissteng*) в значении нижняя стеньга бизань-мачты, «крюйт-камора» (от *гол.* *kruitkamer*) – пороховой склад на корабле. Для обозначения ряда пушечных окон на борту судна, артиллерии одного борта использовался термин «лаг» (от *голл.* *lag*). Термины «грот-мачта», «грот-рея» («грот-райна»), «грот-мачта» в значении мачт корабля появляются в русском языке в начале XVIII в. и являются производными от голландских *groot-mast*, *groot-ree*, *groot-steng*.

Термины, связанные с наименования вооружения, относятся к военным терминам. Обобщающим термином для этой тематической группы является термин «артиллерийские припасы». Термин «артиллерия» появился в русском военном языке не позднее XVII в., видимо, из польского (*пол.* *artylerya*) для обозначения орудия, огнестрельного оружия; рода войск; артиллерийской науки. Этот термин известен практически всем языкам стран Европы (*фр.* *artillerie*, *ср.-лат.* *artillaria*, *artilleria*, *гол.* *artillery*, *нем.* *Artillerie*, *дат.* *artilleri*, *англ.* *artillery*). Термин «гаубица» в значении вида артиллерийского орудия был заимствован русским языком в начале XVIII в. и является производным либо от польского *haudica*, либо немецкого *Haubitze*.

Важную роль для боевых действий военно-морского флота играла тематическая группа терминов, связанных с наименованием способов ведения морского боя и порядка расположения кораблей. Анализируя этимологию лексем, которые стали основой для создания этих терминов, приходится вновь констатировать, что в русском языке они заимствованы из голландского, но были известны и в других языках. Так, термин «абордаж», «абордирунг» происходит от голландского *aborderung*, в русский язык эта лексема попала в начале XVIII в. либо через голландский термин «*aborderen*», либо из французского «*a border*».

Термины, связанные с воинским бытом, включали места стоянки кораблей; лиц, служащих во флоте или имеющих отношение к флоту; видов деятельности на флоте; номинации военных учреждений. Термин «гавань» появился в русском языке начала XVIII в. и является производным от голландской лексики *haven* в значении места «пристанища и стояния кораблей и иных морских судов»¹. Термин «вахта» появился в русском языке не позднее 1660-х гг. и является производным от голландского *Wagt*. Этот термин означал караульную, дозорную и прочую службу на корабле, отправляемую командой попеременно со сменой через 4 часа, а также саму команду, несущую дежурство. Термин «госпиталь» в значении больницы для военных моряков появляется в начале XVIII в. и является производным либо от голландского *hospital*, либо от немецкого *Hospital*.

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. I (1688–1701). С. 206.

Заключение

В годы реформ Петра Великого происходит становление регулярного военно-морского флота России и в связи с этим процессом появляется терминосистема военно-морской лексики, получившая окончательное оформление в Морском уставе 1720 г. Наблюдения над терминологией Морского устава позволяют утверждать, что он не внес каких-либо новых терминов в язык военно-морского флота. Можно говорить только о конкретизации уже существовавших терминов и формулировании легальных дефиниций некоторых из них.

Основой формирования военно-морского языка России в конце XVII в. – 1720 гг. стала терминология, заимствованная из голландского языка. Но при этом следует учитывать, что военно-морское право морских держав Европы развивалось в XIV – начале XVIII вв. не параллельно, независимо друг от друга, а в тесном взаимовлиянии. На становление терминов военно-морского права стран Европы большое влияние оказал латинский язык. Россия вступила в этот процесс с некоторым запозданием, в царствование Петра Великого. Но в процессе рецепции военно-морского права стран Европы сумела не только заимствовать лучшее, но и сформировать собственные традиции, получившие отражение в терминосистеме военно-морского языка России XVIII в.

Список литературы

1. Акишин М.О. Правовое обеспечение боевых действий военно-морского флота России на заключительном этапе Северной войны (1710-е гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2020. №2. С. 11–32.
2. Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб.: Тип. Демакова, 1875. Ч. I. 701 с.
3. Волков Е.Т. Первый морской устав российского флота // Военно-исторический журнал. 1968. №5. С. 113–116.
4. Гулякова И.Г. Корабль и судно // Русская речь. 1983. № 1. С. 138–143.
5. Елагин С.И. История русского флота. Период азовский. СПб.: Типогр. имп. Академии художеств, 1864. 319, 47, V с.
6. Елагин С.И. Материалы для истории русского морского законодательства. СПб.: Тип. Мор. мин-ва, 1859. Вып. 1: 1669–1720 гг. 53 с.
7. Кротов П.А. К вопросу об источниках Морского устава Петра I (Неизвестные уставные флотские положения 1694 и 1699 г.) // Петербургские чтения – 97: Петербург и Россия: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1997. С. 287–294.

8. Кротов П.А. Об использовании датского образца права при подготовке русского Морского устава 1720 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции (12–13 апреля 2000 г.) / под ред. С.Ю. Трохачева, В.Н. Барышникова. СПб.: РХГИ, 2001. С. 50–54.
9. Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2017. 774 с.; илл. (Библиотека морского собрания).
10. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М.: РИО ВЮА, 1947. 96 с.
11. Сальман Я.Г. Морской устав 1720 г. – первый свод законов российского флота // Исторические записки. 1955. Т. 53. С. 310–322.
12. Советско-шведский симпозиум историков / подг. Ю. Кудрина, О. Чернышева // Вопросы истории. 1976. №9. С. 188–191.
13. Хуссен А.Х. Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа: сб. науч. ст. СПб., 1999. С. 326–340.
14. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Juridicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979.

References

1. Akishin, M.O. (2020). Pravovoe obespechenie boevy`x dejstvij voenno-morskogo flota Rossii na zaklyuchitel`nom e`tape Severnoj vojny` (1710-e gg.) [Legal support for the hostilities of the Russian Navy at the final stage of the Northern War (1710s)]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2. pp. 11–32. (In Russian).
2. Veselago, F.F. (1875). *Ocherk russkoj morskoy istorii* [Essay on Russian Maritime History]. St. Petersburg: Tip. Demakova. Ch. I. 701 p. (In Russian).
3. Volkov, E.T. (1968). Pervy`j morskoy ustav rossijskogo flota [The first naval charter of the Russian fleet]. *Voenno-istoricheskij zhurnal – Military History Journal*. No. 5. pp. 113–116. (In Russian).
4. Gulyakova, I.G. (1983) Korabl` i sudno [Ship and ship]. *Russkaya rech`– Russian speech*. No. 1. pp. 138–143. (In Russian).
5. Elagin, S.I. (1864). *Istoriya russkogo flota. Period azovskij* [History of the Russian fleet. Azov period. St. Petersburg: imp. Akademii xudozhestv. 319 p. (In Russian).
6. Elagin, S.I. (1859). *Materialy` dlya istorii russkogo morskogo zakonodatel`stva* [Materials for the history of Russian maritime legislation]. St. Petersburg: Tip. Mor. min-va. 53 p. (In Russian).
7. Krotov, P.A. (1997). K voprosu ob istochnikax Morskogo ustava Petra I (Neizvestny`e ustavny`e flotskie polozheniya 1694 i 1699 g.) [To the question of the sources of the Maritime Charter of Peter I (Unknown Statutory Naval Regulations of 1694 and 1699)]. *Peterburgskie chteniya – 97* [St. Petersburg Readings – 97]. Petersburg and Russia: Materials of the Encyclopedic Library "St. Petersburg – 2003.". St. Petersburg. pp. 287–294. (In Russian).
8. Krotov, P.A. (2001). Ob ispol`zovanii datskogo obrazcza prava pri podgotovke russkogo Morskogo ustava 1720 g. [On the use of the Danish model of law in the preparation of

the Russian Maritime Charter of 1720]. Sankt-Peterburg i strany` Severnoj Evropy` [St. Petersburg and the countries of Northern Europe]. Proceedings of the annual scientific conference. April 12–13. 2000. St. Petersburg: RXGI. pp. 50–54. (In Russian).

9. Krotov, P.A. (2017) *Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom* [Russian fleet in the Baltic under Peter the Great]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya. 774 p. (In Russian).

10. Romashkin, P.S. (1947). *Osnovny`e nachala ugolovnogo i voenno-ugolovnogo zakonodatel`stva Petra I* [The main beginnings of the criminal and military-criminal legislation of Peter I]. Moscow: RIO VYuA. 96 p. (In Russian).

11. Sal`man, Ya.G. (1955). *Morskoy ustav 1720 g. – pervy`j svod zakonov rossijskogo flota* [Maritime Charter of 1720 – the first set of laws of the Russian fleet]. Istoricheskie zapiski [Historical notes]. pp. 310–322. (In Russian).

12. Yu. Kudrina, O. Cherny`sheva (1976). Sovetsko-shvedskij simpozium istorikov [Soviet-Swedish Symposium of Historians]. *Voprosy` istorii – Questions of history*. No. 9. pp. 188–191. (In Russian).

13. Xussen, A.X. (1999) *Ustav morskoy czarya Petra Velikogo (1720 g.)* [Charter of the Sea Tsar Peter the Great (1720)]. *Russkij Sever i Zapadnaya Evropa* [Russian North and Western Europe] St. Petersburg. pp. 326–340. (In Russian).

14. Peterson, C. (1979) Peter the Great's Administrative and Juridicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm.

Об авторе

Михаил Олегович Акишин, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

About the author

Michael O. Akishin, Dr. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2020

Received: 10 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УДК / UDC 342.8 (47) «1905»

Правительственный конституционализм и Особое совещание 5–7 декабря 1905 года: борьба вокруг избирательного закона по выборам Первой Государственной думы

А. В. Гоголевский

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассмотрены проекты избирательного закона по выборам в Первую Государственную думу в Особом совещании 5–7 декабря 1905 года.

Проанализированы аргументы сторонников всеобщих выборов. Изучены доводы защитников цензовой избирательной системы. Выявлены их сильные и слабые стороны. Прослежена роль Председателя Совета министров С.Ю. Витте в одобрении Особым совещанием проекта неравных выборов. Раскрыта колеблющаяся позиция Николая Второго. Сформулирован вывод о непоследовательности и ограниченных возможностях правительственного конституционализма в реформировании избирательной системы.

Показана зависимость одобренного Особым совещанием порядка выборов в Первую Государственную думу от расстановки сил в правительственных кругах и динамики революционного процесса.

Ключевые слова: Особое совещание, всеобщие выборы, цензовая избирательная система, неравные выборы, правительственный конституционализм, реформирование избирательной системы.

Для цитирования: Гоголевский А.В. Правительственный конституционализм и Особое совещание 5–7 декабря 1905 года: борьба вокруг избирательного закона по выборам Первой Государственной думы // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 24–33.

Government constitutionalism and the Special Meeting on 5–7 December 1905: the struggle over the electoral law for the election of the First State Duma

Aleksandr V. Gogolevskii

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article concerns the consideration of draft Electoral Law on Elections to the First State Duma by the Special Meeting on December 5–7, 1905.

The arguments of the General Election supporters and those of the defenders of a Qualified Election System were analyzed and their advantages and disadvantages were identified. The role of the Chairman of the Council of Ministers S. Y. Witte by the approval of an unequal election project by the Special Meeting was traced. The hesitant position of Nicholas II was disclosed and the conclusion of inconsistency and limited opportunities for government constitutionalism was formulated.

The dependence of the election procedure for the election to the First State Duma on the power balance in government circles and of the dynamics of the revolutionary process, approved by the Special Meeting, was shown.

Key words: Special Meeting, General Election, Qualified Electoral System, unequal elections, government constitutionalism, reform of the election system.

For citation: Gogolevskii, A.V. (2020) Pravitel'stvennyj konstitucionalizm i Osoboe soveshchanie 5–7 dekabrya 1905 goda: bor'ba vokrug izbiratel'nogo zakona po vyboram Pervoj Gosudarstvennoj dumy [Government constitutionalism and the Special Meeting on 5–7 December 1905: the struggle over the electoral law for the election of the First State Duma]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 24–33. (In Russian).

Введение

В конце 1904 года государственной администрацией Российской империи был поставлен вопрос о необходимости реформирования политики в области применения норм исключительного законодательства, непрерывно действовавшего в России на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 года¹.

12 декабря 1904 года Николай II подписал Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»² в соответствии с которым было признано неотложным «пересмотреть изданные во времена беспримерного проявления преступной деятельности врагов общественного порядка исключительные законоположения, применение коих сопряжено с значительным расширением усмотрения административных властей, и озаботиться при этом как возможным ограничением пределов местностей, на которые они распространены, так и допущением вызываемых ими стеснений прав частных лиц только в случаях, действительно угрожающих государственной безопасности». В целях развития положений приведённого Указа был принят ряд нормативных правовых актов, которые стали основой зарождения парламентаризма в России.

¹ ПСЗ. Собр. 3. Т.1. СПб., 1885. № 383.

² ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV. Отд. 1. СПб., 1907. № 25495.

Так, 6 августа 1905 г. Николаем II был утверждён Манифест «Об Учреждении Государственной Думы»¹, этим же актом было утверждено и Положение о выборах в Государственную Думу, которое закрепляло систему многоступенчатых выборов, существенно ограничивающих электоральные права российских подданных. На основании этого акта выборы в Думу не состоялись, они были бойкотированы большинством населения, включая и либеральную буржуазию. Вследствие этого Николай II издал Манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка»², в соответствии с которым населению провозглашались незыблемые основы гражданской свободы, неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. При этом к выборам в Государственную Думу предполагалось привлечь «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку».

В контексте данной статьи представляет интерес деятельность Совета министров и Особого совещания, связанная с разработкой избирательного законодательства по выборам первой Государственной думы.

Обсуждение избирательного законодательства в Совете министров

Заседание Совета министров 19 ноября 1905 года с участием общественных деятелей отразило колебания членов кабинета С.Ю. Витте относительно принятия законопроекта о всеобщих выборах. Вместе с тем С.Ю. Витте не удалось сплотить кабинет на основе одобрения цензового голосования. Отсутствие единства среди министров свидетельствовало о непоследовательности правительственного конституционализма, находившегося под давлением направленного против самодержавия общественно-политического движения и опасавшегося разрушения государственных институтов. Аргументация большинства министров против избрания Первой Думы всеобщим голосованием очевидна. В ее основе усматривается боязнь неуправляемого народного представительства. Однако в публичном пространстве противники всеобщего голосования предпочли свести свои доводы к формально-юридическим соображениям, о чем свидетельствуют письмо и записка, переданные 20 ноября 1905 года обер-прокурором Синода князем

¹ Собр. Узак. 1905. № 141. Ст. 1326.

² ПСЗ. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908. № 26803.

А.Д. Оболенским одному из лидеров общественно-политического движения Д.Н. Шипову [6, с. 372]. Согласно ей, соображения против всеобщих выборов сводились к следующему: 1. Манифест 17 октября 1905 года не провозглашал всеобщего голосования. 2. Введение всеобщего избирательного права помимо Государственной Думы, т.е. до ее созыва, повлечет нарушение Манифеста 17 октября, пункт 3-й которого провозгласил: «Установить, как неизбежное правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы» [4, с. 41]. 3. Проект о всеобщем избирательном праве необходимо от имени правительства внести в Государственную Думу, избранную цензовым путем. 4. Обществу следует объяснить невозможность введения всеобщих выборов вне установленного Манифестом 17 октября законодательного порядка.

Разумеется, возвращенный на самодержавной почве Совет министров не был готов, уступая общественно-демократическому движению, бросить вызов царю, принудив того отказаться от цензовых выборов. Тем не менее, давление революции подтачивало охранительные позиции кабинета. С учетом колебаний С.Ю. Витте, отсутствия цельного политического мировоззрения и твердой воли у царя, проект всеобщих выборов имел определенный шанс на успех в Особом совещании 5–7 декабря 1905 года.

Обсуждение проекта закона о выборах в первую Государственную думу в Особом совещании

Особое совещание созывалось по озвученному во Всеподданнейшем докладе 30 ноября 1905 года предложению С.Ю. Витте. Предполагалось обсудить в Совете министров под председательством Николая II с участием членов Государственного Совета и общественных деятелей законопроекты по выборам в Государственную Думу. Общественных деятелей пригласил С.Ю. Витте. Он полагал будто бы Д.Н. Шипов и А.И. Гучков выскажутся за всеобщие выборы, тогда как барон П.Л. Корф и граф В.А. Бобринский – против. Следовательно, позиция общественных деятелей будет уравновешена [2, с. 449]. В заседаниях Особого совещания помимо Николая II, С.Ю. Витте и общественных деятелей участвовали: от Государственного Совета – Д.М. Сольский, Э.Ф. Фриш, О.Б.Рихтер, Н.М. Чихачев, А.А. Сабуров, А.П. Игнатъев 2-й, И.Я. Голубев, Н.С. Таганцев, В.В. Верховский, А.Д. Оболенский 1-й, А.Г. Булыгин, А.А. Будберг, А.С. Стишинский; от правительства: В.Н. Ламздорф, А.Ф. Редигер, А.А. Бирилев, И.И. Толстой, П.Н. Дурново, Э.Ю. Нольде, С.С. Манухин,

В.И. Тимирязев, И.П. Шипов, К.С. Немешаев, Д.А. Философов, Н.Н. Кутлер. Кроме того, присутствовали: великий князь Михаил Александрович, министр двора В.Б. Фредерикс, государственный секретарь Ю.А. Икскуль-фон-Гильденбандт, дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, состоящий в распоряжении великого князя Михаила Александровича генерал-майор А.В. Чарторийский [1, с. 236–237]. Не трудно видеть расстановку сил на Совещании: всеобщие выборы должны были защищать Н.Н. Кутлер, К.С. Немешаев, Д.А. Философов, Д.Н. Шипов и А.И. Гучков, подтвердив позицию, занятую ими на заседании на заседании Совета министров 19 ноября. Конечно, многое, если не все, зависело от поведения С.Ю. Витте, имевшего возможность склонить безвольного царя в ту или иную сторону.

Подробные воспоминания о Совещании оставил по свежим следам в мае 1906 года министр народного просвещения граф И.И. Толстой [3, с. 238–245]. Согласно им, Совещание открылось в большом Царскосельском дворце. Участники расселись за длинными, покрытыми зеленым сукном столами. Николай II, войдя, обменялся со всеми рукопожатиями, заняв место посередине одного из столов, по правую руку от него расположился великий князь Михаил Александрович. Открыл заседание вступительной речью Николай II, он же и председательствовал. Спустя пятнадцать минут царь раскрыл портсигар и разрешил курить. Как запомнилось И.И. Толстому, в первый день Совещание открылось в 11 часов утра речами общественных деятелей, высказавшимися за всеобщие выборы. Развернутую и обстоятельную аргументацию в пользу всеобщих выборов первым предъявил Д.Н. Шипов. Кратко и блистательно выступил А.И. Гучков, понравившийся всем и произведший впечатление на Николая Второго. Судя по протокольной записи, А.И. Гучков призывал не бояться народных масс, ибо только привлечением их к политической жизни можно достичь успокоения России. Как он сказал: «Дарование всеобщего избирательного права неизбежно, и если не дать его теперь, то в ближайшем будущем его вырвут» [1, с. 241]. По впечатлению И.И. Толстого сильно волновался граф В.А. Бобринский, внезапно переменявший свою позицию в пользу всеобщих выборов. Протокольная запись аргументацию графа передает следующим образом: «Вся Россия ждет избирательного закона как знамени для борьбы. Недавно я стоял за выборы по классовым интересам. Но теперь я поколебался. Дума нужна не для решения отдельных вопросов, а для спасения государства и государя»

[1, с. 242]. Во время перерыва В.А. Бобринский объяснился с С.Ю. Витте следующим образом: «Ваше сиятельство, после заседания Комитета Министров я пробыл в деревне, видел много народу и пришел к убеждению, что теперь никакой проект России не удовлетворит, кроме крайне демократического, а потому я и поддерживал проект общественных деятелей» [2, с. 450]. Изменил себе и барон П.Л. Корф, дезавуировав поддержку цензового голосования на заседании Совета министров 19 ноября. Как он сказал, дарование всеобщих выборов должно всех удовлетворить, а в Думе окажется много консерваторов [2, с. 241]. После завершения выступлений общественных деятелей Д.Н. Шипов предпринял еще одну попытку склонить царя на свою сторону. Он уверял: левые в Думе попытаются превратить ее в Учредительное Собрание, зато октябристы, к которым себя причислил Д.Н. Шипов, будут укреплять государственную власть, при этом наибольший шанс пройти в Думу октябристам представляют именно всеобщие выборы. Видимо его доводы произвели на Николая II впечатление, поскольку тот задал вопрос: «Благо народа прежде всего. Будет ли оно обеспечено?». Д.Н. Шипов, не колеблясь, ответил: «Да, я в этом уверен» [2, с. 242]. Казалось, в ходе совещания общественные деятели развернули перед царем неоспоримые доказательства в пользу всеобщих выборов, когда слово взял С.Ю. Витте. Если бы он высказался за всеобщее голосование, судьба избирательного закона была бы решена. Однако Председатель Совета министров поставил под сомнение аргументы П.Л. Корфа и Д.Н. Шипова. Он полагал не возможным прохождение в Думу консерваторов при всеобщих выборах, поскольку, по его мнению, консервативные «элементы» убежали из деревни, охваченной беспорядками. Воспользовавшись сомнениями С.Ю. Витте, слово взяли противники всеобщего голосования. Их аргументы усиливали позицию С.Ю. Витте о мятежном характере избранной всеобщем голосованием Думы. Так, по мнению управляющего министерством внутренних дел П.Н. Дурново, всеобщие выборы открыли бы двери «людям, которые чужды всяких традиций и государственные дела обсуждать не могут» [2, с. 244]. Солидарно с ним выступили член Государственного Совета генерал-адъютант О.Б. Рихтер и обер-прокурор Синода князь А.Д. Оболенский. Им убедительно возражал Д.Н. Шипов, после чего председательствующий объявил перерыв на завтрак.

Очевидцы сходятся во мнении будто бы первое заседание 5 декабря завершилось в пользу общественных деятелей и проект всеобщих выборов получил у царя предпочтение. И.И. Толстой свидетельствует: тотчас после объявления перерыва Николай II весьма любезно разговаривал с общественными деятелями, уделив особое внимание А.И. Гучкову. Обмен мнениями за завтраком привел к выводу: всеобщим выборам быть. Как показалось И.И. Толстому, большинство министров изъявило готовность поддержать всеобщее голосование [3, с. 244]. Д.Н. Шипов вспоминал: в перерыве к нему подошел С.Ю. Витте и сказал, что проект о всеобщем избирательном праве можно считать обеспеченным [6, с. 389].

Именно С.Ю. Витте взял слово первым после перерыва, когда общественных деятелей отпустили, не сказав, однако, ничего определенного о характере избирательного закона. Сославшись на разрастание революции, он вдруг выразил недоверие Государственной думе как единственному законодательному институту, предложив, вопреки Манифесту 17 октября, учредить верхнюю палату – Государственный Совет. Участвуя в дискуссии С.Ю. Витте отметил: «Кто может решить теперь, какой проект даст нам лучшую Думу.». Вместе с тем он поддержал всеобщее голосование, выразив сомнение в том, что цензовые выборы сформируют состав Думы «более верный государю», поскольку без представительства рабочих Думу придется защищать с оружием в руках [1, с. 245, 248, 249]. В ходе Совещания, как запомнилось Н.С. Таганцеву, страсти накалились [5, с. 93]. По мнению И.И. Толстого, Н.С. Таганцев произнес против всеобщих выборов «наиболее энергичную речь» [3, с. 244], выдвинув следующие доводы: 1. Всеобщие выборы потребуют формирования новых избирательных участков, и созыв Думы придется отложить. 2. Неизвестно, может ли всеобщее внести успокоение и избавить Думу от столкновения классовых интересов [1, с. 245]. Поддержавшие цензовый проект члены Государственного Совета Э.В. Фриш, А.А. Сабуров, А.С. Стишинский, а также представители правительства П.Н. Дурново и князь Д.А. Оболенский присоединились к прозвучавшим против всеобщих выборов аргументам. Противникам всеобщих выборов возражали члены правительства Н.Н. Кутлер, В.И. Тимирязев и Д.А. Философов. Их доказательства таковы: 1. Всеобщее голосование соответствует мирозерцанию русского народа, «когда перед богом и царем всем равны». 2. Лозунг всеобщих выборов выдвинут без исключения всем общественно-политическим движением. 3. Только всенародно избранная

Дума получит массовую поддержку и состоится как орган законодательной власти [1, с. 246]. Согласно мемуаристам, первый день Совещания завершился ничем. По версии И.И. Толстого, «Государь не сразу решил вопрос и объявил, что обдумает решение» [3, с. 244]. С.Ю. Витте более определен. Как он полагал, Николай Второй колебался более в сторону проекта всеобщих выборов. Стремясь предостеречь его, С.Ю. Витте 6 декабря на одном из приемов обратился за поддержкой к императрице [2, с. 450]. Обсуждал ли С.Ю. Витте с Александрой Федоровной всеобщее голосование судить трудно. Однако налицо его попытка приписать себе задним числом, в 1912 году, заслугу в одобрении цензового законопроекта царем. Ведь как писал тогда С.Ю. Витте, ему пришлось в заседании Совещания 7 декабря решительно высказаться за него. Далее, в записках С.Ю. Витте следует: «В результате государь сказал, что он принимает и утвердит правительственный проект» [2]. Однако обращение к протоколам Совещания позволяет раскрыть истинную позицию С.Ю. Витте, как непоследовательную и колеблющуюся. В первой речи 7 декабря С.Ю. Витте обрушился на цензовый проект, а относительно проекта всеобщих выборов заявил: он «самый справедливый» и не представляет особой опасности. Далее последовало удивительное для главы правительства умозаключение согласно которому умом он готов бы поддержать всеобщее голосование, но чутье принуждает его высказаться против [1, с. 252]. Отвечая на обвинения А.Г. Булыгина будто бы переход к всеобщим выборам выявит слабость власти, С.Ю. Витте вновь не сказал ни да, ни нет. Большинство же из выступивших в тот день поддержало цензовое голосование. Против него высказались лишь члены Государственного Совета А.А. Будберг и В.В. Верховский. Выступившие 5 декабря за всеобщие выборы министры предпочли отмолчаться. Итоги полемики подвел Николай II, произнесший следующую речь: «Я находился в течении обоих заседаний в полном колебании. Но с сегодняшнего утра мне стало ясно, что для России лучше, безопаснее и вернее – проект первый. Проект второй – мне чутье подсказывает, что его нельзя принять. Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня – всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бессмысленно и преступно.» [1, с. 258–259]. Далее Совещание постатейно обсудило и утвердило проект цензовых выборов, известный как Указ 11 декабря 1905 года «Об изменении Положения о выборах Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений»¹.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. 1905. СПб., 1908. С. 877–879.

Заключение

Таким образом, при рассмотрении в правительственных кругах законопроектов по выборам в Первую Государственную думу возникла известная правовая коллизия, обусловленная возможностями двойственного толкования Манифеста 17 октября. Согласно ему, ни один закон не мог вступить в силу без одобрения Государственной думой, но законодательный процесс до созыва Думы не оговаривался. Манифест 17 октября предоставил возможность участвовать в выборах лицам, лишенным избирательных прав. Однако признав принцип всеобщего избирательного права, он отнес его развитие к компетенции будущего законодательного порядка. Следовательно, прибегая к Манифесту и сторонники конституционного реформирования самодержавия и защитники старых институтов, могли находить в нем для себя аргументы. Но не расплывчатость Манифеста 17 октября сказалась на судьбе избирательного закона, по которому была сформирована Первая дума. Как выявило обсуждение альтернативных законопроектов в Особом Совещании, имел шанс состояться и проект всеобщих выборов, Единство взглядов на Совещании отсутствовало, а царь сильно колебался. Доводы сторонников и противников всеобщего голосования имели в равной степени сильные и слабые стороны. Выбор царя в пользу цензового варианта обуславливался отнюдь не слабой, двойственной позицией С.Ю. Витте. Причины его гораздо глубже. Речь о том, что устанавливавший новый государственный порядок Манифест 17 октября явился не следствием последовательного развития правительственного конституционализма, а был вырван из рук самодержавия революцией. И только ее натиск мог принудить двор двигаться по реформаторскому пути. Коль скоро к работе Особого совещания всеобщая стачка прекратилась, а вооруженное восстание в Москве не имело успеха, царь решил передохнуть. Как показали дальнейшие события, прерогативы самодержавия попали в зависимость не от избирательного закона, а определялись компетенцией Государственной думы. Развернувшаяся на основании цензового порядка избирательная кампания к марту 1906 года не оставила сомнений в оппозиционном характере Думы. Чтобы сохранить самодержавие царю срочно требовалось ограничить права народного представительства, не позволив ему законодательным путем упразднить прежний государственный порядок.

Список литературы

1. Былое. 1917. №3.
2. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. 646 с.
3. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. 463 с.
4. Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т.9. С. 351.
5. Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг. 1919. 230 с.
6. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. 592 с.

References

1. *Byloe* [Former]. (1917). No. 3. (In Russian).
2. Iz arhiva S.Yu. Vitte. *Vospominaniya. Tom 2. Rukopisnye zametki* [From the archive of S.Yu. Witte. Memoirs. Volume 2. Handwritten notes]. (2003) St. Petersburg. 646 p. (In Russian).
3. *Memuary grafa I.I. Tolstogo* [Memoirs of Count I.I. Tolstoy]. (2002). Moscow. 463 p. (In Russian).
4. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian legislation of the X–XX centuries]. (1994) Vol. 9. Moscow. 351 p. (In Russian).
5. Tagancev, N.S. (1919). *Perezhitoe. Uchrezhdenie Gosudarstvennoj Dumy v 1905–1906 gg.* [Experienced. The establishment of the State Duma in 1905–1906]. 230 p. (In Russian).
6. Shipov, D.N. (1918). *Vospominaniya i dumy o perezhitom* [Memories and thoughts about the experience]. Moscow. 592 p. (In Russian).

Об авторе

Александр Владимирович Гоголевский, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

About the author

Aleksandr V. Gogolevskii, Dr. Sci. (Hist.), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Поступила в редакцию: 01.04.2020

Received: 01 Apr. 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УДК / UDC 340.15

Государственно-правовые системы современности*

Р. А. Ромашов

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Формулируется определение государственно-правовой системы как комплексной категории, включающей в качестве составных взаимосвязанных и взаимно обусловленных элементов государственно-правовые институты, субъектов государственно-правовых отношений, а также содержание (субстанциональное наполнение) самих государственно-правовых отношений.

Рассмотрение государственно-правовых систем осуществляется в контексте волновой концепции соотношения цивилизационно-культурных трендов Запада и Востока. Государственно-правовые системы, относимые к Западному цивилизационно-культурному тренду, проходят в своем эволюционном развитии три цикла: античный, феодальный, буржуазный. Для античной культуры характерна полисная модель государственно-правовой системы. В условиях феодального цикла соуживаются две модели: городская и патримониальная (монархическая). Буржуазный цикл связан с формированием модели правового государства (state of law).

Государственно-правовые системы Востока, претерпевают в условиях различных циклов только формальные преобразования, оставаясь по сути неизменными в содержательном плане, а именно представляя собой персонифицированные монархии – «государства».

Ключевые слова: государственно-правовые системы, циклы политогенеза, субъекты государственно-правовых отношений, образы государства, государственная бюрократия, цивилизационно-культурные тренды.

Для цитирования: Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 34–46.

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А.
© Ромашов Р. А., 2020

State legal systems of our time*

Roman A. Romashov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The definition of the state-legal system as a complex category is formulated, which includes state-legal institutions, subjects of state-legal relations, as well as the content (substantive content) of state-legal relations themselves, as integral interrelated and mutually determined elements.

Consideration of state and legal systems is carried out in the context of the wave concept of the relationship between civilizational and cultural trends of the West and the East. State-legal systems related to the Western civilizational and cultural trend go through three cycles in their evolutionary development: antique, feudal, bourgeois. Ancient culture is characterized by a polis model of the state legal system. In the conditions of the feudal cycle, two models are narrowed: town and patrimonial (monarchical). The bourgeois cycle is associated with the formation of a model of a state of law. The state and legal systems of the East undergo only formal transformations under the conditions of various cycles, remaining essentially unchanged in terms of content, namely, being personified monarchies – kingdom.

Key words: state and legal systems, cycles of political genesis, subjects of state and legal relations, images of the state, state bureaucracy, civilizational and cultural trends.

For citation: *Romashov, R. A. (2020) Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremenosti [State legal systems of our time]. Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal. No 3 (61). pp. 34–46. (In Russian).*

Введение

В российской теоретической юриспруденции системный анализ явлений государственно-правовой реальности традиционно используется в качестве одного из наиболее востребованных методов научного познания. Много написано о системе права и правовой системе. С усилением интереса отечественных ученых-юристов к сравнительному правоведению, связывается включение в понятийный аппарат общей теории права феномена интернациональной правовой системы, которая с «легкой руки» выдающегося французского компаративиста Р. Давида, получила типологическое название «правовой семьи» [2, с. 36]. Несмотря на то, что

* The article was carried out within the framework of the RFBR grant category A (fundamental research) "State and legal systems of the modern world" No. 20-011-00794 A.

проблемные блоки, связанные с системным представлением о праве, присутствуют практически во всех учебниках по теории государства и права, вплоть до настоящего времени категория «государственно-правовая система» не получила своего освещения в научной и учебно-методической литературе. В рамках предлагаемой статьи, автор постарается, хотя бы частично, восполнить существующую лакуну.

Проблемы понимания и структурирования современных государственно-правовых систем

Прежде всего, следует определиться с дефиницией исследуемого понятия. *Государственно-правовая система – это комплексная категория, включающая в качестве составных взаимосвязанных и взаимно обусловленных элементов государственно-правовые институты, субъектов государственно-правовых отношений, а также содержание (субстанциональное наполнение) самих государственно-правовых отношений.*

Применительно к государственно-правовой системе феномены государство и право, следует рассматривать в качестве детерминантных категорий, сам факт существования и функционирования которых не предполагает их рассмотрения в качестве самодостаточных автономных образований. Сказанное не следует понимать, как попытку возврата к нормативистской теории правопонимания, в соответствие с которой «право есть возведенная в закон воля государства». Последнее, выступая в качестве фактического творца права, одновременно является его главенствующим и, по сути, единственным владельцем и распорядителем, обладающим монополией как на воплощенное в законодательной деятельности правотворчество, так и на административное и судебное правоприменение. При таком подходе право есть не более чем послушный инструмент государства, а точнее тех, кто от имени государства выступает. Предназначение права, определяющее его социальную сущность в качестве средства регулятивно-охранительного воздействия определяется «государственной целесообразностью», являющейся формой государственного волюнтаризма, а если быть более точным – произвола элитарной государственной бюрократии.

В современных условиях ортодоксальный нормативизм, доминировавший в теоретико-правовой науке советского периода, сменил плюралистический интегративизм, основанный на представлении о праве как многоуровневой и многомерной форме социального бытия. Государство при таком подходе является важнейшим, однако не единственным субъектом как правотворческой, так и правоприменительной деятельности. Признание «жизнеспособности» за такими «телесными» конструкциями, как естественное, международное, муниципальное право, право прав человека и т. п., обуславливает более широкий подход к субъектному составу и субстанциональному содержанию правотворчества и правоприменения. Однако, несмотря на расширительную интерпретацию названных феноменов, представить их в отрыве от государства как специфического пространства юрисдикции и механизма регулятивно-охранительного воздействия, нельзя. Конечно, естественное право, возникает у человека независимо от того, гражданином какого государства он является; международное право, своим возникновением обязано не одному государству, а «надгосударственным» образованиям – международным организациям; муниципальное право является формой местного самоуправления, структурные подразделения которого, в соответствии с действующей Конституцией России не входят в систему органов государственной власти... Однако, именно от государства, во всех перечисленных примерах в конечном счете зависит, приобретут ли нормы, созданные в рамках названных систем юридическую силу, обеспеченную государственными гарантиями и санкциями, либо же останутся прекрасными по содержанию, однако не имеющими практического значения «декларациями о намерениях». Наглядным примером подобного отношения является т.н. «сталинская» Конституция СССР 1936 г., нормы которой, закрепляя широкий круг демократических прав и свобод, никоим образом не ограничивали политику «большого террора», осуществлявшегося советским государством в отношении собственных граждан, априори отнесенных к категории «врагов народа».

Сформулированное ранее определение государственно-правовой системы, содержит в себе три ее основных структурных элемента: институциональный (формальный), субъектный и субстанциональный (содержательный).

Институциональная составляющая представлена совокупностью политико-юридических форм, характеризующих государство и право, как внешне выраженные и атрибутивно представленные социокультурные явления. Посредством институциональной характеристики формируется образное восприятие государственно-правовой абстракции на субъективном уровне.

Применительно к государству можно выделить три смысловых образа: страна (географический); народ / нация / гражданское сообщество (социальный); политическая бюрократия (управленческий). Названные образы, в свою очередь, «рождают» характеризующие их институты. Для государства-страны такими институтами являются: государственная граница, региональное структурирование, административно-территориальное деление и т. п. Государство-нация представляет собой коллективное единство (многонациональный народ Российской Федерации) образуемый совокупностью классов, страт, сословий, конфессий, электоральных групп, руководствующихся в своей деятельности как корпоративными, так и общенациональными интересами, которые могут как совпадать друг с другом, обуславливая солидаристские тенденции, так и вступать в противоречия, порождающие социальные конфликты, в том числе приводящие к революционным трансформациям соответствующих государственно-правовых систем или же к их полному разрушению. Наконец, если говорить о государстве как о бюрократическом аппарате, объединяющем структурные образования (органы публичной власти) и наделенных специальным функциональным статусом лиц (государственных и муниципальных служащих), то следует в качестве государственных институтов рассматривать разноуровневые государственные и муниципальные учреждения (парламент, правительство, суды, фискальные и тюремные учреждения, органы местного самоуправления и т. п.), согласованная и взаимосвязанная деятельность которых подчинена общей цели – реализации функций государства и проведении определяемой этими функциями государственной политики.

Институциональная характеристика права, в свою очередь, предполагает восприятие правовой абстракции через три смысловых образа: правовую традицию, правовой волюнтаризм и правовой закон.

Представление о праве как о национальной культурной традиции – «законе отцов» – связано прежде всего с пониманием правовой культуры как неразрывной связи исторических поколений «дедов – отцов – детей» и неизменности социальных ценностей и принципов общественной жизнедеятельности в ходе диалога, предшествующего и последующего поколений. Традиционный образ права наиболее четко представлен в «исторической школе права» (Ф.К. Савиньи) [10, с. 7–19], в рамках которой утверждалась возможность имплементации правовых форм из различных инонациональных правовых систем, при невозможности заимствования и копирования «правового духа», формирующегося исключительно в рамках национальной правовой традиции и столь же уникального, сколь уникальными являются национальные язык и культура.

Волюнтаристский образ права характерен для систем, тяготеющих к патримониальному мировосприятию, в рамках которых право есть не что иное, как проявление начальственной воли «отца нации», являющегося ее фактическим хозяином и распорядителем. Характерным примером такого образа «верховного правотворца и правоприменителя» является последний российский император Николай II, определивший в анкете род собственных занятий как «Хозяин земли русской». Применительно к юридическому волюнтаризму, институциональная характеристика права, предполагает его восприятие в качестве формально-атрибутивных конструкций (правд, ордонансов, декретов, постановлений, указов, манифестов, законов и т. п.), которые самим фактом своего принятия, а также юридической силой и практической применимостью в первую очередь обязаны волеизъявлению конкретного должностного лица – персонифицированного главы государства, а также волеизъявлениям нижестоящих чиновников, выступающих как подданные, по отношению к Государю и как господа, по отношению к *собственным* (курсив мой – *P.P.*) подданным.

Образное представление о праве как о воплощенном в юридическую форму законе, связано с объективацией правовой материи и приданием ей такого свойства естественных (природных) закономерностей, как независимость от субъективной оценки и субъективного отношения со стороны субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности, независимо от их социального статуса и места в системе социально-политической иерархии. Институциональная характеристика права-закона, связана с выделением процессуальной (процедурной) составляющей

правовой материи, предполагающей жесткое ограничение правотворческой и правоприменительной деятельности соответствующих должностных лиц рамках формально-юридических процедур, столь же неизменных и обязательных, сколь неизменными и обязательными являются природные законы, нарушить либо не соблюсти которые, ни один человек, не важно на какой должности он находится и какими финансовыми либо властными ресурсами обладает, не в состоянии.

Характеристика государственно-правовых систем в контексте их субъектного состава, связана прежде всего с характеристикой понимания субъекта государственно-правовой деятельности, а также в выделении особенностей правосубъектности индивидуальных и коллективных лиц, участвующих в государственно-правовых коммуникациях.

В отличие от ортодоксального нормативизма, предполагавшего рассмотрение в качестве субъектов государственной, равно как правотворческой и правоприменительной деятельности исключительно государственных же субъектов, получающих внешнее выражение в создаваемых от имени государства учреждениях (органах государственной власти), осуществляющих свою деятельность посредством представителей государственной власти – государственных служащих, в современных интегративных концепциях государство – и правопонимания, субъектный состав государственно-правовой системы, носит гораздо более расширительный характер. Наряду с государственными органами и должностными лицами – представителями государственной власти, в совокупности образующими специфическое сословие – бюрократическую элиту, субъектами государственно-правовых отношений являются сами государства, административно-территориальные образования (субъекты федеративных государств), так называемые «негосударственные» формирования (политические партии, профсоюзы, религиозные конфессии и др.), отдельные граждане. Подобное расширительное понимание актуализирует проблемы приобретения и осуществления правосубъектности, перечисленными категориями индивидуальных и коллективных лиц. Особый интерес представляет проблема правосубъектности государства. По мнению автора, политико-правовое образование приобретает статус государства, тогда, когда становится кратоспособным [8, с. 318]. Причем государственная кратоспособность носит как фактический (реальная способность государства осуществлять публичную власть в пределах

своего юрисдикционного пространства), так и внешнеполитический (признание государства на уровне межгосударственного сообщества, выраженное в принятии его в ООН) характер.

Говоря о субстанциональной (содержательной) составляющей государственно-правовой системы, автор имеет в виду различные коммуникации, в совокупности, представляющие «государственно-правовую жизнь» формально-атрибутивным образованиям, посредством которых получают свое внешнее выражение государственные и правовые абстракции.

Понимание государственно-правовых систем в контексте парадигм цивилизационно-культурных трендов Запада и Востока

*... Запад есть Запад, Восток есть Восток,
не встретиться им никогда,
Пока будут Небо с Землей таковы,
какими их Бог создал*

Р. Киплинг

Основным критерием различения цивилизаций Востока и Запада, обуславливающим противопоставление мировых политико-правовых культур [1, с. 112], является гуманизм, в наиболее общем своем виде представляющий комплексное понимание человека как частицы мироздания [13, с. 115–116]. Для восточной цивилизации, отдельный человек – это всего лишь капля в безбрежном мировом океане, для Западной – первичный элемент системы базирующейся на ценности эгоцентризма, где человек есть конечный результат божественного мирсотворения, созданный по образу Бога и являющийся его подобием.

Гуманистическая идея, выступая во все времена, в качестве разделительного фактора «несводимости» Запада и Востока, вместе с тем, не является исторически неизменной и в ходе исторического развития человечества, претерпевала существенные трансформации. Представляется возможным выделение трех парадигм: монистической, дуалистической и плюралистической, каждая из которых может рассматриваться в качестве теоретической модели в рамках которой и посредством которых объясняются как диалоговые, так и конфликтные формы взаимодействия культур и цивилизаций [12; 14].

Монистическая парадигма мировосприятия основывается на понимании мира как ойкумены – разумной вселенной, первоначально сводимой к автаркичному полису, а впоследствии – к Римской империи, рассматри-

вавшейся не просто как «центр мира», но как сам мир [3, с. 6], воплощенный в *respublica* – «общем деле» и являющемся *patria* – «большой Родиной» для всех граждан Рима независимо от места их фактического пребывания.

Разделение единой мировой религии христианства на два направления – католицизм и православие, повлекло разделение «мирового» Рима на западный и восточный и как следствие – переход от монистической парадигмы мировосприятия к дуалистической, в рамках которой все цивилизационные культуры разделяются на «правильные и неправильные». Мировое господство призваны осуществлять «правильные» империи. Все государственно-правовые системы делятся на имперские (сверхдержавы) и не имперские. Не имперские государства находятся в «сфере геополитики» имперских и вынуждены подчиняться их воле. Таким образом, в рамках дуалистической парадигмы, в полном смысле суверенными являются только системы имперского типа.

Плюралистическая парадигма мировосприятия связана с формированием информационного общества и переходом к глобальному мировому порядку – *digital state* [7, с. 99–109]. В условиях цифровизации общественных отношений возникают и сосуществуют различные культуры, каждая из которых является «правильной» для лиц её представляющих.

Говоря о дифференциации и противопоставлении цивилизационно-культурных трендов Запада и Востока, следует воспользоваться теорией цивилизационно-культурных волн. Данную теорию использовал для характеристики цивилизационной эволюции американский футуролог Э. Тоффлер [11]. Мною, в рамках данной статьи, у Тоффлера заимствована методология волнового анализа, однако содержательная характеристика волн, носит отличный от тоффлеровского характер.

По аналогии с Э. Тоффлером, дифференцирующем три волны, каждая из которых несет собственную парадигму культуры: культуру земли, культуру индустрии и информационную культуру, я также предлагаю «измерять» соотношение Запада и Востока по «волновой шкале», причем волн тоже три.

Первая волна возникает в ходе разделения единого христианства и единого Рима на православный Восток и католический Запад.

Выделение в качестве мировой религии ислама, порождает вторую волну и придает противостоянию Запада и Востока качественно иной

смысл. Западная цивилизация – это цивилизация, основанная на христианской культуре, в то время как Восток объединяет адептов мусульманской веры [4, с. 5].

Катализатором третьей волны является Великая Октябрьская социалистическая революция, обусловившая возникновение Советской России (СССР), по сути своей являвшейся имперской сверхдержавой, претендующей на мировое господство. С возникновением мировой системы социализма, конфликтное соотношение Запада и Востока из религиозной сферы перешло в экономико-идеологическую. Соответственно, восточный цивилизационный тренд стал использоваться для типологизационного обозначения стран социалистического лагеря, а Запад объединил государственно-правовые системы, исповедующие либерально-буржуазные принципы.

Разрушение социалистической государственно-правовой системы, результатом которой стало появление на политической карте мира государств, несущих переходную (постсоветскую культуру) [5, с. 106], повлекло за собой трансформацию двухполярной системы мироустройства в многополярную, основанную на различных «центрах силы», взаимодействие которых осуществляется под воздействием как солидаристских, так и конфликтных тенденций [6, с. 64]. В современной ситуации противопоставление Запада и Востока принимает в достаточной степени условный характер и является в большей степени традиционным архаизмом нежели конструктивной моделью межкультурного взаимодействия.

Заключение

Обобщая сказанное следует обозначить позицию, в рамках которой рассмотрение государственно-правовых систем в контексте волновой концепции соотношения цивилизационно-культурных трендов Запада и Востока, следует проводить в рамках авторской концепции политогенеза, представленной в книге «Политогенез: Храм – Пóλις – Государьство – State» [9].

Представляется, что государственно-правовые системы, относимые к Западному цивилизационно-культурному тренду, проходят в своем эволюционном развитии три этапа (цикла). При этом каждый последующий цикл, является видоизменённым (мутирующим) по отношению к предшествующему. Для античной культуры характерна полисная модель государственно-правовой системы. В условиях феодального цикла

уживаются две модели: городская и патримониальная (монархическая). Буржуазный цикл связан с формированием модели правового государства (state of law). Что же касается государственно-правовых систем Востока, то они, подчиняясь в своем развитии той же циклической тенденции, претерпевают в условиях различных циклов только формальные преобразования, оставаясь по сути неизменными в содержательном плане, а точнее, представляя собой персонифицированные монархии – «государства».

Постепенное замещение дуалистической парадигмы мировосприятия, воспринимаемой в качестве базового основания цивилизационно-культурных трендов Запада и Востока, плюралистической, влечет выход на первый план концепции мультикультурного мира, в котором государственно-правовые системы, объединенные в «политико-правовые семьи» [2], рассматриваются в качестве равнозначных национальных и интернациональных культурных образований, в равной степени претендующих на достойное их общецивилизационного статуса место в системе современного человечества.

Список литературы

1. Волкова О.Е. Дихотомия правовой культуры цивилизаций Запада и Востока // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2 (82). С. 112.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 36.
3. Дитмар А.Б. Рубежи ойкумены. М.: Мысль, 1973. С. 6.
4. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. С. 5.
5. Макаренко Б.И. Постсоветские страны: некоторые итоги трансформации // Полития, 2008. № 3 (50). С. 106.
6. Мельвиль А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 64.
7. Панченко В.Ю., Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) – концептуальное основание глобального мирового порядка // Государство и право. 2018. № 7. С. 99–109.
8. Ромашов Р.А. Субъекты правового риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 318.
9. Ромашов Р.А. Политогенез: Храм – Πόλις – Государство – State: монография / Р. А. Ромашов; вступ. сл. В. П. Сальников. СПб.: Алетейя, 2020;
10. Семякин М.Н. Частноправовые идеи в учении основоположника исторической школы права Ф.К. Савиньи // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 7–19.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.

12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велишева, Ю. Новикова. М.: Аст, 2003.

13. Швачкина Л.А. Исторические типы гуманности в контексте культур Востока и Запада // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2 (6). С. 115–116.

14. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order. New York, 1996.

References

1. Volkova, O.E. (2014). Dihotomiya pravovoj kul'tury civilizacij Zapada i Vostoka [Dichotomy of the legal culture of civilizations of the West and East]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. No. 2–2 (82). P. 112. (In Russian).

2. David. R. (1988). *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The main legal systems of our time]. Per. s fr. i vstup. st. V. A. Tumanova. Moscow: Progress. P. 36. (In Russian).

3. Ditmar, A.B. (1973). *Rubezhi ojkumeny* [Oikumen frontiers]. Moscow: Mysl'. P. 6. (In Russian).

4. Zhdanov, N. V. (2003). *Islamskaya koncepciya miroporyadka* [Islamic concept of the world order]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 5. (In Russian).

5. Makarenko, B.I. (2008). Postsovetskie strany: nekotorye itogi transformacii [Post-Soviet countries: some results of the transformation]. *Politiya – Politics*. No. 3 (50). P. 106. (In Russian).

6. Mel'vil' A. Yu. (2004). O traektoriyah postkommunisticheskikh transformacij [On the trajectories of post-communist transformations]. *Polis – Polis*. No. 2. P. 64. (In Russian).

7. Panchenko, V.YU. Romashov, R.A. (2018). Cifrovoe gosudarstvo (digital state) – konceptual'noe osnovanie global'nogo mirovogo poryadka [Digital state – the conceptual basis of the global world order]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 7. pp. 99–109. (In Russian).

8. Romashov, R.A. (2019). Sub"ekty pravovogo riska [Legal risk subjects]. *YUridicheskaya tekhnika – Legal techniques*. No. 13. P. 318. (In Russian).

9. Romashov, R.A. (2020). *Politogenez: Hram – Πόλις – Gosudar'stvo – State*: monografiya [Politogenesis]. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russian).

10. Semyakin, M.N. (2013). CHastnopravovye idei v uchenii osnovopolozhnika istoricheskoy shkoly prava F.K. Savin'i [Private law ideas in the teaching of the founder of the historical school of law F.K. Savigny]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 6. pp. 7–19. (In Russian).

11. Toffler, E. (2004). *Tret'ya volna* [Third Wave]. Moscow: Izdatel'stvo ACT. (In Russian).

12. Hantington, S. (2003). *Stolknovenie civilizacij* [Clash of civilizations]. Moscow: Ast. (In Russian).

13. Shvachkina, L.A. (2017). Istoricheskie tipy gumannosti v kontekste kul'tur Vostoka i Zapada [Historical types of humanity in the context of the cultures of the East and West]. *Gumanitarij YUga Rossii – Humanist of the South of Russia*. No. 2 (6). pp. 115–116. (In Russian).

14. Huntington, S. (1996). The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order. New York.

Об авторе

Роман Анатольевич Ромашов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, doctor of law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, head of the Department of theory and history of state and law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2020

Received: 10 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УДК / UDC 342.6 : 342.56

**Отделение судебной власти от исполнительной власти:
исторические перипетии российской модели.
Часть I. Начала отделения судов от администрации
в дореформенной России (до судебной реформы 1864 года)**

В. П. Очередько

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассматривается проблема независимости судебной власти, конкретно, развитие исторической модели отделения судебной власти от исполнительной власти. Автор исходит из необходимости в анализе этой проблемы различать два тесно связанных, но все же самостоятельных аспекта, а именно, самостоятельность судебных властных органов и независимость судей как носителей судебной власти в осуществлении правосудной деятельности. Понимание самостоятельности судебных органов позволяет говорить об их отделении от органов исполнительной власти.

На основе изучения исторических памятников автор приходит к выводу, что логика развития взаимодействия судов и администрации отражает логику и особенности развития Российской государственности. Именно этим определяются существующие стимулы и ограничения отделения судебной власти от исполнительной власти.

В работе определено базовое правило – кто управляет, тот и судит – отсылающее нас к родовым основам организации общественной жизни на Руси и, по мнению автора, надолго сохранившее влияние в развитии судебного дела в том, что принято называть менталитетом народа.

В работе рассматриваются предпринимаемые первые шаги по разграничению органов исполнительной власти и судов в рамках проводимых судебных реформ. Проведенный анализ позволил увидеть обратную связь между радикальностью осуществляемых мер и их результативностью. Так, екатерининская модель отделения суда от администрации в более полной мере учитывала особенности государственного и общественного устройства России, по сравнению с петровскими реформами, в результате оказалась жизнестойкой и просуществовала в своей основе вплоть до середины XIX века.

Ключевые слова: власть, администрация, суды, судебные реформы.

Благодарности. В связи с проведением настоящего исследования хотелось бы выразить искреннюю благодарность нашим предшественникам, исследователям русского права, как упоминаемым в нашей работе, так оставшихся за границами нашего изложения, показывающим нам образцы глубины и добросовестности научного исследования, к которым мы, по мере наших скромных сил, должны стремиться.

Для цитирования: Очерedyкo В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть I. Начала отделения судов от администрации в дореформенной России (до судебной реформы 1864 года) // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 47–60.

**Separation of judicial power from Executive power:
historical vicissitudes of the Russian model.**

**Part I. The beginning of the separation of courts from administration
in pre-reform Russia (before the judicial reform of 1864)**

Viktor P. Ocheredko

*North-Western branch of the Russian state University of justice
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article addresses the issue of the independence of the judiciary, specifically, the development of the historical model of the separation of the judiciary from the executive branch. The author proceeds from the need to analyse this problem by distinguishing between two closely related but distinct aspects, namely, the autonomy of the judiciary and the independence of the judiciary as the bearers of the judiciary in the conduct of justice. An understanding of the independence of the judiciary makes it possible to talk about their separation from the executive branch.

Based on the study of historical monuments, the author concludes that the logic of the development of the interaction of courts and administration reflects the logic and features of the development of Russian statehood. This defines the existing incentives and restrictions on the separation of the judiciary from the executive branch.

The work defines the basic rule – who controls, he judges – referring us to the generic foundations of the organization of public life in Russia and, according to the author, which has long retained influence in the development of the court case in what is commonly called the mentality of the people.

The work examines the first steps taken to distinguish between the executive and the courts within the framework of the ongoing judicial reforms. The analysis provided feedback between the radicality of the measures implemented and their impact. Thus, the Catherine model of separation of the court from the administration more fully took into account the peculiarities of the state and public structure of Russia, compared with the Petrine reforms, as a result turned out to be resilient and existed at its core until the middle of the 19th century.

Key words: power, administration, courts, judicial reforms.

Acknowledgements: In connection with the present study, I would like to express my sincere gratitude to our predecessors, researchers of Russian law, both mentioned in our work and remaining outside the boundaries of our presentation, showing us samples of the depth and integrity of scientific research, to which we, as far as our modest efforts are concerned, should strive.

For citation: Ocheredko, V.P. (2020) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel'noj vlasti: istoricheskie peripetii rossijskoj modeli. CHast' I. Nachala otdeleniya sudov ot administracii v doreformennoj Rossii (do sudebnoj reformy 1864 goda) [Separation of judicial power from Executive power: historical vicissitudes of the Russian model. Part I. The beginning of the separation of courts from administration in pre-reform Russia (before the judicial reform of 1864)]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 47–60. (In Russian).

Введение

Центральной темой обсуждения проблем судебной власти на всех этапах становления является проблема ее независимости. Дискуссии вокруг независимости судебной власти далеки от своего завершения. Прежде всего, дискутируется содержание понятия независимости судебной власти. В его строгом значении, оно относится к судьям как носителям судебной власти. Между тем, понятие независимости часто используется в более широком смысле, охватывая также судебные органы как институты судебной власти.

Критики такой расширительной трактовки независимости судебной власти, на наш взгляд, совершенно справедливо указывают на невозможность функционирования государственной власти в условиях ее дробления на независимые ветви власти.

Нельзя сказать, что эта проблема является сугубо российской. Безусловно она имеет значительно более широкое изменение уже хотя бы в силу истории возникновения и масштабов распространения политико-правовой доктрины разделения властей. При этом мы оставляем в стороне дискуссию вокруг понимания разделения властей. Многие исследователи указывают на неправильную трактовку идей Ф. Монтескье о разделении властей, вытекающую из неправильного перевода слова (*isolation*), которое нужно переводить как обособление властей. На это указывал еще известный русский ученый В.М. Гессен, отмечавший, что Ф. Монтескье в своей работе «О духе законов» не употребляет в тексте словосочетание «разделение властей», а говорит о «распределении» и «обособлении властей» [2, с. 12]. Обособление властей является важным элементом правового государства. необходимым условием их подзаконности. В юрисдикционной деятельности государственные органы не могут быть независимы друг от друга уже в силу того, что они как разделены, так и соединены между собой множеством связей. Власть, по С.А. Котля-

ревскому, в своем источнике едина, хотя и может быть по-разному распределена [3, с. 101], и соответствующим образом обособлена. В этом состоит смысл идеи русского юриста Н.М. Коркунова о совместности властвования¹.

Таким образом, в исследовании место судебной власти в государственном механизме речь должна вестись о самостоятельности судебной власти. В системе взаимоотношений с другими видами власти, среди которых принято выделять исполнительную и законодательную, теоретическое и практическое значение имеет проблема отделения судебной власти от исполнительной власти. Особенности генезиса российской государственности, а также то, что принято называть менталитетом народа, существенно актуализируют эту проблему. При этом важно осуществить анализ форм и инструментов взаимодействия суда и администрации, существующих стимулов и ограничений отделения судебной власти от исполнительной в историческом измерении.

Цель исследования

Автор сосредотачивает свой исследовательский интерес на выявлении истории, актуализации проблемы совместного функционирования суда и администрации на ранних этапах развития России, противоречивости осуществляемых шагов по их разделению. Автор нацелен на выявлении оснований и логики развития судов в системе государственной власти, причинной обусловленности и ограничений осуществляемых шагов по отделению судов от исполнительной власти.

Обзор литературы

Использованную литературу можно разделить условно на три достаточно важных в содержательном и фактологическом отношении группы.

Важное значение в определении позиции автора в понимании места и роли судебной власти во взаимоотношениях с другими властями имеют работы выдающихся дореволюционных ученых-юристов Гессена В.М., Коркунова Н.М., Котляревского С.А. (Гессен В.М. О правовом государстве. СПб., 1906. 62 с., Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права: Н.М. Коркунов. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 422 с.; Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. – 255 с.).

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2016. С. 278.

Оценки русских историков и историков русского права Соловьева С.М., Владимирского-Буданова М.В., Васьковского Е.В. Троцины К.Е. (Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. V. – М.: Мысль, 1990; Проф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995. 640 с; Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М., 1917. // Allpravo.Ru, 2005. – 464 с.; Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. Санкт-Петербург / Типография Эдуарда Веймара, 1851. – 388 с.) взаимоотношений судов и администрации и проводимых реформ тех времен в России также имеют основополагающее значение. Весьма детальной, насыщенной конкретным материалом является монография Мигуновой Т.Л. (Мигунова Т.Л. Право, администрация и суд в реформах Екатерины Великой. Монография. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 412 с.).

Следует выделить также документы, обеспечивающие достоверность высказываемым автором положениям (Высочайший Манифест объ учреждении Министерствъ. 1802 г., Сентября 8; Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Издание Государственной Канцелярии, 1867; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: 1902. – 340 с.).

Методы

Методология работы детерминирована общенаучными, специальными и частно-научными методами познания, позволяющими исследовать проблему отделения суда от администрации в России в достаточно большом историческом интервале (от ее ранних периодов до Великой судебной реформы 1864 года). Работа базируется на осуществлении историко-правового метода исследования правовой жизни. Автор нацелен на выявлении оснований и логики развития судов в системе государственной власти, причинной обусловленности и ограничений осуществляемых шагов по регламентации взаимодействия судов и администрации в рамках проводимых судебных реформ в России.

Результаты исследования

Ранние этапы истории России характеризовались отсутствием судов как судебных учреждений в собственном смысле этого слова [9, с. 2]. Базовым было правило: кто управляет, тот имеет и право суда над управляемым. Это правило лежало в основе организации судебной власти, как

родовой и общинной, так и государственной [10]. Оно было закреплено в сборниках права, положенных в основу единого свода законов, известного как Русская Правда¹, определяло также древнерусскую судебную систему².

Источники указывают, что славяне искали князя, который бы «владел нами и судил по праву» [9, с. 8]. Верховным судьей был князь, осуществлявший суд лично или по его поручению наместники [10, с. 628]. Такими же правителями с неограниченной исполнительной и судебной властью были и княжеские бояре, наместники, волостели. Суд, таким образом, не рассматривался как нечто отдельное и самостоятельное от других сторон власти.

Процессы подчинения суда администрации последовательно развивались в эпоху становления централизованного российского государства. Это в полной мере проявилось в Судебнике 1497 г., определившем систему суда и администрации государства. Были созданы высшие судебные органы: Суд Великого князя, Боярская дума, путные бояре, приказы. На местах судебные полномочия были вверены местной администрации: наместникам и волостелям. Помимо этого, был установлен надзор со стороны высших государственных органов над местными административно-судебными органами,

Правительство XV и XVI столетий принимало некоторые меры по защите интересов населения от злоупотреблений княжеских правителей. Оба Судебника и уставные и земские грамоты сохранили следы этих забот. В частности, представители населения привлекались к участию в суде княжеских наместников и, наконец, на представителей «тяглаго» населения перекладывалось все управление данной местностью, то есть администрации и суда. При этом, местная власть все же в неприкосновенности сохранила свою старую наиболее характерную черту - слияние суда и администрации в одном органе.

Принцип «кто управляет, тот и судит» был положен и в основу «приказной» системы центрального управления. В самый расцвет Московского царства как территориальные приказы, ведавшие судом и управлением огромной области, как например, приказ Казанского Дворца,

¹ Русская Правда. [Электронный ресурс]. URL: [//loveki.ru/museum/docs/russkaya_pravda_yaroslava](http://loveki.ru/museum/docs/russkaya_pravda_yaroslava) (дата обращения: 20.03.2020).

² История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, А.А. Сенцов, О.В. Сиваков, Н.Ю. Титов и др.; отв. ред. Ю.П. Титов. М.: Былина, 1996. С. 39.

который управлял всеми делами Поволжья, так и приказы чисто ведомственные (посольский и другие), обладали в то же время и судебной властью над всеми людьми, подчиненными приказу. Среди приказов были два «судных», но юрисдикция одного распространялась на московскую, а другого на владимирскую область. Приказы поместный и разбойный ведали только некоторыми категориями уголовных дел и их ведомство не обнимало всей территории Московского царства [8].

Идея «кто управляет, тот и судит» последовательно воспроизводилась во всех последующих Судебниках. Принятый в 1550 году новый Судебник, существенно усилил начала централизации судебной системы, предоставив центральным судебным органам контрольные полномочия в отношении нижестоящих судов.

Соборное уложение, принятое в 1649 году, продолжило традицию предшествующих Судебников, полностью подчинив судебные органы администрации.

Традиционное смещение власти судебной и административной в последней фазе допетровского времени, может быть, особенно ярко выступило в развитии местной власти. В XVII веке общераспространенным органом местной власти являются воеводы, приобретшие наряду с военным также и гражданское содержание. В смутное время воеводы были назначены как в пограничные, так и во внутренние города. Этот «орган чрезвычайной охраны» еще долго существовал, соединив в себе все виды власти и подчинив гражданско-судебное начало началу военно-административному.

Воеводам был подчинен также и единственный существовавший в допетровской России орган правосудия, обладающий, к тому же специальным судебным значением – губные старосты, которые хотя и не были независимыми судьями, но были изначально созданы для «обеспечения населению особого специального суда по важнейшим преступлениям».

Однако с самого начала характер должности губного старосты стал изменяться, были случаи, когда им поручалось и все управление округом, что осложняло их судебную власть властью административной. В XVI веке губные старосты нередко управляли городами, в XVII – они иногда заменяли воевод. Старосты стали превращаться из судей в судящих магистратов, если использовать римскую правовую терминологию, «Специальная» судебная сфера деятельности губных старост также не оставалась без изменений. Первоначально им были предоставлены

только «разбойные дела», потом также «татинная» (от слова «тать»), в начале XVII века – «убийственные». Позднее компетенция губных старост была расширена. Губные старосты были не только судьями, но и несли различные «полицейския и финансовыя обязанности», они осуществляли конфискацию и продажу имущества преступников, производили взыскания, собирали пошлины, заведовали сбором губных податей и т. д.

Так постепенно менялся единственный институт, в котором судебная власть если не была выделена совсем, то, во всяком случае, была приоритетной. В итоге деятельность губных старост из судебной превращалась в судебно-административную. В Соборном Уложении 1649 г., губные старосты уже практически не упоминаются в числе судей. Указом Петра I от 10 марта 1702 г. губные старосты были отменены. В первые годы его царствования местный суд принадлежал воеводам в Приказной Палате. Судебные функции осуществляли также земский голова, посадник и бургомистр. Историк С.М. Соловьев характеризовал ситуацию в середине XVII века как административный «захват» судов [5, с. 469].

В рамках реформы государственного управления Петра I осуществлялась также идея о необходимости отделения суда от администрации. При разработке проектов судебной реформы (было разработано два проекта) за основу был взят шведский опыт, поклонником которого был Петр I. Созданная и введенная Петром в 1719 г. система судебных учреждений была близка принятым образцам. В то же время в ней существовал инородный шведской системе судебный орган – Сенат. Сенату, как высшему правительствующему учреждению в империи, принадлежало также и высшее руководство судебной частью и надзор за деятельностью судов. Кроме того, в отдельных случаях Сенат выступал в качестве особого судебного трибунала, иногда высшей, иногда первой инстанции. Так, в Сенате нередко разбирались должностные преступления. По особому повелению государя Сенат разбирал дела также в апелляционном порядке.

Оба первоначальных проекта устройства судебной части последовательно проводили начало отделения суда от администрации, создавая систему судебных учреждений отдельно от административных органов. Тех же руководящих идей держалось на первых порах правительственные учреждения. В утвержденных в 1719 г. инструкциях органам администрации – воеводам и земским комиссарам (были введены Петром I), предписывается «до юстиции не касаться и в суде участия не принимать».

Отношение органов администрации к суду должно было выражаться в предупредительном содействии, постоянной помощи и «некотором надзоре издалека» за деятельностью новых учреждений.

Такие воззрения на суд обусловили создание принципиально новой системы судебных учреждений. Они представляли собой особое ведомство, в котором две низших инстанции были учреждениями исключительно судебными и независимыми от органов администрации. Однако эта идея была реализована не полностью. Новое положение суда было слишком необычным для России, оно слишком противоречило вековым порядкам и обычаям русского суда. Жизнь показала, что провозглашённый реформой принцип отделения суда от администрации оставался на деле трудно реализуемым. Та же воеводская инструкция 1719 года, запрещающая воеводам вмешиваться в судебные дела, все же оставляла за ними право некоторого надзора за судом. Новизна учреждений, недостаточная точность инструкций, глубокие корни старой приказной системы в итоге привело к полной путанице во взаимоотношениях губернаторов и воевод, с одной стороны, надворных и низших судов, с другой. Разделение функций между вновь установленными органами власти с трудом воспринималось населением.

Накопленный опыт убеждал в неспособности новой конфигурации судебных учреждений оправдать возлагавшиеся надежды. В результате осуществленной в 1722 году реорганизации, система судебных учреждений Петра получила несколько упрощенный вид. При сохранении роли и значения Сената как высшего органа судебного надзора и высшего трибунала, а также сохранении положения юстиц-коллеги и надворных судов совершенно иной вид получила низшая инстанция. Ею стали учрежденные в каждой провинции «провинциальные суды», состоявшие из воеводы и одного или нескольких ассессоров. Таким образом, воевода вновь получил судебную функцию и в его лице суд опять слился с администрацией.

В дальнейшем в рамках последующих реформ в 1727 году были ликвидированы надворные суды. В результате проведенной административной реформы сохранилось трёхуровневое деление – губерния, провинция и уезд. Во главе губерний и провинций остались губернаторы и воеводы, но уже как единоличные правители, в руках которых сосредоточена вся местная власть в её совокупности. Такой же единоличный правитель появляется и во главе уезда, которого также называли воеводой,

рассуждая, что «воеводский чин уездным людям в отправлении всяких дел может быть страшнее». Наказ 12 сентября 1728 года передавал областным властям (губернаторам и воеводам) все «судебные и разыскные дела в их совокупности».

Завершившаяся первая в российской истории попытка отделить суд от администрации продолжилась почти полувековым периодом их полного слияния. Это в полной мере проявилось в уголовном суде, где губернаторы и воеводы судили всякого, независимо от его сословного происхождения. В гражданском суде участвовали все три ступени областного управления, правда с некоторыми ограничениями сословного характера. Губернатор и воеводы также являлись апелляционными инстанциями. В качестве третьей судебной инстанции выступала юстиц-коллегия, рассматривающая жалобы на суд губернских канцелярий. Сенат оставался четвертой, высшей судебной инстанцией. Это в полной мере соответствовало общественным представлениям о должном. Господствовало мнение, что, так как, губернатор – это «хозяин и опекун» своей губернии, то он должен обладать широкими полномочиями, чтобы обходиться без всяких судебных формальностей, поскольку во время объезда губерний к нему поступает огромное количество жалоб, требующих немедленного рассмотрения.

Петровские усилия отделить суд от администрации были возобновлены в период царствования Екатерины, в рамках созданной новой системы управления и суда в соответствии с изданным в 1775 г. Учреждением о губерниях. Русский историк С.М. Соловьев оценивал екатерининские реформы как продолжение европеизации страны [6].

Стремление к отделению судов от администрации проявилось в создании самостоятельной системы судебных органов, существующей параллельно с местными административными органами. Сенат продолжил функционировать в качестве высшего суда империи, однако его надзорная функция была передана генерал-губернаторам. Местные учреждения были основаны на принципе самоуправления, притом исключительно сословном. Как общее правило были установлены две судебные инстанции, низшая – в уезде, высшая – в губернском городе, отдельно для дворянства и крестьян. Для суда над крестьянами были учреждены уездные нижняя расправ, в губерниях – верхняя расправа. Председатели верхних земских судов избирались Сенатом, судьями избирались представители местного общества. В губернском городе находились, кроме того, два

особых трибунала третьей инстанции – палаты гражданских и уголовных дел. Сохранялся преимущественно сословный характер суда и его коллегиальные начала. Следствие отделялось от суда и передавалось в ведение полиции.

Такова была, в общих чертах система новых судебных учреждений, установленная «Учреждением...» [7; 1, с. 267–268], весьма детально эта система рассмотрена Т.Л. Мигуновой [4, с. 201–282]. Судебные учреждения составляли действительно особую систему, существовавшую параллельно системе административных учреждений. Однако, несмотря на неоднократное подчеркивание в «Учреждении...», что губернатор «есть яко хозяин своей губернии, а не судья», но именно это положение хозяина своей губернии, сосредоточение в его руках всех рычагов власти давало ему право вторгаться в сферу деятельности судебных учреждений. Все судебные места были подчинены ему в порядке надзора, он «сберегатель законов, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утеснённых и побудитель безгласных дел». При такой безграничной и недостаточно очерченной губернаторской власти нельзя было говорить о значительной самостоятельности судебных учреждений. Губернатору принадлежали и некоторые судебные функции, вытекавшие из факта подчинения всей местной власти безраздельно. Так, например, он утверждал приговоры по уголовным делам.

Не до конца было преодолено рассмотрение судебных дел административными учреждениями. Губернское правление под руководством губернатора осуществляло надзор за отправлением правосудия в низших судебных местах – верхних земских и уездных судах, магистратах и расправах. Наконец, губернское правление разрешало все, так называемые, бесспорные дела, т. е. такие, где не было состязания сторон. Организация высшего уровня управления в губернии, таким образом, в значительной степени ограничивала формальную независимость суда.

Созданную систему судебных органов можно охарактеризовать как компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и желанием сохранить начальника губернии как хозяина, «око и ухо государевы», надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни.

Если в новых судебных местах не был введён принцип несменяемости судей, то их независимость до некоторой степени должна была обеспечиваться сохранением выборности большей части членов судов и

палат, а не назначением на эти места чиновников. Однако все эти преобразования в значительной мере элиминировались тем, что судебные учреждения за исключением обеих палат не были «судом единым»; для каждого сословия существовал свой особый суд. Рассмотрение дел смешивалось с мелкой сословной политикой, по большей части делавшей суд орудием господствовавшей на местах дворянской олигархии.

Созданная судебная система несла на себе отпечаток учета российских традиций и устоев [4, с. 307]. Но, следует отметить, что именно компромиссный, половинчатый характер судебной реформы был важным фактором значительно более прочной ее реализации, по сравнению с радикальной петровской реформой, лучшую приживаемость осуществляемых шагов на российской почве.

В начале XIX в. была проведена реформа центрального управления, внесшая изменения в управление судебной системой дореформенной Россией. Начало реформе положил Манифест от 8 сентября 1802 г., учредивший 8 «отраслевых» министерств¹. Организованному в рамках этой реформы Министерству юстиции вверялось управление судебным ведомством (судейскими кадрами, создание и упразднение судебных органов) и осуществление общего надзора за деятельностью судебных учреждений². Это не изменило сложившуюся модель взаимоотношений судов и администрации – суды не были выделены в особое ведомство, а входили в состав общей администрации, вследствие чего не пользовались ни самостоятельностью, ни несменяемостью³.

Заключение

Можно утверждать, что на всех этапах развития российской судебной системы неизменным было взаимодействие с администрацией. Различалась лишь масштабы и формы этого взаимодействия. Начало развития судебного дела в России характеризовалось отсутствием судов как учреждений и разделения судебной и административной функции. В основе функционирования суда лежало базовое правило – кто управляет, тот и

¹ Высочайший Манифестъ объ учрежденіи Министерствъ (1802 г., Сентября 8). [Электронный ресурс]. URL: https://rusportal.ru/index.php?id=russia.manifest1802_09_08_01 (дата обращения: 11.11.2019).

² Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: 1902. 340 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://library6.com/index.php/5236/item/852001> (дата обращения: 11.11.2019).

³ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. // Allpravo.Ru, 2005. С. 44.

судит, отсылающее нас к родовым основам организации общественной жизни на Руси и надолго сохранявшее влияние в развитии судебного дела. Оно определяло организацию суда, как родового и общинного, так и государственного.

Очевидно, что логика развития взаимодействия судов и администрации отражает логику развития Российской государственности. Становление суда как социально-правового института в условиях развития централизованного государства требовало все более детальной регламентации взаимоотношений суда и администрации, составлявших важный элемент осуществляемых в России судебных реформ. Мы можем отметить попытку отделить суд от администрации в рамках Петровской судебной реформы, завершившуюся полной неудачей и продолжившейся почти полувековым периодом их полного слияния.

Можно констатировать, что екатерининская модель разделения судов и административной власти, основанная на учете российских традиций и устоев, действовала вплоть до реформ 1864 года, послужив основой для перехода к последующим моделям этого разделения.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. 640 с.
2. Гессен В.М. О правовом государстве. СПб., 1906. 62 с.
3. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. 255 с.
4. Мигунова Т.Л. Право, администрация и суд в реформах Екатерины Великой. Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.
5. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн.V. М.: Мысль, 1990.
6. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 25–29. М.: Мысль, 1990.
7. Судебная реформа / под ред. В.Н. Давыдова, Н.Н. Полянского. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915.
8. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Издание Государственной Канцелярии, 1867.
9. Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. Санкт-Петербург / Типография Эдуарда Веймара, 1851. 388 с.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс Уголовно процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 628 с.

References

1. Vladimirskij-Budanov, M.F. (1995). *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Rostov-na-Donu: Feniks. 640 p. (In Russian).
2. Gessen, V.M. (1906). *O pravovom gosudarstve* [On the legal state]. St. Petersburg. 62 p. (In Russian).
3. Kotlyarevskij, S.A. (1907). *Konstitucionnoe gosudarstvo. Opyt politiko-morfologicheskogo obzora* [Constitutional state. Experience of political and morphological review]. St. Petersburg. 255 p. (In Russian).
4. Migunova, T.L. (2002). *Pravo, administraciya i sud v reformah Ekateriny Velikoj: Monografiya* [Law, administration and court in the reforms of Catherine the Great: Monograph]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena. (In Russian).
5. Solov'ev, S.M. (1990). *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [Essays. History of Russia since ancient times]. Kn.V. Moscow: Mysl'. (In Russian).
6. Solov'ev, S.M. (1990). *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [Essays. History of Russia since ancient times]. Т. 25–29. Moscow: Mysl'. (In Russian).
7. *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]. (1915). Pod red. V.N. Davydova, N.N. Polyanskogo. Moscow: Knigoizd-vo Ob"edinenie. 411 p. (In Russian).
8. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenij, na koih oni osnovany* [Judicial Statutes of November 20, 1864, outlining the reasoning on which they are based]. (1867). CHast' tret'ya. 2-e izd., dop. Sankt-Peterburg: Izdanie Gosudarstvennoj Kancelyarii. (In Russian).
9. Trocina, K. E. (1851). *Istoriya sudebnyh uchrezhdenij v Rossii* [History of judicial institutions in Russia]. Sankt-Peterburg: tip. E. Vejmara. 388 p. (In Russian).
10. CHel'cov-Bebutov, M.A. (1995). *Kurs Ugolovno processual'nogo prava. Oчерки po istorii suda i ugolvnogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh burzhuznyh gosudarstvah* [Course in Criminal Procedure Law. Essays on the history of the court and the criminal process in slave-owning, feudal bourgeois states]. Sankt-Peterburg: Al'fa, Ravena. 846 p. (In Russian).

Об авторе

Виктор Пантелеевич Очередько, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ocheredkovp@mail.ru

About the author

Viktor P. Ocheredko, doctor of law, professor, North-West branch of the Russian state university of justice Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2020

Received: 10 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УДК / UDC 340.13

Нормативный правовой акт и акт с нормативным содержанием как формы закрепления социальных притязаний

М. Г. Смирнова

*Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье исследуется проблема социальных притязаний в их правовом выражении в источниках права.

Основной формой институционализации социальных притязаний выступает нормативный правовой акт. Автором статьи проанализированы различные понятия, признаки данного вида правового акта, предложенные в научной литературе и актах официального судебного толкования.

Притязания субъектов получают свою объективацию не только в нормативном правовом акте, но и в акте с нормативным содержанием. Однако легальные дефиниции как нормативного правового акта, так и акта с нормативным содержанием отсутствуют.

Для повышения качества процесса закрепления социальных притязаний субъектов в данных формах, существует потребность на законодательном уровне закрепить определение нормативного правового акта и акта с нормативным содержанием. Это повысит качество правотворческой деятельности и эффективность правового регулирования в целом.

Ключевые слова: социальные притязания, нормативный правовой акт, акт с нормативным содержанием, правовое опосредование, формы закрепления.

Для цитирования: Смирнова М.Г. Нормативный правовой акт и акт с нормативным содержанием как формы закрепления социальных притязаний // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). – С. 61–68.

Normative legal act and an act with normative content as a form of securing social claims

Marina G. Smirnova

*Northwest Branch of Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article examines the problem of social claims in their legal expression in legal sources.

The main form of institutionalization of social claims is a normative legal act. The author of the article analyzes various concepts and features of this type of legal act proposed in the scientific literature and acts in the form of judicial interpretation.

Claims of subjects receive their objectification not only in a normative legal act, but also in an act with a normative content. However, there are no legal definitions of either a normative legal act or an act with normative content.

To improve the quality of the process of securing social claims of subjects in these forms, there is a need at the legislative level to fix the definition of a normative legal act and an act with a normative content. This will improve the quality of law-making activities and the effectiveness of legal regulation in General.

Key words: social claims, normative legal act, act with normative content, legal mediation, forms of consolidation.

For citation: Smirnova, M. G. (2020) Normativnyj pravovoj akt i akt s normativnym sodержaniem kak formy zakrepleniya social'nyh prityazanij [Normative legal act and an act with normative content as a form of securing social claims]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* – Leningrad legal journal. 2020. № 3 (61). pp. 61–68. (In Russian).

Введение

Вопросы социальных притязаний в их правовом выражении в источниках права являются в настоящее время чрезвычайно актуальными и практически значимыми. На первоначальном этапе законодатель должен выявить те притязания субъектов, которые должны быть закреплены в праве. Социальные притязания определяют потребность правового регулирования. Важно понимать, что не все притязания субъектов должны быть закреплены в праве. Большая часть из них так и останутся за рамками правового поля и формами их выражения будут иные социальные регуляторы, такие как мораль, нравственность, обычаи, религия и т. д. Социология должна оказать юриспруденции большую помощь в процессе выявления тех, социальных притязаний, которые нуждаются в правовом опосредовании. Такие социологические исследования, как опрос, анкетирование, прогнозирование, моделирование позволяют наиболее эффективно выявить потребности, интересы, притязаний, которые должны быть закреплены в праве. Общественное обсуждение законопроектов и мониторинг правоприменения также относят к эффективным средствам выявления социальной основы права. Так, еще Л. Петражицкий [11, с. 179] и

П. Сорокин говорили о правообразовании как о «процессе, выражающемся во взаимных притязаниях и ожиданиях определенного поведения в интересах решения жизненной проблемы»¹.

Понятие социального притязания и его общая характеристика

Впервые ввел в науку понятие «притязание» (Anspruch) и подробно его исследовал Виндшейд [3].

В юридической литературе как правило «притязание» понимается как один из элементов субъективного права.

Ряд авторов упоминает термин «социальные притязания» в своих работах, напрямую не посвященных данной теме (С.С. Алексеева [1], Ю.И. Гревцова [5], С.Ф. Кечекьяна [6], Л.С. Мамута [8], Н.И. Матузова [9], Л.С. Явича [14] и др.).

Понятие социального притязания впервые было определено автором настоящего исследования М.Г. Смирновой в работе 2007 г. «Социальные притязания и субъективное право» [13]: «Социальное притязание можно определить, как требование, которое предъявляют индивиды, социальные группы, иные общности (социальные субъекты) к структурным элементам общества и государства об осуществлении практических действий, способствующих реализации собственных социальных интересов, а также их институционализации» [13, с. 13].

Ключевыми положениями теории социальных притязаний можно назвать следующие: во-первых, социальные притязания являются фактически «исток» права, его социальной основой; во-вторых, право выступает как результат закрепления социальных притязаний в тех или иных правовых формах.

Социальные притязания и нормативный правовой акт

В научной литературе по теории права предложено немало определений нормативного правового акта. Основной характеристикой нормативного правового акта, является то, что его содержательной основой является норма права. Дефиниция нормативного правового акта содержится в работах Э.И. Атагимовой [2], Н.М. Ладушкиной [7], А.В. Полякова², А.В. Мицкевича [10], С.В. Бошно [3], Ю.А. Поповой [12] и т.д.

¹ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль. 1919. С. 32–33.

² Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. СПб., 2001. 642 с.

Ученые определяют нормативный правовой акт с различных теорий правопонимания и выделяют различные его признаки.

На законодательном уровне легальная дефиниция «нормативного правового акта» в России фактически отсутствует. Основные признаки данного вида правового акта закреплены только в п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»¹ (вслед за постановлением Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»²) К ним относятся: наличие в нем правил поведения общего характера (норм права); обязательность для неопределенного круга лиц, издание уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом; рассчитан на неоднократное применение и нацелен на регулирование общественных отношений, либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

В приведённом Постановлении Пленума Верховного суда РФ особо отмечается, что вместе с тем признание того или иного акта нормативным правовым во всяком случае зависит от анализа его содержания, который осуществляется соответствующим судом.

Именно нормативный правовой акт, являясь официальным источником права России, выступает основной формой закрепления социальных притязаний субъектов. Только после институционализации притязаний в законах и подзаконных актах, оно получает поддержку государства и гарантии своей реализации.

В этой связи полагаем, что назрела необходимость принятия в нашем государстве соответствующего законодательства, закрепляющего понятие нормативного правового акта, его признаки, виды и т.д.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль. 2019.

² Вестник Верховного суда РФ. 2008. № 1.

Социальные притязания и акты с нормативным содержанием

Важно отметить, что социальные притязания получают свое выражение не только в нормативных правовых актах, но и актах с нормативным содержанием. Данный вид правового акта стали относительно недавно выделять в науке и на практике. Акт с нормативным содержанием имеет смешанную правовую природу, его легальное определение, обладающего нормативными свойствами, также отсутствует, однако есть пояснения относительно признаков данного акта. Это установлено в Постановлении Конституционного суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”» и абз. 3 подп. 1 п. 1 ст. 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть».

Данный орган, осуществляющий конституционный контроль в России, выделил следующие отличительные признаки акта с нормативным содержанием, которые позволяют отличить его от остальных видов актов:

- он обладает нормативными свойствами, то есть содержит разъяснения, которые оказывают регулирующее воздействие путем установки, изменения, отмены соответствующих норм, которые обязательны не для конкретного адресата, а неопределенного круга лиц;

- не имеет индивидуального характера, и прежде всего разъясняет конкретные нормы права, является обязательным для подведомственных органов (организаций, учреждений) и их должностных лиц, которые в силу ведомственной субординации должны применять в своей деятельности положения закона;

- направлен на регулирование общественных отношений.

Наиболее яркими примерами таких актов являются письма Федеральной налоговой инспекции.

В п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» также содержатся основные признаки данного акта: наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении не конкретных субъектов, а неопределенного круга лиц; издание их органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами.

Выводы

Таким образом, социальные притязания определяют природу права и являются его внутренним содержанием, и путем их соответствующего закрепления, приобретают юридическую форму. Институционализация социальных притязаний создает правовые гарантии их реализации. Поэтому необходимость изучения проблем социальных притязаний обусловлена их теоретической и практической ценностью.

Нормативный правовой акт и акт с нормативным содержанием выступают одними из распространенных форм правового опосредования социальных притязаний.

Для повышения качества процесса институционализации социальных притязаний субъектов в данных формах, существует потребность в законе определить дефиницию нормативного правового акта и акта с нормативным содержанием. Это повысит качество правотворческой деятельности и эффективность правового регулирования в целом.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. 361 с.
2. Атагимова Э.И. Определение нормативности правового акта: доктринальное понимание и практика применения // Мониторинг правоприменения. №2 (31). 2019. С. 4–10.
3. Бошно С.В. Нормативные правовые акты Российской Федерации. М., 2005. 128 с.
4. Windcheid. Die Actio romischen Civilrechts vom Standpunkte des heutigen Recht. Dusseldorf. 1856. S. 3.
5. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. 263 с.
6. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. 187 с.
7. Ладушкина Н.М. Локальные нормативные акты: типичные нарушения при разработке и принятии // Народное собрание. 2018. С. 73–79.
8. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. №. 7. С. 5–14.
9. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 294 с.
10. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М., 1967. 175 с.
11. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. 768 с.
12. Попова Ю.А. Защита публично-правовых интересов граждан в судах общей юрисдикции. Краснодар, 2001. 296 с.

13. Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право. СПб., 2008. 136 с.
14. Явич Л.С. Общая теория права. Л. 1976. 285 с.

References

1. Alekseev, S.S. (1981). *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow. 361 p. (In Russian).
2. Atagimova, E.I. (2019). Opredelenie normativnosti pravovogo akta: doktrinal'noe ponimanie i praktika primeneniya [Determining the normative nature of a legal act: doctrinal understanding and practice of application]. *Monitoring pravoprimereniya – Enforcement Monitoring*. No. 2(31). pp. 4–10. (In Russian).
3. Boshno, S.V. (2005). *Normativnye pravovye akty Rossijskoj Federacii* [Normative legal acts of the Russian Federation]. Moscow. 128 p. (In Russian).
4. Windcheid. (1856) Die Actio romischen Civilrechts vom Standpunkte des heutigen Recht. Dusseldorf. P. 3.
5. Grevcov, YU.I. (1996). *Ocherki teorii i sociologii prava* [Essays on the theory and sociology of law]. St. Petersburg. 263 p. (In Russian).
6. Kechek'yan, S.F. (1958). *Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve* [Legal relations in socialist society]. Moscow. 187 p. (In Russian).
7. Ladushkina, N.M. (2018). Lokal'nye normativnye akty: tipichnye narusheniya pri razrabotke i prinyatii [Local normative acts: typical violations in the development and adoption]. *Narodnoe sobranie – National Assembly*. pp. 73–79. (In Russian).
8. Mamut, L.S. (2001). Social'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [Social state in terms of law]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 7. pp. 5–14. (In Russian).
9. Matuzov, N.I. (1987). *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal system and personality]. Saratov. 294 p. (In Russian).
10. Mickevich, A.V. (1967). *Akty vysshih organov Sovetskogo gosudarstva. YUridicheskaya priroda normativnyh aktov vysshih organov gosudarstvennoj vlasti i upravleniya SSSR* [Acts of the highest bodies of the Soviet state. The legal nature of the normative acts of the highest state authorities and administration of the USSR]. Moscow. 175 p. (In Russian).
11. Petrazhickij, L.I. (1909). *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. St. Petersburg. 768 p. (In Russian).
12. Popova, Yu.A. (2001). *Zashchita publichno-pravovyh interesov grazhdan v sudah obshchej yurisdikcii* [Protection of public legal interests of citizens in courts of general jurisdiction]. Krasnodar. 296 p. (In Russian).
13. Smirnova, M.G. (2008). *Social'nye prityazaniya i sub"ektivnoe prava* [Social claims and subjective rights]. St. Petersburg. 136 p. (In Russian).
14. YAvich, L.S. (1976). *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Le. 285 p. (In Russian).

Об авторе

Марина Геннадьевна Смирнова, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: msm777@inbox.ru

About the author

Marina G. Smirnova, doctor of law, professor, North-West branch of the Russian state university of justice Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: msm777@inbox.ru

Поступила в редакцию: 15.09.2020

Received: 15 September 2020

Принята к публикации: 18.09.2020

Accepted: 18 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 349.6

Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах

Б. А. Левитанус¹, С. В. Стрельников²

¹*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

²*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Актуальность проблематики статьи определяется многочисленностью поставленных и вновь возникающих перед обществом экологических проблем, обостряющихся на фоне экономического и демографического роста, неконтролируемого потребления и неосознанной экологической политики многих государств. В статье рассмотрена дефиниция «экоцида» как уголовного преступления, с точки зрения анализа правовых норм, содержащихся в нормативных актах Российской Федерации. Проанализированы положения правовой доктрины в рассматриваемой сфере. Исследован опыт зарубежных стран в сфере юридического закрепления института «экоцида». В результате проведённого исследования авторы приходят к выводу о неэффективности применения статьи «экоцид» в настоящее время ввиду юридической неопределённости отдельных положений текущего экологического законодательства.

Ключевые слова: экоцид, экологическое законодательство, экологическая катастрофа, экологическое преступление, юридическая ответственность.

Для цитирования: Левитанус Б.А., Стрельников С.В. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3(61). С. 69–79.

Legal regulation of «ecocide» in Russia and foreign countries

Boris A. Levitanus¹, Sergey V. Strelnikov²

¹*Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint-Petersburg Russian Federation*

²*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The relevance of the issues of the article is determined by the many environmental problems posed and emerging for society, which are aggravating amid economic and demographic growth, uncontrolled consumption and unconscious environmental policies of many States. The article considers the definition of "ecocide" as a criminal offense, from the point of view of analyzing the legal norms contained in the normative acts of the Russian Federation. The provisions of the legal doctrine in the area under consideration were analyzed. The experience of foreign countries in the field of legal consolidation of the ecocide institute has been studied. As a result of the study, the authors conclude that the application of the article "ecocide" is currently ineffective due to the legal uncertainty of certain provisions of current environmental legislation.

Key words: ecocide, environmental legislation, environmental disaster, environmental crime, legal liability.

For citation: Levitanus, B. A., Strelnikov, S.V. (2020) Pravovoe regulirovanie «ekotsida» v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Legal regulation of «ecocide» in Russia and foreign countries]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 69–79. (In Russian).

Введение

Экологическая безопасность является одним из направлений национальной безопасности Российской Федерации, а в условиях современных тенденций ухудшения экологической ситуации в мировом масштабе вопросы экологической безопасности приобретают особую актуальность

Экоцид (от *греч.* «oikos» – дом, и *лат.* «caedo» – убиваю) является преступлением против мира и безопасности человечества, и закрепляется главой 34 Уголовного кодекса РФ. Это преступление неслучайно расположено в данной главе Уголовного кодекса, так как оно несёт несравнимо большие негативные последствия по сравнению с иными преступлениями экологической направленности, закреплёнными главой 26 Уголовного кодекса РФ.

Проблемы дефиниции

Вопросы, связанные с дефиницией экоцида, затрагивают интересы не только юристов, но и представителей других наук: философии, политологии, истории, медицины. Но в настоящем исследовании речь пойдёт об экоциде именно с юридической точки зрения.

Среди российских юристов, занимающихся проблематикой «экоцида» можно выделить следующих: В.И. Веречиву, О.Ю. Греченкову, М.Д. Давитадзе, А.А. Жинкина, А.Г. Кибальника и др.

В последнее время в научной периодике появляются различные статьи, рассматривающие экоцид в качестве преступного деяния. Однако единого мнения среди правоведов в трактовке этого правового феномена нет. Термин «экоцид» вызывает многочисленные дискуссии. В качестве предпосылок такой полемики можно выделить следующие: во-первых, экоцид, как и практически любое экологическое преступление, является новым для российского законодательства, так как само экологическое право как отрасль законодательства сформировалось лишь во второй половине XX века; во-вторых, необходимо подчеркнуть определённую размытость юридического состава экоцида, закреплённого в качестве преступления в Уголовном кодексе РФ, которая во многом способствует появлению различных точек зрения, применительно к рассмотрению настоящего преступления; в-третьих, отсутствие сложившейся судебной практики по применению статьи, закрепляющей состав экоцида; в-четвёртых, существующая в настоящий момент неопределённость в соотношении российского законодательства, закрепляющего экоцид, и норм международного права.

Впервые определение экоцида было закреплено в Женевской международной конвенции 1977 года «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду». Другими документами являются: Положение ст. 55 Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, установившее принцип «защиты окружающей природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба при ведении военных действий» и Конвенция 1976 года «О запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду».

Экоцид, первоначально, имел применение в связи с ведением войн. Спустя некоторое время к экоциду стали причислять деяния, посягающие на окружающую среду, как в мирное, так и в военное время.

Экоцид, в первую очередь, следует рассматривать как термин международного права, поскольку, во-первых, регулирующие его нормы берут свое начало в международных нормативных актах, во-вторых, связаны с международной безопасностью.

Первые случаи, которые в настоящее время, справедливо, можно причислить к экоциду, имели место еще задолго до оформления самого юридического понятия «экоцид». В качестве деяний, имеющих признаки

экоцида, некоторые современные авторы приводят действия римлян во времена Пунических войн, а именно, римляне жгли землю и засыпали солью территорию Карфагена [8, с. 142].

Характеристика «экоцида» как уголовного преступления по законодательству РФ

Что касается РФ, то уголовная ответственность за экоцид предусмотрена ст. 358 УК РФ. Из её анализа можно заключить, что экоцид подразумевает под собой деяние, вызывающие массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Некоторые исследователи полагают, что, исходя из анализа нормы и используемых в статье экологических терминов, представляется сложным разграничение степени вреда, причиненного в результате экоцида и иных видов экологических преступлений [1, с. 479]. Также с этой позицией соглашается Н.Н. Иванова [4, с. 221].

Основное отличие экоцида от иных экологических преступлений заключается в различии объектов посягательств. В частности, для экоцида, как уже отмечалось, это мир и безопасность человечества, а для экологических преступлений – это только лишь сохранение благоприятной окружающей среды. Также, согласно дефиниции экоцида, предусмотренной ст. 358 УК РФ, экоцид способен вызвать экологическую катастрофу.

В современном российском законодательстве отсутствует легальное определение «экологической катастрофы». Поэтому применение этой статьи становится достаточно затруднительным.

Если рассматривать правовую доктрину, то можно выделить несколько определений понятию «экологическая катастрофа».

Так, согласно определению В. П. Малкова, экологическая катастрофа – это серьезное нарушение экологического равновесия в природе, которое влечет за собой разрушение устойчивости видового состава живых организмов, полное или существенное уничтожение или сокращение их численности, продуктивности, сокращение или утрату распределения в пространстве¹.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996. С. 571.

Н. Ф. Кузнецова рассматривает экологическую катастрофу как «острую неблагоприятную аномалию», возникшую вследствие воздействия человеческой деятельности на природную среду обитания». Кроме указанного в уголовном законодательстве, отсутствует разъяснение понятия «иные действия».

Недостаточная юридическая проработанность ст. 358, а также, наверное, то обстоятельство, что юридические лица не несут уголовную ответственность за совершения преступлений в РФ, делают применение этой статьи на практике весьма затруднительным. Некоторые авторы называют её «мёртвой статьёй» Уголовного кодекса.

Кроме того, как отмечают А.А. Жинкин и Т.Ю. Жинкина: последствия, указанные в ст. 358 УК РФ, могут быть причинены в результате действий, совершённых как с прямым, так и с косвенным умыслом, в то время как «иные действия», образующие объективную сторону экоцида, возможны при наличии только прямого умысла [3, с. 137–143].

Если более подробно остановиться на субъективной стороне данного деяния, то следует отметить, что важно проанализировать один из её элементов – цель преступления. Цель преступления можно определить, как определённый алгоритм, к достижению которого стремится субъект. По мнению ряда авторов, при рассмотрении экоцида, совсем необязательным условием является наличие цели в виде массового уничтожения животного или растительного мира, или наступления экологической катастрофы. Более того, необходимо отметить, что даже предполагаемое предвидение возможности наступления какой-либо чрезвычайной ситуации, ведущей к наступлению экологической катастрофы, не является элементом субъективной стороны. Отмеченное обстоятельство также свидетельствует об отличии экоцида от иных экологических преступлений, но уже с субъективной точки зрения.

К сожалению, в отличие от зарубежного правопорядка, в нашей стране, как уже отмечалось, статья, закрепляющая экоцид, фактически не применяется. Хотя ситуаций, при которых она гипотетически могла бы применяться, можно обнаружить немало. Так, например, крупные разливы нефти, которые допускают нефтяные компании. Конечно, можно утверждать, что в их действиях, зачастую, презюмируется неосторожная форма вины, но это не всегда так. Допустим, при транспортировке той же самой нефти, они могут использовать некачественное или контрафактное оборудование, не уделять внимание обеспечению надлежащего производственного контроля и т. п.

С нашей точки зрения, существует возможность рассмотрения в качестве примера экоцида, конечно, с определённой долей условности, недавний разлив дизельного топлива в Норильске. Однако, уголовное дело по факту экоцида не было возбуждено, хотя имелись определённые квалифицирующие обстоятельства. Уголовное дело было возбуждено по ст. 293 «Халатность», так как ответственные лица вовремя не сообщили информацию о разливе и мероприятия, направленные на ликвидацию последствий, проводились с опозданием. Тем не менее, разлив дизельного топлива в Норильске, по мнению ряда учёных, стал одной из крупнейших экологических катастроф современной России.

Экоцид в зарубежных правовых системах

Рассмотрев правовое регулирование экоцида в России, обратимся к опыту зарубежных стран. На основе изучения нормативных правовых актов отдельных зарубежных государств можно констатировать, что в рамках законодательства отдельной страны экоцид был изначально закреплён в законодательстве Вьетнама. Конечно, это обстоятельство не является случайным, так как именно Вьетнам подвергся актам экоцида во время войны с США. В период войны во Вьетнаме американцы применяли разные виды оружия, в результате чего был нанесён широкомасштабный и сокрушительный вред объектам окружающей среды Вьетнама, прежде всего лесам, полям, а соответственно, и всей экосистеме. Как известно, в период с 1961 по 1972 гг. США применили около 96 тыс. тонн гербицидов, из них 57 тыс. тонн рецептур, содержащих вещество диоксин [2, с. 88].

Однако, возвращаясь к законодательству Вьетнама, необходимо отметить, что экоцид не является самостоятельным преступлением, а является родовым объектом для преступления против безопасности человечества.

Если рассматривать законодательство США, то следует отметить, что состав экоцида не включён в действующее экологическое законодательство и дела, возникающие в данной сфере, рассматриваются в соответствии с нормами международного права.

В Китае и Индии экологическое законодательство до 1970-х годов не имело достаточного применения. Исследующие данный вопрос авторы, в частности И.В. Саблин, отмечают, что в Китае до указанного времени на

экологические проблемы не обращали внимания вообще, а в Индии колониального периода существовали отдельные законы, регулирующие, например, сохранность лесов [6, с. 54].

Рассматриваемые страны, как и находящиеся на одном с ними уровне развития экономики, тем не менее, в числе остальных государств сейчас сталкиваются с экологическими проблемами иного рода, и «экоцид» на данном этапе возможен в связи с деятельностью промышленных – как государственных, так частных предприятий.

Европа уже имеет достаточный опыт в регулировании «экоцида». Для примера возьмём Германию. Отдельно выделенного понятия «экоцид» в праве Германии и ее Уголовном кодексе нет, однако ответственность за преступления против окружающей среды предусмотрена, и в сравнении с составом данной статьи в УК РФ, она разделена на несколько более частных гипотезы [5, с. 13–15]. Также правовая система Германии предусматривает наличие норм уголовного права в других законах, что характерно также и для некоторых других стран Европы, поскольку уголовное законодательство кодифицировано в их системе лишь частично [7, с. 211].

Можно утверждать, что экологическое право и методы регулирования общественных отношений в данной отрасли в странах Европы во многом схожи, что связано с тем, что история развития системы методов правового регулирования «экоцида» приходится на период Европейской интеграции и, следовательно, появления, в первую очередь, международных норм.

Тем не менее, понятие экоцида в качестве уголовного преступления отсутствует в таких странах Европы, как Франция, Испания, Черногория и во многих других (о Германии мы писали выше). За совершение экоцида преимущественно устанавливается наказание в виде лишения свободы. В частности, наказания в разных странах варьируется, но минимальный срок, как правило, 10 лет, а максимальный, не превышает 20.

Если рассматривать страны бывшего Советского Союза, то можно отметить, что в большинстве из них закрепляется такое преступление, как экоцид. Более того, следует отметить, что законодательства рассматриваемых стран, устанавливая состав экоцида, придерживаются единообразных правовых позиций. Единственное, что немного их отличает, это сроки лишения свободы, устанавливаемые за совершение соответствующего деяния.

Если принять во внимание уголовные кодексы таких стран, как Украина, Белоруссия и Молдова, то они закрепляют те же правовые последствия экоцида, что и Уголовный кодекс РФ. Особняком стоит Уголовный кодекс Узбекистана, который не предусматривает такого состава преступления как экоцид.

Также необходимо уделить отдельное внимание Уголовному кодексу Грузии. В нём трактовка понятия экоцид исходит из изначального закрепления данного понятия в Женевской Конвенции. Дело в том, что прямо в законодательстве указано, что экоцид как преступление рассматривается в двух ипостасях: как глобальное негативное воздействие на окружающую среду и как негативное воздействие, вызванное при проведении военных действий.

Бесспорно, закрепление такого преступления, как экоцид в национальном законодательстве, а также в международном праве, является правильным, разумным и целесообразным. Оно полностью коррелирует с экологическими правами, закреплёнными в конституциях большинства цивилизованных государств, и является своеобразной превенцией глобального загрязнения окружающей среды.

Однако, сам термин экоцид, с нашей точки зрения, требует дополнительной тщательной правовой проработки. Прежде всего, нужно конкретизировать по возможности исчерпывающий перечень деяний, составляющих правовую сущность экоцида. Следует не забывать, что появляются новые виды биологического и химического оружия и законодатель тоже должен незамедлительно реагировать на указанные обстоятельства.

В связи с проблемами унификации понятий и различиями в вопросах регулирования и практики, предлагаем понимать под «экоцидом» любое негативное воздействие человека вне зависимости от масштаба воздействия на окружающую среду, или угрозу такого воздействия, в том числе и потенциальную, то есть оно также включает в себя охрану экосистем и регулирование деятельности субъектов.

Развитие норм об ответственности за преступления, направленные против окружающей среды, возможно благодаря укреплению международного сотрудничества. Международным сообществом приняты конвенции, регулирующие деятельность государств в разных отраслях. Что касается международного права, следует отметить, что международные соглашения разумны и полезны тогда, когда они одобрены и соблюдаемы

всеми странами, которые принимали участие в их заключении. Кроме этого, касаясь международного экологического права, необходимо подчеркнуть, что уже давно возникла потребность в принятии конвенции, в которой был бы прописан полный запрет на осуществление экоцида, не только в период вооружённых действий, но и в мирное время.

Заключение

Однако, несмотря на изложенное, следует подчеркнуть, что одних только правовых мер в борьбе с экоцидом как международным преступлением недостаточно, нужна ещё и политическая воля различных государств. Также важны и экономические факторы, ведь в каждом государстве есть собственный бюджет, средства из которого можно направить в том числе на финансирование мероприятий, направленных на превенцию экоцида и создание благоприятных условий для жизнедеятельности своих граждан.

Отдельно необходимо учитывать опыт зарубежных стран по закреплению института экоцида в национальных законодательствах и привлечению к уголовной ответственности за нарушение соответствующих положений. Законодательство зарубежных стран относительно экоцида и экологических преступлений в целом не одинаково и имеет существенные отличия.

Возвращаясь к российскому законодательству, хочется проявить солидарность со многими учёными-правоведами, что в нашей стране уже давно возникла потребность введения уголовной ответственности для юридических лиц за нарушение экологического законодательства. Такая ответственность предусмотрена во многих странах Европы и целиком себя оправдывает.

Некоторые исследователи, предлагают ввести в уголовное законодательство новый термин «экологический терроризм», тем самым дополнив ст. 205 Уголовного кодекса РФ. Соответственно, объектами экологического терроризма будут в том числе те же объекты, которые предусмотрены ст. 358 Уголовного кодекса РФ. На сегодняшний день, в этом нет необходимости, так как это приведёт к загромождению Уголовного кодекса, и появлению определённой двойственности и конкуренции норм.

В современной России необходимо создать такие правовые, политические и экономические условия, чтобы статья 358 «Экоцид» начала наконец-то применяться, и виновные, действительно, несли наказание в виде предусмотренных уголовных санкций.

Список литературы

1. Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // *Неофилология*. 2019. Т. 5. № 20. С. 476–482. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482
2. Давитадзе М.Д. Экоцид как преступление против безопасности человечества // *Вестник Московского университета МВД России*. 2016. № 7. С. 85–89.
3. Жинкин А.А., Жинкина Т.Ю. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // *Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ*. 2014. № 3–4 (63–64). С. 137–143.
4. Иванова Н.Н. Проблемы правового регулирования преступления «Экоцид» // *Наука и современность*. 2011. № 13–3. С. 220–223.
5. Никифоров А.А. Юридическая ответственность за нарушение экологических норм в странах Северной Европы // *Труды Института государства и права РАН*. 2013. № 2. С. 206–217.
6. Саблин И. В. Институциональное оформление внутренней экологической политики Китая и Индии / И. В. Саблин // *Молодой ученый*. 2011. № 6 (29). Т. 2. С. 52–58.
7. Соболева Е. А. Уголовная ответственность за экоцид в законодательстве России и Германии // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2017. № 4. С. 13–15.
8. Широченко, И. О., Новикова Д. О., Шитова Т. В. Экоцид как международное преступление против мира и безопасности человечества // *Аграрное и земельное право*. 2019. №10. С. 142–144.

References

1. Belyanskaya, O.V. (2019) Lingvisticheskiye protivorechiya v sfere zakonotvorchestva i pravoprimereniya [Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement]. *Neofilologiya – Neophilology*. 2019. Vol. 5. No. 20 pp. 476–482. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482 (In Russian.)
2. Davitadze, M.D. (2016) Ekhotsid kak prestuplenie protiv bezopasnosti chelovechestva [Ecocide as a crime against human security]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. pp. 85–89 (In Russian).
3. Zhinkin, A.A., Zhinkina, T.Y (2014) Ekhotsid: problemy zakonodatelnoi reglamentatsii i kvalifikatsii [Ecocide: problems of legislative regulation and qualifications]. *Ehkonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEHI – Economy. Right. Print. Bulletin of the CSEC*. pp. 137–143. (In Russian).
4. Ivanova, N.N. (2011) Problemy pravovogo regulirovaniya prestupleniya «Ekhotsid» [Problems of legal regulation of the crime «Ecocide»] *Nauka i sovremennost' – Science and modernity*. pp. 220–223. (In Russian).
5. Nikiforov, A.A. (2013) Yuridicheskaya otvetstvennost' za narushenie ehkologicheskikh norm v stranakh Severnoi Evropy [Legal liability for environmental violations in the Nordic countries]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. pp. 206–217. (In Russian).

6. Sablin, I. V. (2011) *Institutsional'noe oformlenie vnutrennei ehkologicheskoi politiki Kitaya i Indii* [Institutionalization of the domestic environmental policy of China and India]. *Molodoi uchenyi – Young scientist*. pp. 206–217. (In Russian).

7. Soboleva, E. A. (2017) *Ugolovnaya otvetstvennost' za ehkotsid v zakonodatel'stve Rossii i Germanii* [Ecocide criminal liability in the legislation of Russia and Germany]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International criminal law and international justice*. pp. 13–15. (In Russian).

8. Shirochenko, I. O., Novikova, D. O., Shitova, T. V. (2019) *Ehkotsid kak mezhdunarodnoe prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva* [Ecocide as an international crime against the peace and security of mankind]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agricultural and land law*. pp. 142–144. (In Russian).

Вклад соавторов

Левитанус Б.А., разработка гипотезы исследования, подбор библиографии, написание раздела, посвящённого законодательному регулированию экоцида в России; *Стрельников С.В.*, написание раздела, посвящённого регулированию экоцида в зарубежных странах и заключения.

Author contributions

Levitanus B.A., development of a research hypothesis, selection of bibliography, writing a section dedicated to the legislative regulation of ecocide in Russia; *Strelnikov S.V.*, writing a section on the regulation of ecocide in foreign countries and a conclusion.

Об авторах

Левитанус Борис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID 0000-0001-6849-6848, e-mail: bobson79@inbox.ru

Стрельников Сергей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID 0000-0002-3415-0934, e-mail: sstrelnikov@mail.ru

About the authors

Boris A. Levitanus, Cand. Jur., Assistant Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID 0000-0001-6849-6848, e-mail: bobson79@inbox.ru

Sergey V. Strelnikov, Cand Hist, Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID 0000-0002-3415-0934, e-mail: sstrelnikov@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.07.2020

Received: 06 July 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 347.78 : 004.896

Права на интеллектуальную собственность как основной объект инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники*

А. Н. Рудяков¹, А. В. Майоров², Е. Н. Минченков²

*¹Юридическая фирма «ЮСТ»,
Москва, Российская Федерация*

*²Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Формы государственно-частного взаимодействия являются одним из самых действенных инструментов развития отраслей экономики и вовлечения частного капитала в крупные инфраструктурные проекты. С практической точки зрения важно понимать место объекта инвестиционной деятельности в гражданском обороте.

В статье рассматривается проблема прав на интеллектуальную собственность с точки зрения основного и наиболее практически применимого объекта инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники.

Искусственный интеллект и робототехника представляют собой новое направление в инвестиционной деятельности, что обосновывает актуальность теоретического исследования законодательно обоснованной формы вышеназванных объектов.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, государственно-частное взаимодействие, государственно-частное партнерство, искусственный интеллект, робототехника, права на интеллектуальную собственность.

Для цитирования: Рудяков А.Н., Майоров А.В., Минченков Е.Н. Права на интеллектуальную собственность как основной объект инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 80–95.

* Статья подготовлена при поддержке института права цифровой среды Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках исследования «Устранение барьеров регулирования инвестиционных проектов в сфере искусственного интеллекта и робототехники».

© Рудяков А. Н., Майоров А. В., Минченков Е. Н., 2020

Intellectual property rights as the main object of investment activity in the field of artificial intelligence and robotics*

Alexander N. Rudyakov¹, Arseniy V. Maiorov², Egor N. Minchenkov²

¹*YUST law firm
Moscow, Russian Federation*

²*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The forms of public-private interaction are one of the most effective tools for the development of economic sectors and the involvement of private capital in large infrastructure projects. From a practical point of view, it is important to understand the place of the object of investment activity in civil circulation.

The article examines the problem of intellectual property rights from the point of view of the main and most practically applicable object of investment activity in the field of artificial intelligence and robotics.

Artificial intelligence and robotics represent a new direction in investment activity, which justifies the relevance of a theoretical study of the legally justified form of the above objects.

Key words: investing, public-private interaction, public-private partnership, artificial intelligence, robotics, intellectual property rights.

For citation: Rudyakov, A.N., Maiorov, A.V., Minchenkov, E.N. (2020) Prava na intellektual'nuyu sobstvennost' kak osnovnoj ob"ekt investicionnoj deyatel'nosti v sfere iskusstvennogo intellekta i robototekhniki [Intellectual property rights as the main object of investment activity in the field of artificial intelligence and robotics]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 80–95. (In Russian).

Введение

Инвестиционная деятельность, как и любая предпринимательская деятельность, всегда направлена на извлечение прибыли (в том числе посредством приобретения прав на создаваемые активы).

В этом смысле таким активом является, прежде всего, искусственный интеллект и роботы, которые разрабатываются и строятся в рамках реализации инвестиционных проектов.

Перед раскрытием непосредственной темы исследования важно определить место искусственного интеллекта в системе гражданского права.

* The article was prepared with the support of the Digital Environment Law Institute of the National Research University «Higher School of Economics» as part of the study «Removing Barriers to Regulating Investment Projects in the Field of Artificial Intelligence and Robotics».

Теоретический обзор

И. В. Понкин указывал, что правовое положение искусственного интеллекта зависит от меры и природы автономности искусственного интеллекта [7].

И. М. Макаров утверждал, что роботы – это лишь особая вещь, требующая особого регулирования с определенной встроенной автономностью [5].

Г. А. Гаждиев указывал, что роботы не смогут в ближайшее время рассматривать и разбирать уголовные и гражданские дела, поскольку они не способны учесть все детали, в том числе и прежде всего – «человеческий фактор» [3].

М. Г. Щербаков отмечает, что «автономный искусственный интеллект, способный к самообучению, находящийся под контролем оператора, а также приносящий выгоды его владельце может быть признан субъектом права в виде цифрового лица» [15].

П. Черка отмечал, что права и обязанности атрибутируются субъектам права, следовательно, если возобладает точка зрения о том, что юнит искусственного интеллекта должен и будет нести ответственность за свои действия, его придётся сделать субъектом права [18].

А. В. Незнамов и В. Б. Наумов разработали проект Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте¹. В статье 29 этого документа указано, что роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов, если это прямо установлено применимым законодательством. Сами авторы этого проекта указывают, что тем самым они «сознательно оставили за его пределами регулирование вопроса о том, должны ли в будущем умные роботы стать субъектами права или остаться объектами»².

С. А. Соменков отмечает, что «на сегодняшний день с точки зрения гражданского права система, оснащенная искусственным интеллектом, – это вещь. При этом законодательство не содержит каких-либо особенностей правового режима этих вещей и не ограничивает их оборот. Однако у этого объекта есть ряд особенностей, связанных с возможностью его

¹ См.: Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта // URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 16.09.2018).

² Там же.

автономного функционирования. Поэтому деятельность, связанная с использованием искусственного интеллекта, нуждается в специальном правовом регулировании. Особенно очевидно это на примерах использования искусственного интеллекта в медицине, на транспорте и в других сферах, где ценой выхода искусственного интеллекта из-под контроля может быть не только имущественный вред, но даже здоровье и жизнь человека» [12].

Место искусственного интеллекта в гражданском обороте

По нашему мнению, искусственный интеллект и роботы уже сейчас могут быть отнесены к объектам гражданских прав, перечень которых установлен ст. 128 ГК РФ: и искусственный интеллект, и роботов следует квалифицировать в качестве разновидности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности). В частности, искусственный интеллект может быть признан разновидностью программы для ЭВМ, а робот – изобретением. На наш взгляд, дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта преждевременна и зависит от перспектив технологического развития в ближайшие 10 лет.

Отнесение искусственного интеллекта и роботов к поименованным в ст. 128 ГК РФ объектам гражданских прав, во-первых, позволяет указанным объектам быть предметом гражданско-правовых сделок и участвовать в гражданском обороте (в том числе в рамках реализации инвестиционных проектов), а, во-вторых, обеспечивает возможность защиты прав на указанные объекты от посягательств третьих лиц.

Так, например, в соответствии с п. 19 ст. 7 Закона о ГЧП объектами соглашения о государственно-частном партнерстве могут быть: программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы и (или) сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетях, в состав которых входят такие программы для ЭВМ и (или) базы данных, либо совокупность указанных объектов.

Вместе с тем, возможность искусственного интеллекта и роботов быть объектом сделок и инвестиционной деятельности не означает, что действующее регулирование не требует изменений. Напротив, действующее регулирование пока не учитывает многих аспектов – ни ответственности за действия искусственного интеллекта, ни последствий его позитивных действий.

Применительно к объектам инвестиционной деятельности внимание следует акцентировать не на ответственности за действия искусственного интеллекта и роботов (хотя это, безусловно, важный аспект), а на правовых последствиях их позитивных действий в виде создания новых объектов гражданских прав.

В частности, в результате деятельности искусственного интеллекта потенциально могут быть созданы следующие активы: а) произведения, программы для ЭВМ и иные объекты, и б) новая часть программного кода самого искусственного интеллекта, созданного им в результате самообучения.

Права на интеллектуальную собственность

Однако в настоящее время не регламентирован вопрос о том, кто является автором и правообладателем таких активов.

В случае, если искусственный интеллект или робот выступает инструментом создания таких активов (а его деятельность определяется человеком), представляется, что подлежат применению общие правила ГК РФ о результатах интеллектуальной деятельности.

Проблема же возникает в случае, когда такие активы создаются искусственным интеллектом, действующим не в качестве инструмента, а автономно от оператора. И если сейчас данный вопрос является в определенной степени преждевременным (поскольку на действующем этапе развития искусственный интеллект обладает ограниченной автономностью), со временем количество подобных искусственных интеллектов будет увеличиваться. Хотя, например, еще в 2019 году бот, созданный на основе искусственного интеллекта, написал несколько статей для журнала *Equipe* с Сингапуре¹.

В соответствии с действующим законодательством не представляется возможным установить, кто является автором указанных выше активов, созданных искусственным интеллектом (действующим автономно).

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается исключительно физическое лицо (гражданин). Однако в рассматриваемой ситуации физические лица

¹ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/media/67074-esquire-v-singapore-vypustil-napisannyu-ii-botom-zhurnal> (дата обращения: 09.09.2020).

не принимают участия в создании актива (актив создается искусственным интеллектом автономно). В свою очередь искусственный интеллект не отнесен к субъектам гражданского права, перечень которых предусмотрен п. 1 ст. 2 ГК РФ, что в принципе исключает возможность признания за ним каких-либо гражданских прав.

Во-вторых, важным элементом для признания авторства согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ является творческий характер труда автора.

В этом смысле представляется верным мнение В. Витко об отсутствии оснований утверждать, что автором активов, созданных искусственным интеллектом автономно, является создатель искусственного интеллекта, поскольку его участие в их создании не носит творческого характера [2, с. 9]. Другие авторы также приходят к выводу об отсутствии юридических оснований признавать авторов искусственного интеллекта авторами полученных им результатов¹ [10].

Вопрос о том, можно ли признать деятельность самого искусственного интеллекта творческой, является дискуссионным [6]. ГК РФ не содержит определения творчества или критериев, позволяющих квалифицировать деятельность в качестве творческой, и по этой причине не способствует решению данного вопроса.

Например, по мнению некоторых авторов, искусственный интеллект не способен к творчеству, результат его деятельности лишь напоминает результаты интеллектуальной деятельности человека, а сам искусственный интеллект воспроизводит категории и образы, заложенные в него человеком, и подражает тому, что создано другими авторами [2].

Данное утверждение представляется небесспорным. Более того, при рассмотрении одного из дел, суд указал следующее:

«...само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать, что такой результат создан не творческим трудом»².

С учетом указанного выше, следует констатировать, что, исходя из п. 1 ст. 1228 ГК РФ, в отношении программ ЭВМ, произведений, новых частей программного кода и иных активов, созданных искусственным интеллектом (действующим автономно), невозможно установление авторства.

¹ Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 9.

² См., п. 3. Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015.

В свою очередь в действующей парадигме ГК РФ отсутствие автора влечет отсутствие как охраноспособности таких активов, так и возможности их коммерциализации (поскольку согласно п. 3 ст. 1228 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности первоначально возникает у автора).

Сохранение текущего регулирования с большой долей вероятности лишит сферу искусственного интеллекта значительной части инвестиций (а, значит, и дополнительных стимулов развития), поскольку инвесторы не будут заинтересованы в реализации подобного проекта. О том, что отсутствие охраноспособности таких активов может ограничить развитие инноваций, отмечает и К. Христов [19].

С учетом указанного, полагаем, что в действующее законодательство должны быть внесены изменения, определяющие правовой режим активов, созданных искусственным интеллектом, действующим автономно.

В доктрине высказываются различные суждения о наиболее оптимальном регулировании правового режима таких активов.

Ряд авторов предлагает не квалифицировать такие активы в качестве охраняемых объектов интеллектуальной деятельности [2], другие же авторы не видят проблемы в том, чтобы признавать такие активы объектами интеллектуальной собственности [10, с. 326–327].

Несколько непоследовательным представляется использование термина искусственный интеллект и отказ в признании возможности осуществления таким интеллектом интеллектуальной деятельности.

Что же касается возможного регулирования, потенциально первоначальными правообладателями активов, созданных искусственным интеллектом автономно, могут быть:

- 1) искусственный интеллект;
- 2) разработчик искусственного интеллекта;
- 3) собственник (пользователь) искусственного интеллекта.

Ряд исследователей выделяет и других возможных претендентов, включая общество и государство [22].

Прежде чем проанализировать каждый из вариантов более детально, отметим, что, по нашему мнению, в отношении таких активов должен быть создан обособленный правовой режим, в рамках которого предоставляются только исключительные права на создаваемые активы. Что же касается авторства в отношении таких активов, следует согласиться с

новаторской позицией ряда авторов, предлагающих допустить возможность правовой охраны активов, созданных искусственным интеллектом, в качестве активов, не имеющих автора¹ [4; 10, с. 327–328].

Искусственный интеллект, не являясь субъектом гражданского права, не может быть признан автором результата интеллектуальной деятельности. Более того, целесообразность такого статуса, закрепляемого за искусственным интеллектом, вызывает вопросы.

Право авторства обеспечивает удовлетворение ряда потребностей, отраженных в пирамиде Маслоу (потребность в уважении и признании, потребность в безопасности, а также физиологические потребности – через призму дохода от продажи результатов интеллектуальной деятельности).

При этом искусственный интеллект не обладает какими-либо потребностями. В этой связи представляется верной мысль В. Витко об отсутствии практической необходимости в признании искусственного интеллекта автором, поскольку авторские права ему не нужны, так как невозможно будет ни распорядиться исключительным правом, ни защищать личные и имущественные права [2, с. 15].

Что же касается возможного авторства остальных указанных субъектов, по причине их неучастия в создании искусственным интеллектом актива, представляется необоснованным и нецелесообразным признание за ними права авторства.

Также необходимо отметить, что в контексте результатов, получаемых в ходе деятельности искусственного интеллекта, роль автора становится опосредованной [13, с. 43]. Как отмечает Ю. Харитоновна, в подавляющем большинстве случаев исключительные права осуществляются вторичными правообладателями (издателями, кинокомпаниями, платформами различного рода и др.) [14, с. 75–76].

Таким образом, именно исключительные права являются важнейшим элементом, поскольку именно они позволяют коммерциализировать разработку искусственного интеллекта. Схожего подхода придерживается В. Синельникова [10, с. 327–328].

Далее рассмотрим каждый из предлагаемых вариантов более подробно.

¹ Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 10.

Искусственный интеллект – правообладатель

Наделение искусственного интеллекта правами в отношении созданных им активов, практически не находит поддержки в доктрине. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, о котором было сказано выше – искусственный интеллект не является субъектом гражданского права. В этом смысле, не являясь дееспособным субъектом, искусственный интеллект не может ни обладать исключительными правами, ни распоряжаться ими. Более того, необходимость в распоряжении исключительными правами отсутствует, поскольку такое распоряжение не коррелирует с удовлетворением потребностей, которые у искусственного интеллекта отсутствуют.

К сторонникам рассматриваемого подхода относится, например, Р. Эбботт, который полагает, что предоставление соответствующих прав искусственному интеллекту является инновационным способом для поддержания развития искусственного интеллекта [17].

Вместе с тем, на наш взгляд, представляется верным утверждение А. Гурко, о том, что право должно защищать интересы людей, а не наделять машины определенным правовым статусом ради решения существующих правовых проблем [4, с. 11]. Схожей позиции придерживается М. Коп [20]. Против предоставления прав искусственному интеллекту выступают и другие исследователи [19].

Разработчик искусственного интеллекта – правообладатель

Предоставление прав на активы, созданные искусственным интеллектом, создателям искусственного интеллекта, напротив, имеет множество сторонников¹ [8; 11]. Права разработчиков могут быть обусловлены тем, что именно разработчик создал программный код, который затем на основании, в том числе алгоритмов, заложенных разработчиком, создал новый актив. Следовательно, разработчик внес существенный вклад в косвенное создание такого актива.

Вместе с тем, рассматриваемый подход имеет ряд недостатков. Так, например, поскольку искусственный интеллект обладает автономностью и возможностью самообучения, при создании искусственного интеллекта разработчик может даже не предполагать (и скорее всего, не предполагает) о возможных результатах деятельности искусственного интеллекта,

¹ Гаврилов Э.П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. С. 37.

выражаемых в созданных активах. Иными словами, никакого намерения, направленного на создание таких активов, у разработчика не было. Творческого участия в создании актива разработчик также не принимал. Схожего мнения придерживаются и другие исследователи¹ [1, с. 10].

Уместную аналогию приводит Р. Эбботт, указывая, что учителя, наставники и родители изобретателя не признаются правообладателями в отношении патентов такого изобретателя [17]. Другие авторы указывают также, что владельцы рояля, кисти, фотоаппарата или принтера не имеют прав на ритм, картину, фотографию или произведение, созданные указанными инструментами [22].

Собственник (пользователь) искусственного интеллекта – правообладатель

Наконец, третий вариант, в соответствии с которым первоначальным правообладателем активов, созданных искусственным интеллектом, следует признать собственника (пользователя) искусственного интеллекта, представляется нам наиболее сбалансированным.

Одним из сторонников такого подхода является А. Гурко, который предлагает использовать норму ст. 136 ГК РФ по аналогии в качестве основы. В частности, ст. 136 ГК РФ предусмотрено, что плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений. Эти нормы, по мнению указанного автора, являются наиболее оптимальными, однако, *de jure*, не могут быть применимы к отношениям, связанным с созданием активов искусственным интеллектом (в силу положений п.п. 1, 3 ст. 1227 ГК РФ).

При этом автор предлагает разделять правовые последствия для различных активов: правообладателем нового кода, созданного искусственным интеллектом в результате самообучения, должен признаваться собственник искусственного интеллекта, а правообладателем иных активов – пользователь искусственного интеллекта. Исследователь объясняет это тем, что зачастую пользователям все равно, какой объем информации заложен в программу, лишь бы она позволяла добиться желанной цели, а для собственников код может представлять ценность, так

¹ Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 9.

как его можно использовать для доработки программ и создания новых, более совершенных [4, с. 11, 12].

Позиции о том, что первоначальным правообладателем таких активов следует признать собственника или пользователя, придерживаются Е. Сесицкий¹, В. Витко [1, с. 12] и Р. Эбботт [16, р. 333–334].

Как отмечает Р. Познер, общество, авторы и изобретатели теоретически «заключили» общественный договор, в соответствии с которым общество предоставляет авторам и изобретателям исключительные права на их работу на ограниченное время, что обеспечивает им достаточный стимул для дальнейшего развития [21].

Полагаем, что аналогичный договор может быть «заключен» между обществом и собственниками (пользователями) искусственного интеллекта в целях дальнейшего развития данной сферы.

Вместе с тем, по мнению В. Витко, недостатком такого подхода является отсутствие фигуры автора, что, по его мнению, позволяет законным пользователям установить право авторства в отношении созданного искусственным интеллектом актива (так как у актива нет автора) [2, с. 13]. Схожий довод приводится и другими исследователями [16].

Однако, из рассмотренного выше п. 1 ст. 1228 ГК РФ следует, что автором является не то лицо, которое указало себя в качестве автора на оригинале произведения, а то, творческим трудом которого создан соответствующий актив. В случае законного пользователя отсутствует какой-либо творческий труд, повлекший создание актива, по этой причине пользователем не может быть признан автором.

В доктрине также высказано мнение о целесообразности закрепления за лицом, внесшим существенный финансовый, материальный, организационный или иной вклад в создание искусственным интеллектом программы, статуса изготовителя такого результата. Полагаем, что данное мнение следует признать схожим с позицией указанных выше исследователей в связи со следующим [9, с. 67–68].

Представляется, что таким лицом является, в первую очередь, пользователь. Так, пользователь осуществляет затраты на приобретение искусственного интеллекта (финансовый вклад), обеспечивает возможность функционирования искусственного интеллекта, в том числе путем предоставления доступа к необходимым данным (материальный

¹ См.: Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 10.

вклад) и, в зависимости от ситуации, осуществляет постановку задачи (организационный вклад).

Следует отметить, что в доктрине встречается и противоположное суждение. Так, по мнению К. Христова, вклад пользователей в развитие искусственного интеллекта является наименьшим, поэтому их притязания на права в отношении активов являются наименее убедительными, а предоставление им прав может нанести вред развитию искусственного интеллекта [19].

С подходом К. Христова мы не можем согласиться по обстоятельствам, указанным ранее. По нашему мнению, данный вариант, напротив, будет способствовать развитию инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и роботов, дополнительно мотивируя инвесторов к капиталовложению. Мотив для инвесторов будет заключаться в возможности приобретения в результате инвестиционной деятельности не только прав на созданный искусственный интеллект, но и иных активов, созданных самим искусственным интеллектом. В этой связи следует отметить, что в случае установления рассматриваемого правового режима инвесторы будут более заинтересованы в разработке и создании сложных систем искусственного интеллекта, в результате использования которых могут быть созданы новые активы (нежели систем, ориентированных на выполнение узких задач в рамках определенных алгоритмов).

Заключение

На основании изложенного может быть сделан вывод о том, что действующее регулирование позволяет реализовывать инвестиционные проекты, результатом которых является создание систем искусственного интеллекта и роботов, права на которые возникают у инвесторов.

Вместе с тем, активы, созданные искусственным интеллектом, действующим автономно, выпадают из сферы правового регулирования и не являются охраноспособными, что может препятствовать привлечению инвестиций в данную сферу. Для устранения указанного барьера предлагается внести изменения в ГК РФ о том, что исключительные права на такие активы принадлежат пользователю (собственнику) системы искусственного интеллекта, создавшего актив, однако право авторства на такие активы не возникает.

Список литературы

1. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 10.
2. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–10.
3. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15–30.
4. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 13.
5. Макаров И. М., Топчиев Ю. И. Робототехника: История и перспективы. М., 2003. 349 с.
6. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017. С. 119–122.
7. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
8. Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 41.
9. Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 63–71.
10. Синельникова В.Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 325–326.
11. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 22–23, 26.
12. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54).
13. Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Коммерциализация интеллектуальной собственности: проблемы регулирования // Патенты и лицензии. 2017. № 7. С. 41–47.
14. Харитонов Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. 288 с.
15. Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3.

16. Abbott, R.: Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd, 2020. P. 332–333. P. 333–334.

17. Abbott, R.: Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3064213> (дата обращения: 10.09.2020).

18. Cerka P., Grigiene J., Sirbikyte G. Liability for damages caused by artificial intelligence [Ответственность за ущерб, вызванный искусственным интеллектом] // Computer Law & Security Review. 2015, June. Vol. 31. Issue 3. P. 376–389.

19. Kalin Hristov, Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. DEA: The IP Law Review, Vol. 57. No. 3. 2017.

20. Mauritz Kop, AI & Intellectual Property: Towards an Articulated Public Domain. University of Texas School of Law, Texas Intellectual Property Law Journal (TIPLJ), Vol. 28. No. 1. 2020.

21. Richard Posner, Economic Analysis of Law, 6th ed. 2003. P. 40.

22. Yanisky-Ravid, Shlomit and Liu, Xiaoqiong (Jackie), When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. 39 Cardozo Law Review, 2239-2245 (2018).

References

1. Vitko, V. (2019). Analiz nauchny`x predstavlenij ob avtore i pravax na rezul`taty deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of scientific ideas about the author and the rights to the results of artificial intelligence]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava – IS. Copyright and related rights*. No. 2. P. 10. (In Russian).

2. Vitko, V. (2019). Analiz nauchny`x predstavlenij ob avtore i pravax na rezul`taty deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of scientific ideas about the author and the rights to the results of artificial intelligence]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava – IS. Copyright and related rights*. No. 3. pp. 5–10. (In Russian).

3. Gadzhiev, G.A. (2018) Yavlyaetsya li robot-agent litsom? (Poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoi ehkonomiki) [Is the robot agent a face? (Search for legal forms to regulate the digital economy)]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 1 (252). pp. 15–30. (In Russian).

4. Gurko, A. (2017) Iskusstvenny`j intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad v budushhee [Artificial intelligence and copyright: a look into the future]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava – IS. Copyright and related rights*. No. 12. P. 13. (In Russian).

5. Makarov, I. M., Topcheev, Yu. I. (2003) *Robototekhnika: Istoriya i perspektivy* [Robotics: History and perspectives]. Moscow. 349 p. (In Russian).

6. Morkhat, P.M. (2017) *Iskusstvennyi intellekt: pravovoi vzglyad* [Artificial Intelligence: a Legal View]. Moscow. pp. 119–122. (In Russian).

7. Ponkin, I. V., Red'kina, A. I. (2018) Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby*

narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. No. 1. T. 22. pp. 91–109. (In Russian).

8. Ponkin, I., Red'kina, A. (2018) *Iskusstvennyi intellekt i pravo intellektual'noi sobstvennosti [Artificial intelligence and intellectual property law]. Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual property. Copyright and related rights. No. 2. P. 41. (In Russian).*

9. Rolinson, P., Arievidh, E.A., Ermolina, D.E. (2018). *Ob`ekty` intellektual`noj sobstvennosti, sozdavaemy`e s pomoshh`yu iskusstvennogo intellekta: osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom [Intellectual property objects created using artificial intelligence: features of the legal regime in Russia and abroad]. Zakon – Law. No. 5. pp. 63–71. (In Russian).*

10. Sinel'nikova, V.N. (2019). *Pravovoj rezhim rezul'tatov intellektual`noj deyatel`nosti, sozdanny`x samorazvivayushhimisya programmami [Legal regime of intellectual results created by self-developing programs]. Permskij yuridicheskij al'manax. Ezhegodny`j nauchny`j zhurnal – Annual scientific journal. No. 1. P. 325–326. (In Russian).*

11. Sinel'nikova, V.N., Revinskii, O.V. (2017) *Prava na rezul'taty iskusstvennogo intellekta [Rights to the results of artificial intelligence]. Kopirait – Copyright. No. 4. pp. 22–23, 26. (In Russian).*

12. Somenkov, S.A. (2019). *Iskusstvenny`j intellekt: ot ob`ekta k sub`ektu? [Artificial intelligence: from object to subject?]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. No. 2 (54). (In Russian).*

13. Fabrichny`j, S.Yu., Ruzakova, O.A. (2017). *Kommercializaciya intellektual`noj sobstvennosti: problemy` regulirovaniya [Commercialization of intellectual property: regulatory problems]. Patenty` i licenzii – Patents and licenses. No. 7. pp. 41–47. (In Russian).*

14. Xaritonova, Yu.S. (2019). *Pravovoj rezhim rezul'tatov deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta [Legal regime of the results of artificial intelligence]. Sovremennyye informacionny`e texnologii i pravo [Modern information technologies and law]. Moskovskij gosuniversitet im. M.V. Lomonosova, Yuridicheskij fakul'tet. Moscow: Statut. 288 p. (In Russian).*

15. Shherbakov, M.G. (2019). *Problemy` pravovogo regulirovaniya transformacii pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta: postanovka problemy` [Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: setting the problem]. Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki – Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. No. 3. (In Russian).*

16. Abbott, R. (2020). *Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies* (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd.

17. Abbott, R. (2017). *Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies* (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd.

18. Cerka, P., Grigiene, J., Sirbikyte, G. (2015) *Liability for damages caused by artificial intelligence. Computer Law & Security Review. Vol. 31. Iss. 3. pp. 376–389.*

19. Hristov, K. (2017). *Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. DEA: The IP Law Review. Vol. 57. No. 3.*

20. Kop, M. (2020). AI & Intellectual Property: Towards an Articulated Public Domain. *University of Texas School of Law, Texas Intellectual Property Law Journal (TIPLJ)*. Vol. 28. No. 1.

21. Posner, R. (2003) *Economic Analysis of Law*. P. 40.

22. Yanisky-Ravid, S., Liu X. (2018) When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. *Cardozo Law Review*. pp. 2239–2245.

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Александр Николаевич Рудяков, кандидат юридических наук, ассоциированный партнер юридической фирмы «ЮСТ», заместитель руководителя практики корпоративного и договорного права, Москва, Российская Федерация, e-mail: rudyakov@yust.ru

Арсений Валерьевич Майоров, кандидат политических наук, директор НОЦ урбанистики и киберантропологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: apparat@lengu.ru

Егор Николаевич Минченков, ассистент кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: egorminch96@yandex.ru

About the authors

Alexander Nikolaevich Rudyakov, Cand. Sci. (Law), associate partner of YUST law firm, Deputy head of corporate and contract law practice. Moscow, Russian Federation, e-mail: rudyakov@yust.ru

Arseniy Valeryevich Maiorov, Cand. Sci. (Polit.), Director of the REC of urban studies and cyberanthropology, Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: apparat@lengu.ru

Egor Nikolayevich Minchenkov, Assistant, Department of theory and history of state and law, Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: egorminch96@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2020

Received: 10 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УДК /UDC 347.6 : 347.157

Особенности осуществления родительских прав несовершеннолетними родителями

Н. В. Бобракова¹, Л. А. Сухомлинова², О. Ю. Тхаровская²

¹*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

²*Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России,
Российская Федерация*

Семейное законодательство регулирует специфические родительские правоотношения, в которых отдельные права детей соотносятся с правами их родителей. К сожалению, всё чаще общество сталкивается с ситуациями, когда несовершеннолетние становятся родителями.

В статье проанализировано правовое регулирование осуществления родительских прав несовершеннолетними родителями. Авторами предпринята попытка сформулировать алгоритм действий по реализации родительских прав несовершеннолетними родителями в возрасте до 16 лет и не вступившими в брак.

Отмечена проблема осуществления прав родителей несовершеннолетними лицами в зависимости от их возраста и состояния в браке. Обосновывается необходимость законодательно закрепить возраст 16 лет как позволяющий применение к несовершеннолетним родителям, не вступившим в брак, мер семейно-правовой ответственности.

Ключевые слова: семья, несовершеннолетний, ребёнок, родительские права, брак, ответственность, законодательство.

Для цитирования: Бобракова Н.В., Сухомлинова Л.А., Тхаровская О.Ю. Особенности осуществления родительских прав несовершеннолетними родителями // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 96–108.

Features of the exercise of parental rights by minor parents

*Natal'ya V. Bobrakova¹,
Lyudmila A. Sukhomlinova², Ol'ga Yu. Tkharovskaya²*

¹*Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

²*Novorossiysky branch Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs
of Russia, Russian Federation*

Family law regulates specific parental legal relations in which the individual rights of children are correlated with the rights of their parents. Unfortunately, society is increasingly faced with situations where minors become parents.

The article analyzes the legal regulation of the exercise of parental rights by minor parents. The authors attempt to formulate an algorithm of actions for the implementation of parental rights by minor parents under the age of 16 and not married.

The problem of the implementation of the rights of parents by minors, depending on their age and marital status, was noted. The author substantiates the need to legislate the age of 16 years, as allowing the application of measures of family legal responsibility to minor parents who have not married.

Key words: author, editorial, scientific journal, publication ethics, license agreement, retraction.

For citation: Bobrakova N. V., Sukhomlinova L. A., Tkharovskaya O. Yu. (2020) Oso-bennosti osushchestvleniya roditel'skikh prav nesovershennoletnimi roditelyami [Features of the exercise of parental rights by minor parents]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. 3 (61). pp. 96–108. (In Russian).

Введение

Семейное законодательство регулирует специфические родительские правоотношения, в которых отдельные права детей соотносятся с правами их родителей. Особенностью отношений родителей и детей выступает в первую очередь то, что они в большей степени урегулированы нормами морали и нравственности и лишь частично нормами права, при этом значительное влияние оказывают на такие отношения нормы религии, соблюдаемых в семье традиций и обычаев. При этом исследование семейного права признаёт невозможность чёткого регулирования правил реализации родительских прав во всех жизненных ситуациях в силу их особенности и многогранности. Одной из серьёзных проблем, не в полной мере урегулированной действующим семейным законодательством, выступает порядок реализации родительских прав несовершеннолетними родителями.

Специфика осуществления родительских правоотношений несовершеннолетними родителями

Законодательно не устанавливает минимальный и максимальный возраст реализации репродуктивных прав, возраст зачатия и рождения детей. Полагаем, необходимо разграничивать категории осуществления репродуктивного права и приобретение родительского права, они представляются относительно самостоятельными категориями. Нередко, особенно в последнее время, в Интернете и средствах массовой

информации публикуются новости о фактах рождения детей малолетними девочками и женщинами предпенсионного и пенсионного возраста. Но, в отличие от родителей преклонного возраста, в отношении несовершеннолетних родителей нормы СК РФ¹ определяют их специальный правовой статус, а также особый порядок реализации ими своих родительских прав. Особенность правоотношений, возникающих между несовершеннолетними родителями и их ребёнком, выявляется при изучении порядка реализации ими прав, комплекса прав и обязанностей несовершеннолетних родителей, процедурой привлечения их к ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) родительских прав и др. [1, с. 50–51].

В соответствии с п. 1 ст. 21 ГК РФ, п. 1 ст. 54 СК РФ к категории несовершеннолетних относятся лица, не достигшие 18-летнего возраста. В то же время положения ст. 62 СК РФ позволяют несовершеннолетних родителей разделить на группы: лица, не находящиеся в браке до достижения ими возраста 16 лет; лица, не находящиеся в браке после наступления 16-летия; находящиеся в браке несовершеннолетние, независимо от возраста.

Все несовершеннолетние родители наделены правом совместно проживать со своим ребёнком и участвовать в его воспитании. Можем говорить о закреплении усечённого объёма правомочий несовершеннолетних родителей при сравнении с общим объёмом закреплённых родительских прав в СК РФ, (ст. 61–65 СК РФ). Но уменьшенный объём прав несовершеннолетних родителей применим не ко всем трем выделенным категориям.

Согласно п. 2 ст. 62 СК РФ «несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, в случае рождения у них ребенка и при установлении их материнства и (или) отцовства вправе самостоятельно осуществлять родительские права по достижении ими возраста шестнадцати лет». Исходя из данного правила, можем сделать вывод о неприменении сокращённого объёма правомочий в отношении не находящихся в браке несовершеннолетних родителей после достижения шестнадцатилетия. Таким образом, полным комплексом родительских прав наделяется вторая выделенная группа несовершеннолетних родителей. Как видим, положения п. 1 ст. 62

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru

СК РФ применимы только в отношении первой группы несовершеннолетних родителей – не находящиеся в браке в возрасте до 16 лет. В то же время представляется обоснованным наделение полным комплексом родительских прав официально вступивших в брак несовершеннолетних родителей и до достижения 16 лет, если такая процедура предусмотрена законом субъекта Российской Федерации.

Как видим, права несовершеннолетних родителей отличаются по объёму в зависимости от выделенной нами группы. К тому же, уменьшенный объём правомочий несовершеннолетних родителей действует только в период времени до перехода их в другую группу (вступление в брак, либо достижение необходимого возраста).

Проведённое исследование позволяет прийти к выводу об отсутствии родительских обязанностей у не состоящих в браке не достигших 16-летнего возраста родителей, при этом они наделены родительскими правами в ограниченном объёме. Такое суждение обусловлено отсутствием у обозначенной категории лиц правовой и фактической зрелости. Данные лица в силу закона и физиологии являются детьми, не обладающими гражданской и семейной дееспособностью, это препятствует возложению на них родительских обязанностей до их шестнадцатилетия без факта вступления в брак. Также отметим, что для реализации родительских обязанностей необходимо обладать всем комплексом закреплённых в СК РФ прав родителей. Законодатель исходит из необходимости гарантировать права первой группы несовершеннолетних родителей в целях сохранения у них ребёнка и недопущения отобрания его без согласия родителей¹.

Если оба родителя (отец и мать) не находятся в браке и не достигли шестнадцати лет, то они обладают одинаковым объемом прав и обязанностей. Объём прав у одного из них изменится раньше, чем у другого, при достижении шестнадцатилетия. Если же один из родителей относится к первой выделенной нами группе несовершеннолетних родителей, а второй родитель к любой другой или достиг восемнадцатилетия к моменту рождения ребёнка, то объём прав в отношении ребёнка у них будет разный, равенства не будет.

¹ Антокольская М.В. Семейное право: учеб. М., 1999. С. 219.

Вне зависимости от объёма прав родителя, они подлежат в силу закона защите, в связи с чем мы можем говорить о присущности приоритета родительских прав несовершеннолетним родителям. Но есть исключение из этого правила, предусмотренное п. 2 ст. 68 СК РФ. Так, если в процессе рассмотрения дела суд установит отсутствие необходимого обеспечения, воспитания и развития ребёнка родителями, то по решению суда ребёнок подлежит передаче органам опеки и попечительства [10, с. 345]. В отношении несовершеннолетних родителей судом при рассмотрении вопроса о защите их родительских прав устанавливается наличие физиологической и (или) правовой зрелости, позволяющей самостоятельно воспитывать ребёнка. При отсутствии таких обстоятельств органом опеки и попечительства решается вопрос о последующем устройстве ребенка несовершеннолетнего родителя.

Исходя из изложенного следует, что по отношению к несовершеннолетним родителям положения об отсутствии возможности самостоятельно воспитывать ребёнка подлежат применению чаще, несмотря на закреплённое право родителей на приоритетное право по воспитанию своего ребёнка.

Среди цивилистов ведётся дискуссия о возможности признавать факт рождения ребёнка в качестве основания наступления полной дееспособности несовершеннолетнего родителя в гражданском и семейном праве¹. По мнению М.В. Антокольской, возникает неоднозначная ситуация, при которой несовершеннолетнему законодательство не позволяет самостоятельно совершать отдельные виды сделок, включая связанные с отчуждением недвижимого имущества без согласия законного представителя, но в то же время дозволяет совершение таких сделок в качестве законного представителя от имени своего ребёнка. Такая ситуация представляется нелогичной и противоречащей одновременно интересам ребёнка и несовершеннолетних родителей². А.Н. Левушкин в то же время указал на некорректность применения М.В. Антокольской норм семейного права для определения объёма дееспособности несовершеннолетних родителей, в этом вопросе необходимо руководствоваться положениями гражданского права [5, с. 23].

¹ Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород. 2004. С. 10.

² Антокольская М.В. Семейное право: учеб. М., 1999. С. 221.

Проведённый анализ специфики осуществления родительских правоотношений несовершеннолетними родителями позволил сформулировать выводы:

- если несовершеннолетний родитель не достиг шестнадцатилетнего возраста, то к осуществлению его родительских правоотношений привлекается опекун ребенка, участвующий совместно с несовершеннолетним родителем в воспитании ребёнка;

- недопустимо применять в качестве основания утраты правового статуса рождённого ребёнка в отношениях с несовершеннолетними родителями факт его рождения несовершеннолетним, не вступившим в брак и не эмансипированным.

Дееспособность несовершеннолетних родителей

В рассматриваемой ситуации несовершеннолетний выступает со своими родителями в качестве ребёнка и реализуются одни родительские правоотношения, в то же время данный несовершеннолетний является родителем рождённого ребёнка и реализует собственные родительские правоотношения [4, с. 112]. Неурегулированность заключается том, что п.1 ст. 26 ГК РФ устанавливает ограничение в части совершения ряда сделок без письменного согласия своих родителей несовершеннолетним родителем, достигшим 16 лет. Если обратимся к п. 2 ст. 62 СК РФ, видим возможность совершения аналогичных сделок при участии в качестве законного представителя своего ребёнка. Убедительно мнение О.И. Величковой, отмечающей наличие проблем и при реализации родителем, не достигшим восемнадцати лет, его семейных родительских прав и обязанностей. Законодательно закреплено требование об участии законного представителя несовершеннолетнего родителя при подготовке и утверждении соглашения об уплате алиментов. Данное требование обусловлено действием норм гражданского права о распоряжении своим имуществом лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет (п. 1 ст. 26 ГК РФ). В случае представления интересов ребёнка несовершеннолетним родителем, последний наделяется правом получать алименты на его содержание, то его родители не привлекаются [7, с. 23].

Объём правомочий несовершеннолетнего родителя как стороны гражданского процесса также зависит от существующих правовых коллизий и пробелов законодательства в сфере правового закрепления дееспособности несовершеннолетних. Это оказывает существенное влияние

на возможность осуществлять полноценную защиту прав и интересов их детей в гражданском процессе. Лицо, достигшее 16 лет и не вступившее в брак, наделяется родительскими правами и обязанностями в полном объеме. Исходя из п. 5 ст. 37 ГПК РФ он может в качестве законного представителя инициировать самостоятельно гражданский процесс в связи с защитой прав, свобод и законных интересов рождённого у него ребенка. Если обратимся к норме п. 2 и п. 3 ст. 37 ГПК РФ, можем увидеть необходимость представления законными представителями прав и интересов несовершеннолетних лиц, не состоящих в браке в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

В случае, если лица не вступили в брак и не достигли шестнадцатилетия, то за ними сохраняется право совместного проживания и участия в воспитании своих детей, исходя из положений п. 1 и п. 2 ст. 62 СК РФ [8, с. 112]. Можно констатировать наличие исключения для анализируемой категории родителей, что обусловлено уходом законодателя от универсальной категории «прав и обязанностей» отца и матери путём закрепления за ними уменьшенного объема правомочий в отношении ребёнка исключив возложение на них обязанностей родителей. Из закреплённых прав необходимо отметить возможность совместного проживания со своим ребенком (ст. 62 СК РФ), соотносящуюся с установленным правом ребёнка проживать и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ), которое закреплено за всеми родителями без ограничений по возрасту.

Сравнение положений семейного, гражданского и жилищного законодательства позволяет выявить проблему отсутствия механизма реализации родительских прав вышеуказанной группы несовершеннолетних родителей. Нормы ст. 30 и 70 ЖК РФ, ст. 247 и 253 ГК РФ, ст. 35 СК РФ позволяют прийти к выводу о необходимости получения согласия собственников и членов семьи нанимателя для вселения в жилое помещение рождённого ребенка несовершеннолетним родителем по его месту жительства. Принудительное вселение при отсутствии обозначенного согласия не предусмотрено законом. Отсутствия необходимых условий служит основанием для отказа в совместном нахождении несовершеннолетнего родителя с ребёнком при помещении несовершеннолетнего родителя в специальную государственную организацию для детей-сирот (в детский дом). К сожалению, такой законодательный пробел позволяет оформлять устройство такого родителя и его ребёнка в разные семьи.

Данная ситуация допустима по причине отсутствия законодательного запрета на разлучение несовершеннолетнего родителя и его ребёнка, в отличие от защищённости от разлуки братьев и сестер при их устройстве (п. 3 ст. 124, п. 5 ст. 145 СК РФ). Пунктом 2 ст. 62 СК РФ установлена возможность установления ребёнку несовершеннолетнего родителя опекуна, осуществляющего воспитание ребёнка совместно с несовершеннолетним родителем, пока тот не достигнет возраста 16 лет [6, с. 24]. Такой подход к вопросу установления опеки вызывает много вопросов. О.И. Величкова настаивает на внесении в СК РФ нормы, закрепляющей в качестве законного представителя ребенка несовершеннолетней матери её мать, объясняя это возложением на женщину основного бремени по воспитанию внуков. С таким подходом не согласна О.Ю. Ильина, указывающая на возможное возникновение при предложенных изменениях законодательства противоречий ст. 62 СК РФ и п. 2 ст. 146 СК РФ [5, с. 78–79]. Также предложенные изменения противоречат предусмотренному ст. 11 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» порядку назначения опекуна органами опеки и попечительства¹, автоматически наделяя мать несовершеннолетней статусом опекуна без учёта необходимых условий (возраст, состояние здоровья, уровень дохода, жилищно-бытовые условия и др.). Полагаем, при решении вопроса о назначении опекуна требуется исходить из интересов ребёнка и одновременно учитывать возможность (невозможность) выполнения родительских прав в полном объёме несовершеннолетними родителями в каждом конкретном случае, не подводя разрешение однородных ситуаций под единый незыблемый алгоритм. Отсутствие психологической зрелости несовершеннолетней матери и стресс от факта рождения ребенка делают сомнительной возможность принятия ею решений, соответствующих интересам ребёнка. К тому же, не вступившие в брак несовершеннолетние до достижения шестнадцати лет имеют возможность реализации родительских прав в ограниченном объёме (п. 1, 2 ст. 62 СК РФ)². У них отсутствует право самостоятельно воспитывать ребёнка, самостоятельно представлять его права и интересы, выступать законным представителем своего ребёнка в полном объёме (п. 1 ст. 64 СК РФ). В то же время с момента рождения

¹ Ерохина Е. В. Семейно-правовое представительство по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 12–13.

² Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru

ребёнка возникает необходимость принятия важных решений в его интересах, предусматривающих оформление специальных документов (например, если требуется незамедлительная медицинская помощь необходимо оформлять согласие законного представителя, при оформлении ребёнка в медицинскую организацию, разрешение на проведение прививок в соответствии со ст. 17 федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» требует письменного согласия законного представителя¹, осуществление имущественных прав такого ребенка напрямую зависит от объёма дееспособности ребёнка (п. 2 ст. 28 ГК РФ) и др.).

Если возникает вопрос об установлении отцовства и взыскании алиментов, то видим неурегулированность законодательства относительно установления уполномоченного инициатора такого производства, так как несовершеннолетний родитель до достижения шестнадцатилетнего возраста и не вступивший в брак исходя из ст. 62 СК РФ не обладает таким правом. Если не будет назначен опекун рождённому ребёнку, то не реализуется надлежащее представительство и защита его интересов. Так как не достигший шестнадцатилетия несовершеннолетний родитель, не вступивший в брак, *de jure* не вправе представлять права своего ребенка, возникает ситуация, позволяющая признать отсутствие родительского попечения у рождённого ребёнка в смысле правил п. 1 ст. 121 СК РФ. Можем констатировать необходимость своевременного установления опеки в отношении такого ребёнка в соответствии с п. 1 ст. 145 СК РФ.

Вопрос установления опеки над таким ребёнком не единственный из неразрешённых в законодательстве, ещё одним проблемным моментом выступает пробел в законодательстве относительно закрепления процедуры взаимодействия опекуна и родителя, не достигшего совершеннолетия, в части вопросов воспитания ребёнка, процедуры, сроков и уполномоченных субъектов по рассмотрению и разрешению возникающих споров между ними. Отсутствие правового регулирования в сфере порядка привлечения к ответственности и подлежащих применению санкций к несовершеннолетним родителям также выступает проблемным вопросом в складывающихся конфликтных фактических ситуациях. Обозначенная проблема позволила некоторым учёным изложить сужде-

¹ Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: федер. закон от 17.09.1998 г. №157-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru

ние о возможности распространения общих правил о лишении и ограничении родительских прав в отношении указанной категории родителей, не достигших совершеннолетия¹. Данное мнение представляется несостоятельным ввиду отсутствия дееспособности у несовершеннолетних родителей до достижения шестнадцатилетнего возраста и не вступивших в брак.

Заключение

Полагаем, целесообразно законодательно закрепить возраст 16 лет, в качестве позволяющего применять к таким родителям, не вступившим в брак, мер семейно-правовой ответственности, так как большая часть прав родителей одновременно выступает в качестве их обязанностей, а правомочие по самостоятельной реализации родительских прав признается за несовершеннолетними, не вступившими в брак, с указанного возраста.

До наступления возраста шестнадцати лет при установлении ненадлежащего исполнения родительских обязанностей такими лицами в целях обеспечения интересов ребенка подлежат применению исключительно меры защиты – ограничение родительских прав (абз. 1 п. 2 ст. 73 СК РФ) и отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью (ст. 77 СК РФ).

При вступлении в брак лицом, не достигшим шестнадцати лет, если такая возможность предусмотрена законом субъекта РФ, несовершеннолетний родитель самостоятельно осуществляет родительские права в полном объеме исходя из положений п. 2 ст. 62 СК РФ, следовательно к нему должны применяться и семейно-правовые санкции как лишение и ограничение родительских прав [9, с. 127].

Список литературы

1. Величкова О.И. Особенности реализации несовершеннолетними родителями права на участие в воспитании ребенка // Актуальные проблемы гражданского права, гражданского и арбитражного процесса: материалы науч. конф. под ред: Е.И. Носыревой, Т.Н. Сафроновой. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. С. 399–407.
2. Величкова О.И. Семейно-правовой статус несовершеннолетнего родителя. Некоторые проблемы // Право и политика. 2002. № 3. С. 114–119.

¹ Комментарий к Семейному кодексу РФ / под ред. И. М. Кузнецовой. М., 1996. С. 177.

3. Жога Е.Ю., Васенин А.Ю., Тхаровская О.Ю. Семейно-правовые санкции как вид юридической ответственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 91–93.
4. Звенигородская Н.Ф. Проблема семейной дееспособности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 111–124.
5. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М., 2006.
6. Коновалова Д.И. Об опеке над детьми несовершеннолетних родителей // Проблемы совершенствования прокурорской деятельности и правоприменительной практики: сб. ст. Иркутск, 2017. С. 23–26.
7. Левушкин А.Н. Имущественные права и обязанности родителей, ответственность за их нарушение в российской семье // Семейное и жилищное право. 2005. №3. С. 22–23.
8. Леканова Е.Е. Охраняемый законом интерес на воспитание // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 110–127.
9. Тхаровская О.Ю., Чмырёв С.Н., Евстафиади Я.К. Основания и условия применения семейно-правовых санкций к родителям за ненадлежащее осуществление родительских прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 2019. С. 126–134.
10. Усс Н., Кондрахин Е., Чуприн С., Чурсина А.С. Институт опеки над детьми несовершеннолетних родителей: проблемы и противоречия // Молодёжь Сибири – науке России. Международная научно-практическая конференция. Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. 2017. С. 344–346.

References

1. Velichkova, O.I. (2002). *Osobennosti realizatsii nesovershennoletnimi roditelyami prava na uchastie v vospitanii rebenka* [Features of realization by minor parents of the right to participate in the upbringing of a child]. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava, grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsesssa. Materialy nauchnoi konferentsii. pod redaktsiei: E. I. Nosyrevoi, T. N. Safronovoi. Izdatel'stvo: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet (Voronezh) – Actual problems of civil law, civil and arbitration process. Materials of the scientific conference. pp. 399–407.
2. Velichkova, O.I. (2002) *Semeino-pravovoi status nesovershennoletnego roditelya. Nekotorye problem* [Family and legal status of a minor parent. Some challenges]. *Pravo i politika – Law and policy*. pp. 114–119. (In Russian).
3. Joha, E. J., Vasenin, A. Yu., Karovska, O. Yu. (2019) *Semeyno-pravovyye sanktsii kak vid yuridicheskoy otvetstvennosti* [Family law sanctions as a type of legal liability]. *Gumanitarnyye. sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki – Humanities, socio-economic and social Sciences*. pp. 91–93. (In Russian).
4. Zvenigorodskaya, N. F. (2011) *Problema semeynoy deyesposobnosti* [The problem of family capacity]. *Bulletin of Perm University. Legal science. – Bulletin of Perm University. Legal science*. pp.111–124. (In Russian).

5. Il'ina, O. Yu. (2006). *Interesy rebenka v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii* [Interests of the child in family law of the Russian Federation]. Moscow. (In Russian).

6. Konovalova, D. I. (2017) *Ob opeke nad detmi nesovershennoletnikh roditel'ey* [About custody of children of minor parents] – Problemy sovershenstvovaniya prokurorskoy deyatel'nosti i pravoprimeritel'noy praktiki. Sbornik statey. Irkutsk. The problem of improving the Prosecutor's legal activity and law enforcement practice. Collected papers. pp. 23–26. (In Russian).

7. Levushkin, A.N. (2005) Imushchestvennye prava i obyazannosti roditel'ei, otvetstvennost' za ikh narusheniye v rossiiskoi sem'e [Property rights and obligations of parents, responsibility for their violation in the Russian family]. *Semeinoe i zhilishchnoe parvo – Family and housing law*. pp. 22–23. (In Russian).

8. Lekanova, E. E. (2019) Okhranyayemyy zakonom interes na vospitaniye. [A legally protected interest in education]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad. – Social and legal notebook*. pp. 110–127 (In Russian).

9. Tkharovskaya, O.Yu., Chmyrev, S. N., Evstafiev, J. K. (2019) *Osnovaniya i usloviya primeneniya semeyno-pravovykh sanktsiy k roditelyam za nenadlezhashcheye osushchestvleniye roditelskikh prav i ispolneniye obyazannostey po vospitaniyu detey* [Grounds and conditions for applying family law sanctions to parents for improper exercise of parental rights and performance of duties for raising children]. Aktualnyye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsessa. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Krasnodar). pp. 126–134 (In Russian).

10. Uss, N., Kondrakhin, E., Chuprin, S., Chursina, A. S. (2017) *Institut opeki nad detmi nesovershennoletnikh roditel'ey: problemy i protivorechiya* [Institute of custody of children of minor parents: problems and contradictions]. Molodezh Sibiri – nauke Rossii. mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sibirskiy institut biznesa. upravleniya i psikhologii. In the collection: Youth of Siberia – science of Russia. international scientific and practical conference. – Siberian Institute of business, management and psychology. pp. 344–346 (In Russian).

Вклад соавторов

Бобракова Н.В., разработка гипотезы исследования, подбор библиографии, написание введения, заключения.

Сухомлинова Л.А., написание первой части основного исследования.

Тхаровская О.Ю., написание второй части основного исследования.

Author contributions

Bobrakova N.V., development of research hypothesis, selection of bibliography, writing of introduction.

Sukhomlinova L.A., writing the first part of the main study.

Tkharovskaya O.Yu., writing the second part of the main research, conclusion.

Об авторах

Наталья Владимировна Бобракова, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Nv.bobrakova@gmail.com

Людмила Александровна Сухомлинова, кандидат юридических наук, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, e-mail: sukhomlunovalow@gmail.com

Ольга Юрьевна Тхаровская, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, e-mail: tkhora81@yandex.ru

About the authors

Natal'ya V. Bobrakova, Cand. Sci. (Jur.), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: Nv.bobrakova@gmail.com

Lyudmila A. Sukhomlinova, Cand. Sci. (Jur.), Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, e-mail: sukhomlunovalow@gmail.com

Ol'ga Yu. Tkharovskaya, Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, e-mail: tkhora81@yandex.ru

Поступила в редакцию: 30.06.2020

Received: 06 June 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 349.2 – 054.7

Новые подходы в понимании внешней трудовой миграции: необходимость и значимость

В. П. Очередыко, Е. А. Малышев

*Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье предпринята попытка переосмысления традиционных представлений о сущности и содержании внешней трудовой миграции в современных условиях глобализации. Основное внимание обращается на необходимость выработки концепции внешней трудовой миграции, требующей системного подхода, базирующегося на «обратном» дихотомическом анализе.

Ключевые слова: глобализация, международный рынок труда, миграционные процессы, внешняя трудовая миграция, миграционный поток.

Для цитирования: Очередыко В.П., Малышев Е.А. Новые подходы в понимании внешней трудовой миграции: необходимость и значимость // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 109–120.

New approaches to understanding external labor migration: the need and importance

Viktor P. Ocheredko, Evgenii A. Malyshev

*North-West branch of the Russian state university of justice
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article attempts to rethink traditional ideas about the essence and content of external labor migration in the modern conditions of globalization. The focus is on the need to develop a concept of external labour migration that requires a systematic approach based on a "reverse" dichotomous analysis.

Key words: globalization, international labour market, migration processes, external labour migration, migration flow.

For citation: Ocheredko, V.P., Malyshev, E.A. (2020) *Novye podhody v ponimanii vneshnej trudovoj migracii: neobhodimost' i znachimost'* [New approaches to understanding external labor migration: the need and importance]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 109–120. (In Russian).

Введение

Экономический, социальный, оборонный потенциал любой страны всегда в решающей мере опосредованы качеством и мобильностью экономически активного населения. Россия достаточно активно вовлекается в международные миграционные процессы, получившие достаточно развитую международную нормативную основу. основополагающую роль среди актов Международной организации труда, регламентирующих защиту прав трудящихся-мигрантов, играют Конвенция № 97 о трудящихся-мигрантах (1949 г., в новой ред.), Конвенция № 143 о злоупотреблениях в области миграции и обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения (1975 г.), Конвенция № 189 о достойном труде домашних работников (2011 г.) [17, с. 51]. России еще предстоит провести детальную работу по определению целесообразности и механизмов присоединения к ряду вышеуказанных конвенций.

Развитие мирохозяйственных связей, формирование международного рынка рабочей силы создают стимулы для роста внешней трудовой миграции, которая становится важным фактором социально экономического развития страны. В этих условиях особую значимость приобретает ясное понимание динамики, структуры, масштабов, направленности потоков внешней трудовой миграции, организация их регламентированного учета и комплексной оценки.

Резко актуализируется потребность в создании современного институционального и нормативно-правового каркаса развивающихся миграционных процессов.

Решение этих задач наталкивается на сохранение традиционных представлений о природе и содержании внешней трудовой миграции. Эта сфера общественных отношений всегда была предметом исследования различных отраслей общественного знания – социологии, политологии, экономики, юриспруденции – которые на основе использования своего научного инструментария и понятийного аппарата вычленяют свой отраслевой аспект развивающихся миграционных отношений.

Обзор литературы

При написании работы авторами были использованы монографии: Андриченко Л. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина. – М.: ИЗ и СП: Норма: ИНФРА-М, 2019; Западнюк Е. А. Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда / Е. А. Западнюк. – Брянск: Дельта, 2007; Зинченко Н. Н. Международное миграционное право: основы теории и практики. – М.: Научная книга, 2011; Иванова Г. С. Влияние внешней трудовой миграции на структуру социально-трудовых отношений в Российской Федерации: монография: М-Берлин, 2015; Правовой статус иностранного гражданина в Российской Федерации в сфере труда: монография. / А. И. Иванчак. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2009; Иванчак А. И. Правовое регулирование труда российских работников-эмигрантов: монография. – СПб.: ВВМ, СПб., 2009; Малышева Е. А. Регулирование внешней трудовой миграции административно-принудительными мерами. – М.: ИНФРА-М, 2016. Статьи: Андреевой А. А. Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологических исследований // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8; Громцева О. В. Некоторые аспекты правового регулирования международной трудовой миграции в России // Общества. Среда. Развитие. 2013. № 3.; Давлетгильдеева Р. Ш. К вопросу об определении понятия «внешняя трудовая миграция» в российском праве // Российский юридический журнал. 1997. № 4; Дутова П. О. Внешняя трудовая миграция: к вопросу определения понятия и признаков // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3; Ионцева В. А., Рязанцева С. В, Ионцевой С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2; Люева А. Х. Внешняя трудовая миграция и конкуренция на российском рынке труда // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2015. № 1; Степакова С. Д. Правовое регулирование миграционных отношений Российской Федерации и стран Европейского Союза // Публичное и частное право. 2010. № 1. Зарубежные источники: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). International Migration 2019: Report (ST/ESA/SER.A/438); Stalker P. Workers without Frontiers: The impact of Globalization on International Migration / Peter Stalker. – Boulder (Colo.): Rienner; London: ILO, 2000; Bauer Thomas K., Haisken-DeNew John P., Schmidt Christoph M. International Labor Migration, Economic Growth and Labor Markets – the Current State of Affairs (August 2004).

Материалы и методы

В статье предпринята попытка переосмысления сущности важных для личности, общества, государства и уровня развития его экономики категории внешняя трудовая миграция. Многогранность проблемы обусловила привлечение научных источников не только по теме правового регулирования внешней трудовой миграции, но также литературы по другим отраслям знания, рассматривающим сущность вопроса.

Основополагающее значение имеет системный подход, базирующийся на «обратном» дихотомическом анализе, позволяющий рассматривать внешнюю трудовую миграцию как единое экономико-правовое явление, состоящее из относительно автономных, но органично связанных выездных и въездных трудовых миграционных потоков.

Результаты

Проведенный анализ показал, что исследователи выделяют трудовую миграцию в общем миграционном процессе, указывая ее обусловленность социально-экономическими факторами и констатируя большое ее влияние на развитие общества [8].

Важным моментом исследования является выделение в общем трудовом миграционном потоке двух видов потоков трудовой миграции: внутренней – перемещение занятого населения внутри страны и международной – между странами [1, с. 86], рассматриваемые как разнонаправленные самостоятельные потоки, развивающиеся под воздействием различных факторов. Практически все исследователи едины в увязывании анализа внешней трудовой миграции с перемещением трудоспособного лица через государственную границу для трудоустройства в другой стране [3, с. 137; 6; 8; 12, с. 122].

За рубежом данной проблеме также уделяется значительное внимание, о чем свидетельствует работа П. Сталкера «Работники без границ: влияние глобализации на международную миграцию» [16]. Автором осуществлен анализ воздействия глобализации на внешнюю трудовую миграцию работников из развивающихся стран в промышленно развитые страны.

Большое внимание исследованию миграционных отношений, прежде всего нормативных основ развития внешней трудовой миграции, уделяется юридической наукой. Серьезное внимание уделяется изучению миграционного законодательства, регулирующего поведение субъектов миграционно-трудовых отношений, сравнительно-правовому анализу правового регулирования трудовой миграции в Российской Федерации и опыта других стран, прежде всего, стран Европейского Союза [14], анализу правовых норм, регулирующего поведения субъектов миграционных отношений в Российской Федерации [2, с. 105–141].

Исследователи-юристы существенное внимание уделяют выяснению природы и содержания внешней трудовой миграции. В значительной мере общепринятым является понимание данного вида миграционного потока, как перемещение трудоспособных лиц за границу с целью осуществления ими оплачиваемой трудовой деятельности в иностранном государстве [4, с. 20–21; 7, с. 22; 14, с. 186].

Это наиболее общее определение, освобождающее анализ от выявления присущего этому процессу сложного содержания, и детальной характеристики присущих ему черт. Существенной конкретизацией анализа внешней трудовой миграции является выделение в ее рамках двух процессов (потоков) – трудовой эмиграции (выездная миграция) и трудовой иммиграции (въездная миграция) [5, с. 37; 7, с. 22].

Выделяя в рамках внешней трудовой миграции два указанных встречно развивающихся процесса, авторы в своих исследованиях не идут дальше этой констатации. Они не рассматривают их в органической взаимосвязи, сосредотачиваясь преимущественно лишь на характеристике правового регулирования одного вида потока внешней трудовой миграции – трудовой иммиграции, обходя вниманием другой ее вид – трудовую эмиграцию – поток, при котором российские граждане выезжают за границу для осуществления трудовой деятельности. Заметным исключением из обозначенного приоритета в анализе является, на наш взгляд, исследования А.И. Иванчак, которая опубликовала монографии, посвященные правовому статусу иностранного гражданина в Российской Федерации в сфере труда [9], а также правовому регулированию труда российских работников-эмигрантов [10]. Между тем, она рассматривает их (эти потоки) как самостоятельно развивающиеся процессы, не видит их органической взаимосвязи.

На основе системного подхода возможна разработка адекватного новым условиям законодательства и новых форм институционального взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти в сфере внешней трудовой миграции, что позволит обеспечить разработку и реализацию эффективной государственной миграционной политики в современных условиях.

Такой подход позволяет оценить общую ситуацию с миграционными трудовыми потоками, включающую их количественные и качественные параметры, соотношение и влияние на развитие страны. В противном случае мы ограничиваемся констатацией развивающихся процессов. Возрастающие масштабы выездных потоков являются серьезным демографическим и экономическим вызовом для нашей страны. В настоящее время в России отсутствует статистика, фиксирующая миграционный отток российских граждан за рубеж по частным каналам. А ведь по некоторым оценкам, за рубежом в настоящее время работает порядка 1,5 млн россиян [11, с. 504]. В связи с этим невозможно сопоставить и согласовать этот процесс с развивающимся потоком трудовой иммиграции, оценить вытекающие отсюда возможные угрозы социально-экономическому развитию страны. Наиболее болезненным для перспективы социально-экономического развития нашей страны является более высокий образовательный уровень россиян, выезжающих на работу за границу в сравнении с низкой образовательной структурой иностранных работников, въезжающих в Россию, что приводит к снижению интеллектуального и производительного потенциала трудовых ресурсов страны. Миграционная политика развитых стран, будучи направленной на привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа [15], нацелена на решение этой проблемы.

Предлагаемая теоретическая модель анализа внешней трудовой миграции позволяет не только изменить представление о данном экономико-правовом явлении, но и осуществить точные прогнозы состояния и рынка рабочей силы, определить перспективы социально-экономического развития нашей страны, совершенствовать целенаправленное воздействие комплекса специальных правовых средств на общественные отношения, развивающиеся в миграционной сфере.

Следует рассматривать внешнюю трудовую миграцию как экономико-правовое явление, включающее в себя выездной и въездной трудовые миграционные потоки, находящиеся в органической взаимосвязи.

Предлагаемый подход базируется на разворачивании исследования от рассмотрения в рамках традиционных представлений трудовой эмиграции и трудовой иммиграции как самостоятельных явлений к их анализу как органически связанных общей природой встречных потоков и составляющих единое явление – внешнюю трудовую миграцию.

Исходя из предложенного подхода, можно определить внешнюю трудовую миграцию как добровольный, временный выезд на законном основании российских граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, за границу, а также въезд иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих вне пределов Российской Федерации на ее территорию в целях трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и международными договорами [13, с. 32].

Содержание внешней трудовой миграции составляет органическая связь обозначенных нами двух встречных потоков. Эта связь базируется на их единой природе, проявляющейся в общих признаках выездного и въездного трудовых миграционных потоков. К их числу относятся, на наш взгляд, следующие признаки:

1) сочетание реализации лицом таких основных общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, как право на свободный труд и право свободного выезда из страны и въезда на ее территорию. Право каждого трудящегося свободно распоряжаться своими способностями к труду (ст. 37 Конституции РФ) является важнейшим экономическим признаком внешней трудовой миграции;

2) пересечение лицом государственной границы страны. В отличие от внутреннего перемещения в пределах административно-территориальных единиц государства выезд и въезд трудящегося-мигранта связан с пересечением им государственной границы страны, государственным миграционным надзором публичной администрации за его трудоустройством в стране въезда. Россия гарантирует своим гражданам защиту и покровительство во время их пребывания за границей (ч. 2 ст. 61 Конституции РФ);

3) добровольное перемещение лица в страну трудоустройства. Трудящийся-мигрант добровольно перемещается, по своей воле покидая государство своего постоянного проживания (пребывания) на территорию другого государства с согласия властей последнего. В основе добровольной миграции лежит отсутствие ее противоправных причин;

4) срочный (временных) характер пребывания лица на территории страны приема. Трудящийся-мигрант перемещается в другую страну на определенное время и имеет намерение вернуться на прежнее место своего жительства. Временные параметры пребывания трудящегося-мигранта (краткосрочное или долгосрочное) определяются в трудовом договоре, либо в гражданско-правовом договоре;

5) регулярное пересечение лицом государственной границы страны – приграничная и вахтовая миграция или нерегулярное – сезонная миграция. Приграничный трудящийся-мигрант регулярно (ежедневно или еженедельно) пересекает государственную границу, то есть живет в одной стране, а работает в другой. При вахтовой трудовой миграции используется режим стабильного и постоянного чередования работы и отдыха трудящегося-мигранта, что вызвано тяжелыми условиями труда (например, работа на морских платформах). Сезонный трудящийся-мигрант совершает перемещения только в определенной части года в зависимости от сезонных условий (например, сельскохозяйственные работы);

6) экономические мотивы перемещения лица в страну трудоустройства. Они лежат в основе трудовой деятельности – выполнении трудящимся-мигрантом работ (оказания услуг) за границей и вызваны различием в уровне заработной платы и состоянии рынка труда в разных странах;

7) наличие институциональных начал в трансграничном перемещении лица. Эти начала выступают в различных организационных формах – организованное перемещение трудящегося-мигранта при участии публичной администрации (в рамках международных межправительственных и межведомственных соглашений), либо без прямого участия, но под контролем (надзором) органов исполнительной власти (например, при содействии лицензированных организаций и многофункциональных миграционных центров) или самостоятельное перемещение трудящегося-мигранта, но под контролем и надзором государства;

8) законные основания пересечения лицом границы, нахождения и трудовой деятельности на территории страны приема, выезда трудящегося-мигранта по завершении разрешенных сроков пребывания, и незаконные – без соблюдения установленных правил въезда, пребывания и осуществления трудовой деятельности.

Обсуждение и выводы

Предложенное авторами понимание содержательных составляющих внешней трудовой миграции, их органической взаимосвязи позволяет преодолеть существующую автономизацию в исследовании этого сложного и динамично развивающегося явления, осуществить углубленный анализ его влияния на многие сферы жизнедеятельности страны, оценить существующие и возможные угрозы ее развитию.

Проведенный анализ позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о необходимости глубокого теоретического обоснования содержания внешней трудовой миграции в рамках обозначенного нами подхода, четкого определения и законодательного закрепления ее понятия в миграционном законодательстве России.

Список литературы

1. Андреева А.А. Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологических исследований // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20.
2. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М.: ИЗ и СП: Норма: ИНФРА-М, 2019. 392 с.
3. Громцев О. В. Некоторые аспекты правового регулирования международной трудовой миграции в России // Общества. Среда. Развитие. 2013. № 3. С. 137–140.
4. Давлетгильдеев Р. Ш. К вопросу об определении понятия «внешняя трудовая миграция» в российском праве // Российский юридический журнал. 1997. № 4. С. 15–23.
5. Дутов П. О. Внешняя трудовая миграция: к вопросу определения понятия и признаков // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 34–39.
6. Западнюк Е. А. Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда. Брянск: Дельта, 2007. 177 с.
7. Зинченко Н. Н. Международное миграционное право: основы теории и практики. М.: Научная книга, 2011. 344 с.
8. Иванов Г. С. Влияние внешней трудовой миграции на структуру социально-трудовых отношений в Российской Федерации: монография. М-Берлин, 2015. 155 с.
9. Иванчак А. И. Правовой статус иностранного гражданина в Российской Федерации в сфере труда: монография. М.: Изд-во РГТЭУ, 2009. 178 с.
10. Иванчак А.И. Правовое регулирование труда российских работников-эмигрантов: монография. СПб.: ВВМ, СПб., 2009. 256 с.
11. Ионцев В. А., Рязанцев С. В, Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 499–509.
12. Люев А. Х. Внешняя трудовая миграция и конкуренция на российском рынке труда // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2015. № 1. С. 122–127.

13. Малышев Е.А. Регулирование внешней трудовой миграции административно-принудительными мерами. М.: ИНФРА-М, 2016. 199 с.

14. Степаков С. Д. Правовое регулирование миграционных отношений Российской Федерации и стран Европейского Союза // Публичное и частное право. 2010. № 1. С. 186–199.

15. Bauer Thomas K., Haisken-DeNew John P., Schmidt Christoph M. International Labor Migration, Economic Growth and Labor Markets – the Current State of Affairs (August 2004). RWI Discussion Paper No. 20. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=784548> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.784548> (дата обращения: 07.07.2020).

16. Stalker P. Workers without Frontiers: The impact of Globalization on International Migration / Peter Stalker. – Boulder (Colo.): Rienner; London: ILO, 2000. – XI, 163 с.

17. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). International Migration 2019: Report (ST/ESA/SER.A/438). – 71 с.

References

1. Andreeva, A.A. (2015). Opredelenie ponyatij «vneshnyaya trudovaya migraciya» i «vnutrennyaya trudovaya migraciya» v ramkah sociologicheskikh issledovanij [Definition of the concepts of "external labor migration" and "internal labor migration" in the framework of sociological research]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*. No. 8. pp. 18–20. (In Russian).

2. Andrichenko, L.V. (2019). *Migracionnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: tendencii razvitiya i praktika primeneniya* [Migration legislation of the Russian Federation: trends in development and practice of application]. Moscow: IZ i SP: Norma: INFRA-M. 392 p. (In Russian).

3. Gromcev, O. V. (2013). Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnoj trudovoj migracii v Rossii [Some aspects of the legal regulation of international labor migration in Russia]. *Obshchestva. Sreda. Razvitie – Societies. Wednesday. Development*. No. 3. pp. 137–140. (In Russian).

4. Davletgil'deev, R. SH. (1997). K voprosu ob opredelenii ponyatiya «vneshnyaya trudovaya migraciya» v rossijskom prave [To the question of defining the concept of "external labor migration" in Russian law]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian legal journal*. No. 4. pp. 15–23. (In Russian).

5. Dutov, P. O. (2018). Vneshnyaya trudovaya migraciya: k voprosu opredeleniya ponyatiya i priznakov [External labor migration: to the question of defining the concept and features]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*. No. 3. pp. 34–39. (In Russian).

6. Zapadnyuk, E. A. (2007). *Trudovaya migraciya naseleniya i ee vliyanie na formirovanie sovremennogo rynka truda* [Labor migration of the population and its influence on the formation of the modern labor market]. Bryansk: Del'ta. 177 p. (In Russian).

7. Zinchenko, N. N. (2011). *Mezhdunarodnoe migracionnoe pravo: osnovy teorii i praktiki* [International Migration Law: Foundations of Theory and Practice]. Moscow: Nauchnaya kniga. 344 p. (In Russian).
8. Ivanov, G. S. (2015). *Vliyanie vneshnej trudovoj migracii na strukturu social'no-trudovyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii* [Influence of external labor migration on the structure of social and labor relations in the Russian Federation]. Moscow: Berlin. 155 p. (In Russian).
9. Ivanchak, A. I. (2009). *Pravovoj status inostrannogo grazhdanina v Rossijskoj Federacii v sfere truda* [Legal status of a foreign citizen in the Russian Federation in the field of labor]. Moscow: RGTEU. 178 p. (In Russian).
10. Ivanchak, A.I. (2009). *Pravovoe regulirovanie truda rossijskih rabotnikov-emigrantov* [Legal regulation of the labor of Russian emigrant workers]. St. Petersburg: VVM. 256 p. (In Russian).
11. Ioncev, V. A., Ryazancev, S. V, Ionceva, S. V. (2016). *Novye tendencii i formy emigracii iz Rossii* [New trends and forms of emigration from Russia]. *Ekonomika regiona – Economics of the region*. No. 2. pp. 499–509. (In Russian).
12. Lyuev, A. H. (2015). *Vneshnyaya trudovaya migraciya i konkurenciya na rossijskom rynke truda* [External labor migration and competition in the Russian labor market] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. – Bulletin of Adygea State University*. Series 1. No 1. pp. 122–127. (In Russian).
13. Malyshev, E.A. (2016). *Regulirovanie vneshnej trudovoj migracii administrativno-prinuditel'nymi merami* [Regulation of external labor migration by administrative and coercive measures]. Moscow: INFRA-M. 199 p. (In Russian).
14. Stepakov, S. D. (2010). *Pravovoe regulirovanie migracionnyh otnoshenij Rossijskoj Federacii i stran Evropejskogo Soyuza* [Legal regulation of migration relations between the Russian Federation and the countries of the European Union]. *Publichnoe i chastnoe pravo – Public and private law*. No. 1. pp. 186–199. (In Russian).
15. Bauer, Thomas K., Haisken-DeNew, John P., Schmidt, Christoph M. (2004). *International Labor Migration, Economic Growth and Labor Markets – the Current State of Affairs*. RWI Discussion Paper No. 20. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=784548> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.784548> (data obrashcheniya 07.07.2020).
16. Stalker, P. (2000) *Workers without Frontiers: The impact of Globalization on International Migration* / Peter Stalker. – Boulder (Colo.): Rienner; London: ILO, XI, 163 p.
17. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). *International Migration 2019: Report (ST/ESA/SER.A/438)*. 71 p.

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Виктор Пантелеевич Очередько, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Евгений Александрович Малышев, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: e_malishev31@rambler.ru

About the authors

Viktor P. Ocheredko, doctor of law, professor, North-West branch of the Russian state university of justice Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Evgenii A. Malyshev, candidate of law, associate professor, North-West branch of the Russian state university of justice Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: e_malishev31@rambler.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2020

Received: 10 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

УДК / UDC 349.2 : 331.45

Правовые аспекты охраны труда в современных условиях

Л. А. Чернышева

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Российское трудовое законодательство относит право каждого работника на охрану труда, условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены к числу основных принципов правового регулирования трудовых отношений. Повышение эффективности охраны труда и дальнейшее совершенствование управления в данной сфере послужит дальнейшему улучшению условий и охраны труда на рабочих местах.

В статье автором проведено комплексное исследования состояния охраны труда в России на современном этапе. Автором рассмотрены некоторые особенности организации охраны труда и обеспечения безопасных условий труда работодателем. Осуществлен анализ правоприменительной практики в сфере охраны труда. Рассмотрены проблемы правового регулирования охраны труда и предложены варианты решения данных проблем.

Автор приходит к выводу, что анализ и обоснование теоретических и правовых проблем в сфере охраны труда позволит совершенствовать законодательство об охране труда и позволит устранить явные противоречия и пробелы, имеющиеся в данной области.

Ключевые слова: работодатель, охрана труда, обучение по охране труда, инструктаж, работник, оценка условий труда.

Для цитирования: Чернышева Л. А. Правовые аспекты охраны труда в современных условиях // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 121–130.

Legal aspects of labour protection in the current context

L. A. Chernysheva

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of General Prosecutor's Office
of the Russian Federation*

Under Russian labour legislation, the right of each employee to labour protection, working conditions that comply with safety and hygiene requirements is among the most important principles of legal regulation of employment relations. Improving the efficiency of labour protection and further improvement of the management in that sphere will contribute to further improvement of labour conditions and labour protection in workplaces.

In the article, a comprehensive survey concerning the labour protection in Russia at the present stage was undertaken by the author. The author considered some features of the organization of labour protection and providing safe working conditions by an employer. Analysis of the law enforcement practice in the sphere of labour protection is carried out. Problems of legal regulation of labour protection were addressed, options of solving such problems were also proposed.

The author comes to the conclusion that the analysis and justification of theoretical and legal problems in the sphere of labour protection would support improvement of labour protection legislation and remove apparent contradictions and gaps that still exist in this field.

Key words: employer, labour protection, training in labour protection, instruction, employee, assessment of working conditions.

For citation: Chernysheva, L. A. (2020) Pravovye aspekty ohrany truda v sovremennykh usloviyakh [Legal aspects of labour protection in the current context]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 121–130. (In Russian).

Введение

Современное законодательство устанавливает базис гарантий трудовых прав работников, обеспечивая тем самым реализацию права каждого гражданина на свободу труда, на безопасный труд. Однако состояние дел в области соблюдения прав работников на безопасные условия труда сегодня нельзя назвать удовлетворительным. Анализ правоприменительной практики показал, что к наиболее часто встречающимся нарушениям в данной сфере относятся: непроведение инструктажа, отсутствие организации обучения безопасным методам и приемам выполнения работ, невыполнение требований по специальной оценке условий труда (далее – СОУТ), нарушение порядка расследования несчастных случаев. Несоблюдение данных требований зачастую приводит к тяжелым последствиям, в том числе и к смерти работника.

Как показывает статистика, уровень травматизма и заболеваний работников на рабочем месте выше по сравнению с экономически развитыми странами. Согласно данным, предоставленным Министерством труда и социальной защиты, в 2019 году в России произошло 5 086 несчастных случаев на производстве с тяжелыми последствиями, погибло на рабочем месте 1312 работников¹.

¹ Доклад об осуществлении государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и надзора в сфере социальной защиты населения за 2019 год. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости. URL: https://www.rostrud.ru/upload/Doc/Doc-rostrud/doc%20-%202019_1.pdf (дата обращения: 18.11.2019).

Состояние охраны труда на современном этапе

По данным, представленным Международной организацией труда, наша страна по-прежнему отличается высоким числом несчастных случаев со смертельным исходом. В странах Евросоюза проблеме соблюдения законодательства об охране труда, безопасных условий труда уделяется большое внимание в научной литературе. Можно отметить, например, работы таких зарубежных ученых, как: Иова А.Р., Крету Д. [4, с. 265]; Кузнецова Ю., Яльчин Б., Пристли М. [7, с. 577].

Об актуальности проблемы свидетельствует и заинтересованность государства. Профилирующими исполнительными органами и организациями ежегодно проводятся конференции, собрания и форумы по данной тематике. Одной из основных площадок для обсуждения проблемных вопросов в сфере охраны труда является Всероссийская неделя охраны труда. Так, генеральной темой Недели в 2020 году является «Здоровье на производстве – устойчивое развитие экономики страны».

Высокий уровень травматизма и смертности на производстве указывает на наличие проблем как в законодательном регулировании охраны труда, так и в сфере контроля и надзора за соблюдением имеющихся требований.

Определения понятия охраны труда с точки зрения трудового законодательства

Первая существенная проблема, на наш взгляд, связана с понятием охраны труда. В теории трудового права России охрану труда рассматривают в широком и узком смысле слова. Мнения авторов по данному вопросу расходятся: некоторые авторы придерживаются лишь одного подхода (так, С. А. Голощапов [2, с. 68], К. Л. Тамашевский [13, с. 141], А. Я. Петров [11, с. 51] придерживаются широкого понимания охраны труда), некоторые пишут об одновременном сосуществовании двух трактовок (например, такие авторы, как С.И. Каплун [5, с. 80; 6, с. 21], А. М. Сокольский [12, с. 7], Н. Г. Александров [1, с. 220–221], Р. В. Кирсанов [7, с. 10–13], А. М. и М. В. Лушниковы [9, с. 908]) и др.

Говоря о закрепленном в ст. 209 ТК РФ определении охраны труда, А. М. Лушников и М. В. Лушникова отмечают, что оно отражает комплексный подход к определению, а не его широкий смысл [9, с. 934].

Наличие законодательно закрепленного понятия охраны труда в ст. 209 Трудового кодекса Российской Федерации не исключает проблем

при реализации гарантий данного института. По мнению Н. М. Жолобова [3, с. 172–173], существующее определение охраны труда содержит в себе совокупность терминов, значение которых законодателем не определено. Так, Трудовой кодекс не раскрывает содержание мероприятий, указанных в ст. 209. Это обстоятельство влечет за собой не только проблемы правоприменения для работодателя, но и проблемы в осуществлении органами государственной власти контрольно-надзорной функции. Роструд в рекомендациях для работодателей – субъектов малого предпринимательства¹ дает примерный перечень тех действий, которые могут производиться в рамках соответствующего мероприятия.

Правовые мероприятия, по мнению Роструда, включают в себя: заключение договоров (трудового, коллективного); создание системы распорядительной документации по охране труда (положений, стандартов, приказов, инструкций и др.); обеспечение наличия необходимых материалов по: специальной оценке условий труда, расследованию несчастных случаев, о медицинском освидетельствовании работников и др.

Под социально-экономическими мероприятиями подразумевается непереносимое исполнение работодателем обязанности по предоставлению соответствующих гарантий и компенсаций (дополнительные отпуска, соответствующие доплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, обязательному социальному страхованию и т.д.

Организационно-технические мероприятия, в свою очередь, предполагают обязательность проведения инструктажа и обучения по охране труда, СОУТ, модернизации производства, рационализация рабочих мест и др.

Санитарно-гигиенические мероприятия предусматривают обязательное обустройство санитарно-гигиенических помещений, проведение санитарных мероприятий (дезинфекцию, дератизацию и т.д.), выдача средств индивидуальной защиты (СИЗ) и смывающих средств.

К лечебно-профилактическим мероприятиям Роструд относит обязательность проведения медицинских осмотров, обеспечение лечебно-профилактическим питанием и санаторно-курортным лечением, установление оптимальных режимов труда и т.п.

¹ URL: <https://eisot.rosmintrud.ru/informatsiya-dlya-malogo-biznesa>.

Рекомендации Роструда, бесспорно, имеют огромное значение, но необходимо учитывать, что они носят рекомендательный характер, т. к. законодательно не установлено, что, например необеспечение работников лечебно-профилактическим питанием влечет за собой невыполнение работодателем лечебно-профилактических мероприятий, а не, допустим, социально-экономических. В этой связи, было бы уместным закрепление понятия каждого мероприятия в нормах трудового права, что значительно облегчило бы работу контрольно-надзорных органов и послужило бы оптимизации действий работодателя по организации охраны труда.

Соотношение понятий охраны труда и безопасных условий труда. Требования по обеспечению безопасных условий труда

В ст. 209 ТК РФ помимо понятия «охраны труда» дано понятие и «безопасных условий труда». Законодатель в ст. 212 ТК РФ устанавливает обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий труда, выполняя при этом ряд необходимых требований, которые должны соответствовать правовым нормам и техническим показателям.

Одним из таких обязательных требований является наличие СОУТ. Понятие СОУТ дано в ст. Федерального закона «О специальной оценке условий труда». Согласно ч. 2 ст. 4 Закона и ст. 212 ТК РФ проведение СОУТ является прямой обязанностью работодателя.

Однако, как показывает практика, значительного уменьшения количества нарушений со стороны работодателя не наблюдается. Типичными нарушениями в данной сфере по-прежнему остаются непроведение СОУТ работодателем, недоведение до работников результатов СОУТ, нарушение прав и гарантий работников при проведении СОУТ и др. Причинами нарушений законодательства о СОУТ зачастую называют финансовую и организационную составляющую. Проанализируем финансовую составляющую. Работодатель, объясняя причину нарушений законодательства о СОУТ финансовой составляющей, жалуется на затрату средств по проведению СОУТ, на оплату бланков Декларации, подаваемой в Государственную инспекцию по труду (ГИТ). Что касается оплаты СОУТ, здесь используются тарифы аккредитованной на проведение СОУТ организации. Если рассматривать Санкт-Петербург, то в среднем стоимость оценки одного рабочего места колеблется от 600 до 2000 рублей. Стоимость зависит от количества мест, расположения, сложности оценки, срочности. Если речь идет о 3–4 рабочих местах, то средняя

сумма составит около 6000–10000 тыс. рублей, если о 100 рабочих местах, то соответственно сумма значительно возрастёт. Возможно, с учетом современных реалий у работодателя могут возникнуть трудности с оплатой услуг организации, проводящей СОУТ, кроме того, если речь идет о мегаполисах, то есть возможность выбора организации и соответственно стоимости услуги, но такая ситуация складывается далеко не во всех регионах нашей страны. В этой связи, было бы уместным рассмотреть вопрос о регулировании государством данного вопроса, например, установление единых тарифов по СОУТ для всех аккредитованных организаций.

Следующим необходимым требованием при обеспечении работодателем безопасных условий труда, является обучение и инструктирование работников по охране труда. В соответствии со ст. 225 ТК РФ и ГОСТом 12.0.004.-2015 «Организация обучения безопасности труда. Общие положения» все работники организации, в том числе и работодатель, обязаны проходить обучение по охране труда и проверку знаний охраны труда в порядке, установленном постановлением Минтруда России и Минобробразования России №1/29 от 13 января 2003 года (далее – Постановление). В данном Постановлении закреплён круг лиц, для которых его исполнение является обязательным, к ним относят работодателей как физических, так и юридических лиц, работников. Из Постановления вытекает, что работодатель обязан организовать инструктаж, обучение и проверку знаний.

Несмотря на кажущуюся урегулированность вопроса обучения по охране труда и сохранения тенденции снижения уровня общего травматизма, практика показывает, что нарушения в данной области имеют место. Одной из причин являются пробелы в законодательстве. Например, затрудняет применение положений об обучении охране труда отсутствие в трудовом законодательстве понятия «инструктажа» и «обучения». Эта проблема влечет за собой нарушения законодательства, при этом причиной нарушения является не недобросовестность работодателя, а его непонимание требований нормативных правовых актов.

Неэффективность обучения охране труда, на наш взгляд, выражается и в устаревших методах обучения требованиям по охране труда. Современные технологии не стоят на месте и поэтому применение устаревших методов обучения не приводят к должному результату (высокий уровень травматизма тому подтверждение). На современном этапе все большее развитие получает разработанная МАСО концепция «Vision

Zero» («нулевого» травматизма). Данная концепция отличается относительной гибкостью и может быть адаптирована к таким мерам профилактики, которые имеют первостепенное значение для обеспечения безопасности труда и гигиены труда. Данная концепция призывает инвестировать в обучение и профессиональную подготовку своих работников. Необходимо отметить, что сегодня некоторые работодатели уже имеют определенный положительный опыт, отдельные работодатели используют системы видео- и аудиофиксации хода производственных процессов и производства работ, что позволяет им оценить риски травматизма и техники безопасности на рабочем месте.

Однако, как показывает практика, недостаточно только пройти обучение, необходимо еще и проверить полученные знания по охране труда. Допустив к исполнению трудовых обязанностей работника, не прошедшего обучение и проверку знаний охраны труда, работодатель совершает административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 5.27.1 КоАП РФ. Т.Н. Оглезнева и Р.А. Такасаев в своей работе поднимают проблему халатного отношения работодателей к проведению обучения по охране труда. По мнению авторов, данный факт является негативным последствием, в том числе, отсутствия единой методики проведения обучения и проверки знаний по охране труда [11, с. 256].

В качестве примера, можно привести случившийся в Тамбовской области тяжелый несчастный случай с машинистом самоходного крана. ГИТ было установлено, что работодателем был нарушен ряд требований трудового законодательства, выявлены недостатки в организации и проведении подготовки работников к охране труда (нарушены: ст. 212 ТК РФ, п. 2.1.3, п. 2.1.4, п. 2.1.7 Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций, утв. постановлением Минтруда России, Минобрнауки России от 13.01.2003 №1/29)¹. Приведенный пример, к сожалению, не является единичным случаем. В этой связи можно согласиться с мнением авторов, которые предлагают усилить контроль по проверке качества подготовки и проверки знаний требований по охране труда и передать полномочия по проверке этих знаний органам исполнительной власти [11, с. 257]. Передача данных полномочий в какой-то степени обусловлена и Концепцией долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года. В указанной Концепции установлено, что одна из важнейших задач для

¹ URL: <https://git68.rostrud.ru/news/900143.html>.

обеспечения дальнейшего развития и более гибкого эффективно функционирующего рынка труда на территории Российской Федерации заключается в необходимости обеспечения соблюдения законодательных норм и правил в сфере регулирования рынка труда и трудовых отношений, в этом же абзаце отмечается важность повышения эффективности контроля и надзора за их исполнением¹.

Заключение

Таким образом, улучшение состояния законности в сфере охраны труда зависит от многих факторов. Так например, анализ имеющейся проблемы определения значения понятия «охрана труда» показал назревшую необходимость закрепление в ст. 209 ТК РФ положений, раскрывающих содержания правовых, социально-экономических, организационно-технических, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических, реабилитационных мероприятий. На наш взгляд, к понижению уровня травматизма может привести совершенствование системы обучения требованиям охраны труда, посредством применения методов доступных и понятных для работников с использованием современных технологий обучения и проверки знаний. Справедливым будет отметить, что с учетом существующих сегодня правовых, социально-экономических проблем, соблюдение работодателем обязанностей по организации охраны труда совсем непростая задача.

Список литературы

1. Александров Н. Г., Москаленко Г. К. Советское трудовое право. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР. 1947. 368 с.
2. Голощапов С.А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. М.: Юрид. лит., 1982. 200 с.
3. Жолобов Н.М. Теоретические подходы к содержанию понятия «охрана труда» и её социально-экономическое значение // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2009. № 4–1 (32). С. 172–173.
4. Иова А.Р., Крету Д. Интеграция молодежи на рынок труда. Тематические исследования в Румынии и Болгарии. Sci. Pap. Ser. Manag. Econ. Eng. Agric. Rural Dev. 2018. № 18. С. 265–272.
5. Каплун С. И. К здоровому и радостному труду: сб. ст. по охране труда за 1917–1922 гг. М.: Вопросы труда. 1923–1924. 158 с.

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

6. Каплун С. И. Охрана труда и ее органы. 2-е изд. М.: Госиздат, 1921. 505 с.
7. Кирсанов Р. В. Охрана труда в узком и широком смысле: два подхода к одному определению // *Кадровик. Трудовое право для кадровика*. 2013. № 4. С. 10–13.
8. Кузнецова Ю., Яльчин Б., Пристли М. Интеграция на рынок труда и равные права для людей с ограниченными физическими возможностями: Сравнительный анализ по странам Северной Европы и Балтии. *Soc. Policy Adm.* 2017. 51. С. 577–597.
9. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М.: Статут, 2009. 1151 с.
10. Оглезнева Т.Н., Такасаев Р.А. Качественное обучение по охране труда как основополагающий фактор снижения травматизма // *World science: problems and innovations*. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Пенза, 2017. С. 256–257.
11. Петров А. Я. Охрана труда – институт современного трудового права России и его совершенствование // *Законодательство и экономика*. 2008. № 9. С. 51–56.
12. Сокольский А. М. Охрана труда в условиях развития промышленности. Харьков: Пролетарий, 1926. 86 с.
13. Томашевский К. Л. Очерки трудового права. Минск.: Изд. центр БГУ, 2009. 335 с.

References

1. Aleksandrov, N. G. (1947). *Sovetskoe trudovoe pravo* [Soviet labour law] Moscow: Yurid. izd-vo M-va yustitsii SSSR. 368 p. (In Russian).
2. Goloshchapov, S. A. (1982). *Pravovye voprosy okhrany truda v SSSR* [Legal issues of labour protection in the USSR]. Moscow: Yuridicheskaya literature. 200 p. (In Russian).
3. Zholobov, N.M. (2009). Teoreticheskie podkhody k sodержaniyu ponyatiya «okhrana truda» i ee sotsial'no-ehkonomicheskoe znachenie [Theoretical approaches to the content of “labour protection” and its socio-economic importance]. *Vestnik belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii – Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperation*. No. 4–1 (32). pp. 172–173. (In Russian).
4. Iova, A.R., Kretu, D. (2018). *Integratsiya molodezhi na rynek truda. Tematicheskie issledovaniya v Rumynii i Bolgarii* [Young persons insertion on the labor market. Case study in Romania and Bulgaria]. *Sci. Pap. Ser. Manag. Econ. Eng. Agric. Rural Dev.* pp. 265–272. (In Russian).
5. Kaplun, S. I. (1923). *K zdorovomu i radostnomu trudu: sb. st. po okhrane truda za 1917–1922 gg.* [To healthful and enjoyable labour: a collection of articles on labour protection written in 1917–1922]. Moscow: Voprosy truda. 158 p. (In Russian).
6. Kaplun, S. I. (1921). *Okhrana truda i ee organy* [Labour protection and its organs]. Moscow: Gos. izd-vo. 505 p. (In Russian).
7. Kirsanov, R. V. (2013). Okhrana truda v uzkom i shirokom smysle: dva podkhoda k odnomu opredeleniyu [Labour protection in a narrow and in a broad sense: two approaches to one definition] *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika – Personnel. Labor law for a personnel officer*. No 4. pp. 10–13. (In Russian).

8. Kuznetsova, Yu., Yalcin, B., Priestley, M. (2017). *Integratsiya na rynek truda i ravnye prava dlya lyudei s ogranichennymi fizicheskimi vozmozhnostyami: Sravnitel'nyi analiz po stranam Severnoi Evropy i Baltii* [Labour market integration and equality for disabled people: A comparative analysis of Nordic and Baltic countries]. Soc. Policy Adm. pp. 577–597. (In Russian).

9. Lushnikov, A.M., Lushnikova, M.V. (2009). Kurs trudovogo prava: Uchebnik: V 2 t. T. 2. Kollektivnoe trudovoe pravo. Individual'noe trudovoe pravo. Protsessual'noe trudovoe pravo [Course on labour law: Textbook: in two vol. Vol. 2. Collective labour law. Individual labour law. Procedural labour law]. Moscow: Statut. 1151 p. (In Russian).

10. Oglezneva, T.N., Takasaev, R.A. (2017). *Kachestvennoe obuchenie po okhrane truda kak osnovopolagayushchii faktor snizheniya travmatizma* [Quality education in labour protection as a fundamental factor for the reduction of injuries] World science: problems and innovations. Sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh. Penza. pp. 256–257. (In Russian).

11. Petrov, A. Ya. (2008). Okhrana truda – institut sovremennogo trudovogo prava Rossii i ego sovershenstvovanie [Labour protection as the institute of Russian contemporary labour law and its improvement] *Zakonodatel'stvo i ehkonomika – Legislation and Economics*. No. 9. P. 51. (In Russian).

12. Sokol'skii, A. M. (1926). *Okhrana truda v usloviyakh razvitiya promyshlennosti* [Labour protection in terms of industrial development]. Khar'kov: Proletarii. 86 p. (In Russian).

13. Tomashevskii, K. L. (2009). *Ocherki trudovogo prava* [Essays on labour law]. Minsk: Izd. tsentr BGU. 335 p. (In Russian).

Об авторах

Людмила Александровна Чернышева, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, e-mail: liudemila2008@yandex.ru

Liudemila Aleksandrovna Chernysheva, PhD in law, docent, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of General Prosecutor's Office of the Russian Federation, e-mail: liudemila2008@yandex.ru

Поступила в редакцию: 08.09.2020

Received: 08 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020

Для заметок

Научный журнал

Ленинградский юридический журнал

№ 3 (61)

Редактор *А. А. Титова*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Н. В. Чернышевой*

Подписано в печать 29.09.2020. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1656

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10